

Н.И. КОНРАД. ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ ЯПОНИИ (1937)

Сегодня мы начинаем публикацию малоизвестной работы классика отечественного японоведения Николая Иосифовича Конрада, посвященной древней истории Японии. Раритетный текст воспроизводится с соблюдением особенностей подлинника по машинописной копии под названием

Проф. Н.И. Конрад. Лекции по истории Японии (1936/1937 уч. год.). Московский институт Востоковедения им. Нариманова при ЦИК СССР. Москва, 1937 г. (на правах рукописи)

Подготовка текста и публикация Марии Щербаковой.

Надеемся, что публикация будет полезна всем интересующимся историей Японии.

Е.К.

*Материал опубликован на сайте ОКНО В ЯПОНИЮ (<http://ru-jp.org>) в 2004 г.
Постоянный адрес данного материала - http://ru-jp.org/konrad_rekishi.pdf*

#####

Н.И. КОНРАД. ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ ЯПОНИИ

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ (С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ПЕРЕВОРОТА ТАЙКА, 645 г.)

ДРЕВНЕЙШИЙ РОДОВОЙ СТРОЙ

Изложение содержания какого-нибудь периода японской истории должно опираться на изучение источников, относящихся к этому периоду. Это положение остается верным и для древней эпохи: и здесь мы должны такие источники найти и на них основывать наше изучение. Древний период заканчивается в середине VII в. Начало же его восходит к очень отдаленным временам. Какими же источниками мы обладаем для изучения древней истории Японии?

Совершенно естественно, что в самом начале своей исторической жизни народ еще не имеет письменности. Ожидать поэтому наличия письменных источников, возникших в эпоху первобытного коммунизма и даже раннего родового строя, - совершенно невозможно. Письменность появляется обычно сравнительно поздно, когда уже первые этапы исторического развития пройдены.

Как известно, появлением у себя письменности японцы обязаны Китаю: ими были усвоены китайские иероглифы, и впоследствии на основе этих иероглифов была

выработана в дополнение к ним слоговая азбука "кана" - в двух графических вариантах - "катакана" и "хирагана", сведенных в две алфавитных системы - "годзюон" (для катакана) и "ироха" (для хирагана). До появления этой китайской иероглифической письменности никакой своей письменности у японцев не существовало. Правда, археология обнаруживает наличие в глубокой древности примитивных знаков, которые могут считаться первым шагом по пути к изобретению письма: это - рисуночное письмо и условные значки. Первые обнаружены на древних металлических гонгах и на стенах пещер (в пров. Коти); вторые на глиняных сосудах, найденных в древних пещерных жилищах (в преф. Сайтама). Но это еще не письмо, а только его зародыши, не получившие к тому же на японской почве развития. Кроме того, кое-где обнаружены следы знаков, более похожих на письменные, что дало повод некоторым японским исследователям еще в период феодализма (например, Хирата Ацутатакэ, 1776-1843) утверждать, что в Японии, в самую древнюю эпоху, в т. наз. "век богов" существовали свои письменные знаки, которые они и называли "письмом века богов". Однако, ближайшее исследование этих знаков установило, что эти знаки принадлежат к другим древним системам письменности (к древне-корейской, м.б. к древне-турецкой) и попали в Японию благодаря появлению на японских островах групп, принадлежащих к другим народностям. К тому же и эти знаки не получили никакого развития.

Таким образом, письменность в Японии появилась благодаря Китаю, а также благодаря Корее, служившей проводником китайской культуры. Когда эта китайская письменность была занесена? Обычная традиция, идущая от хроник VIII в. - Кодзики и Нихонги, считает, что иероглифы впервые попали в Японию в 404-405 г. В 404 году из Кореи ко двору японских царей будто бы прибыл некий Атики, который "хорошо умел читать китайские книги" и стал обучать китайской грамоте наследного принца. В 405 году из Кореи прибыл уже "ученый" - Вани, которому было передано обучение царских детей.

Разумеется, эти факты не могут считаться началом китайской письменности в Японии: это скорее указание на ее официальное признание при дворе японских царей. Проникновение же ее относится, по-видимому, к II-III в., когда отмечаются оживленные сношения с Кореей и Китаем.

Появление письменности повлекло за собой появление письменных памятников. Наиболее древними - из числа дошедших до нас - являются надписи (стэлы) в некоторых буддийских храмах (напр., Хорюдзи в Нара), "Закон" принца Сётоку-тайси (604 г.), две исторических хроники - Кодзики (712) и Нихонги (720), географически-этнические

описания различных местностей - Фудоки (VIII в.), хроника Когосуй (808 г.). Стэлы - и по своей малочисленности, и содержанию - не имеют значения для истории: "Закон" Сётоку-тайси (всего 17 статей) известен только помещенным в позднейшие памятники. Поэтому историк древней Японии располагает только Кодзики, Нихонги, Фудоки и Когосуй, т.е. памятниками, возникшими в VIII-IX в.

Самыми важными из них являются Кодзики и Нихонги. Но это - произведения VIII века, и если они говорят о современных им событиях, то эти события относятся не далее, как к концу VII-го, началу VIII века. О более ранних эпохах, эпохах древнейших они не говорят непосредственно. Поэтому хрониками Кодзики и Нихонги - с точки зрения реконструкции древнейшей истории Японии - мы можем пользоваться только в том случае, если удастся отделить все позднейшее и вскрыть те сведения о ранних эпохах, которые, может быть, там есть. Приходится, поэтому искать, нет ли каких-нибудь других письменных источников, которые непосредственно говорили бы о Японии более ранней эпохи, которые сами появились бы в эту эпоху. И такие есть: это - китайские источники. Японской наукой произведена большая работа по выяснению того, где, в каком китайском памятнике что-либо пишется о Японии. Сейчас можно точно перечислить те китайские исторические памятники, в которых встречаются те или иные сведения о Японии.

Самый ранний материал встречается в Цянь-Хань-шу, т.е. истории Первой Ханьской династии (206 г. до н.э. - 8 г. н.э.). В истории этой династии содержатся первые упоминания о Японии. Причем эти упоминания относятся к Японии I века до нашей эры.

Некоторые сведения содержатся также и в Хоу-Хань-шу, т.е. в истории Второй Ханьской династии (25-220 г.). Эти сведения относятся к Японии I-II в. н.э.

Третий китайский памятник - это т.н. Вэйчжи. Это - история царства Вэй, которое существовало в Китае в III в. н.э. В этой истории имеется специальная глава о так называемых "Важэнь", т.е. о японцах. Это самое подробное описание Японии, которое существует в китайских источниках, и которое отличается максимальной достоверностью.

Далее идет Сун-шу - история Сунского царства, которое существовало в Китае в V веке. "История царства Сун" содержит упоминание о Японии тоже V века. Таким образом, китайские источники дают сведения о Японии, начиная с I века до н.э.

Что дают эти китайские памятники? Из сообщений Цянь-Хань-шу, книги, которая дает сведения о Японии приблизительно около н. эры, наиболее важно следующее:

"Они (Важэнь) распадаются на более чем 100 государств. Они ежегодно приезжают к нам и проносят нам дань".

Из сообщений Хоу-Хань-шу, говорящей о I-II в. нашей эры, важны упоминания о том, что из Японии приезжают послы к Ханьскому двору. Одно из таких посольств, относимое Ханьской хроникой к 57 г. имеет особое значение. Хроника рассказывает, что это было посольство из "страны Идо", и что Ханьский император Гуан-у пожаловал царю этой страны золотую печать. И вот, в 1784 г. в Канодзаки, в уезде Нака в пров. Тикудзэн на о. Кюсю одним крестьянином была найдена в земле старинная золотая печать с корейской надписью: "Хань - царю страны Идо". Известно, что "Идо" - старинное название того района Кюсю, где была найдена печать. Все это заставляет думать, что посольство 57 г. - действительный факт, а это в свою очередь заставляет относиться к показаниям китайских хроник с большим доверием.

Под 107 годом имеется упоминание о том, что послы, прибывшие из Японии, поднесли от имени царя 160 рабов. В Вэйчжи сообщаются уже подробные сведения о стране Яматай, которую японские историки отождествляют с Ямато. Правда, о месте этой страны Ямато идет большой спор. Одни полагают, что страна Ямато находилась на острове Кюсю, другие - в Кинай. Однако больше оснований считать Ямато в районе Кинай. В описании Вэйчжи самое интересное для нас - некоторые указания на государственный и социальный строй, бывший тогда в Японии. Вэйчжи рассказывает о государстве, во главе которого стояла царица, именуемая Химиико. Описывается двор этой царицы, сообщается, что у нее более тысячи рабынь, описывается ее дворец, говорится о том, что в этом дворце стоит многочисленная стража и т.д. Сообщается, что эта царица Химиико завоевала окружающие государства и во главе этих завоеванных стран (куни) поставила своих заместителей.

Последний памятник, о котором упоминалось выше, - история Сунского царства в Китае - дает сведения, относящиеся к V веку н. эры, к 450-470 гг. Основные сведения, дающиеся в Сун-шу, заключаются в перечислении походов, которые совершались царством Ямато по всем направлениям, и результатов этих походов. Так мы узнаем, что на востоке было покорено 55 стран, на западе 56, на севере 95; узнаем, что после этого покорять было

уже некого. Другими словами, по словам Сун-шу выходит, что покорение страной Ямато всех прочих стран в V веке как будто закончилось, и образовалось уже одно государство.

Вот в самом кратком изложении те наиболее существенные данные, которые приводятся в китайских источниках. Ясно, что они говорят не о древнейшем прошлом японского народа, а о процессе образования раннего племенного государства, о появлении рабов, о появлении правителей, т.е. об эпохе гораздо более поздней. Это - эпоха позднего родового строя, и в дальнейшем - его распадение.

Памятники древней корейской историографии могли бы пролить не малый свет на раннюю японскую историю. Сношения с Кореей существовали уже в глубокой древности, а Корея гораздо раньше усвоила письменность. К сожалению, эти памятники до нас не дошли. Наиболее ранний из них - хроника княжества Пякчэ, возникшая во 2-й половине IV века, известна нам по тем выдержкам, которые помещены в Нихонги. Сведения о Японии поэтому находятся только в тех корейских хрониках, которые появились гораздо позже. Первой такой хроникой является Самкук-сакой - "История трех царств", составленная в 1145 г. и повествующая о событиях приблизительно с начала нашей эры до 935 г. Повидимому, в этой хронике содержатся извлечения из более ранних, тогда еще существовавших или сохранившихся во фрагментах памятников, до нас, однако, не дошедших.

Обратимся теперь к японским источникам. Как я уже указал, основными для нас являются хроники Кодзики и Нихонги. Кодзики закончено составлением в 712 году, Нихонги в 720 г. Обе хроники в равной мере излагают всю историю Японии, начиная с появления этого мира вообще, т.е. "эры богов"; при этом Кодзики доводит свое повествование до 628 г., т.е. до конца царствования Суйко, иначе говоря - до регентства Сётоку-Тайси, Нихонги - до 697 г., т.е. до конца царствования Дзито. Фактически Кодзики повествуют о событиях до конца V века, так как, начиная с царя Нинкэн (488-498) все изложение Кодзики не идет дальше простой генеалогии. В связи с этим становится очень важным Нихонги, действительно доводящая свой рассказ до 697 г. Таким образом, отличие этих японских источников от китайских заключается прежде всего в том, что они являются гораздо более поздними. Кроме того, китайские памятники излагают те сведения о Японии, которые накопились за ближайший к составлению самого памятника период и в этом смысле они более или менее "современны" сообщаемым ими сведениями. Японские же хроники в этом смысле "современны" только самым последним частям своего повествования; если брать широко

- VI-VII векам. В пределах этих столетий мы можем находить в Кодзики и Нихонги наиболее достоверный исторический материал. Это подтверждается тем, что с VI столетия начинается наиболее достоверная хронология: с 527 г. даты, даваемые Кодзики и Нихонги, начинают совпадать как между собою, так и с корейскими историографическими трудами. В известной мере исторически и хронологически достоверным можно считать в Кодзики и Нихонги и V в., поскольку в этот период начинает уже наблюдаться частичное совпадение дат и событий, излагаемых в этих обоих хрониках и в корейских источниках. Все же повествование о более ранних временах является сводом и обработкой ряда мифов и сказаний, возникших в разное и неопределенное время.

Таким образом, при помощи Кодзики и Нихонги можно восстанавливать японскую историю главным образом V-VI-VII веков. Но этот период несомненно представляет распад родового строя, его разложение, но отнюдь не его расцвет. Иначе говоря, мы можем более или менее представить явственно историю Японии, начиная с эпохи позднего родового строя, с эпохи появления рабов, междоусобной борьбы и образования японского государства, но истории родового строя в чистом виде, а тем более первобытного общества Японии - построить невозможно. Кое-что можно сделать только в отношении эпохи родового строя.

К какому времени может относиться эпоха родового строя в Японии в более или менее чистом своем виде?

Обычно считается, что эпоха родового строя связана с культурой неолита. Когда же в Японии была неолитическая эпоха? Оказывается, что неолитические находки на японских островах заканчиваются приблизительно около первого века н.э. Позже первого века н.э. уже несомненно наступает эпоха металла - бронзы, железа. Палеолитических же находок вообще не обнаружено. Правда, судя по газетным сведениям, в конце 1935 г. на Рюкюских островах будто бы обнаружена стоянка первобытного человека, но это, во-первых, пока еще единичный и не проверенный факт; во-вторых, касается не собственно Японии, а о-ва Рюкю, имевших в значительной мере особую историческую судьбу. Таким образом, поскольку японская археология пока дает сведения только о неолите, она тем самым дает сведения о родовом строе.

Но не только одни археологические данные могут пролить свет на родовой строй. При всем позднейшем происхождении Кодзики и Нихонги в них все же содержатся следы

гораздо более ранних эпох. Если эти следы обнаружить и сопоставить с данными археологии и этнографии, то, пожалуй, кое-что о родовом строе сказать можно. Что же можно сказать о нем?

Необходимо сначала кратко изложить данные археологии, касающиеся неолитической эпохи. Раскопки дают орудия каменные, костяные, деревянные. Эти предметы хорошо описаны, и их можно изучать. В числе этих предметов находятся между прочим глиняные фигурки (ханива), которые изображают людей. По этим фигуркам можно судить не только о гончарной технике, но и об антропологическом облике людей того времени, об их одежде, вооружении и т.д. Кодзики объясняют появление этих ханива следующим образом. Когда-то в древние времена существовал обычай хоронить всех спутников вождя живыми вслед за вождем и поэтому целая масса людей закапывалась в землю. Но один из императоров, Суйнин, как-то раз услышал вопли зарываемых в землю людей, и это его так потрясло, что несмотря на то, что этот обычай велся с древнейших времен, он нашел возможным этот обычай отменить и ввести более гуманный, предложенный одним из его министров, а именно: вместо живых людей хоронить их глиняные изображения.

Кое-какие данные можно получить и о жилищах. Древнейшие жилища - это пещеры в горах и пещеры в земле, вероятно с навесом сверху; кроме того, были соломенные шалаши, шалаши из ветвей дерева. Официальная японская история упоминает о пещерных жилищах с некоторым презрением, считая, что эти пещерные жилища были якобы не для японцев, а для "низших" народностей. Но следы этих жилищ находятся и в тех самых местах, которые занимало племя Ямато, т.е. то племя, которое должно считаться японским.

Есть и еще некоторая возможность судить об образе жизни той эпохи. Раскопки дают большое количество охотничьих орудий, рыболовных снастей. Это говорит об охоте и рыболовстве. Но, по-видимому, уже в древнейшие времена было и земледелие. Однако, рис, надо думать, появился сравнительно поздно. Считается, что даже само японское слово для понятия "рис" - "комэ" является гибридным, состоящим из японского элемента - "ко" и китайского "мэ" /ср. совр. китайское "ми"/. Это дает основание предполагать, что рисовое земледелие было занесено в Японию китайскими переселенцами. Нужно попутно заметить, что во многих словах-названиях предметов, завезенных в Японию с материка, видно их китайское происхождение. Так, например, такое слово, как "лошадь" "ума" тоже содержит в себе китайские элементы /ср. кит. "ма" - лошадь/.

Таким образом, в древнейшую эпоху несомненно наличие охоты и рыболовства, а также раннего земледелия. Возможно установить также не только более позднее, но и иноземное происхождение риса и рогатого скота.

Чтобы восстановить эту родовую эпоху более полно, нужно обратиться уже к письменным источникам. Китайские источники говорят о более позднем периоде. Поэтому приходится обращаться к Кодзика и Нихонги и установить, что в этих памятниках может относиться к эпохе родового строя. Но прежде, чем это установить, необходимо хотя бы кратко изложить, о чем повествуют обе хроники вообще.

Кодзика и Нихонги начинают свое повествование с "эпохи богов" и излагают то, что этнографы именуют космологическими мифами - мифами о происхождении мира. Конечно, та космологическая картина, которую дает Кодзика, носит все признаки позднейшего упорядочения и обработки. Само собой разумеется, что такие мифы не складывались в такой определенной форме, и не располагались в такой стройной последовательности, как это дано в Кодзика. Автор Кодзика - Ясумаро приложил свою руку не только к обработке каждого сказания, но и к их расположению, установлению внутренней связи, хронологической последовательности и проч.

Как излагается этот космологический миф? Сначала дается обычное указание на недифференцированное состояние всех элементов мира, т.е. картина первичного хаоса. С этого начинается изложение истории мира. Затем дается описание первого этапа космологического процесса, который заключается в том, что в этом первичном хаосе произошло отделение неба от земли, появились с одной стороны "страна Неба" - Такамагахара, с другой - острова Акицусима. Этот этап связан с первой троицей божеств - Амэноминакануси, Такамимусуби и Камимусуби, обитавших в Такамагахара и пребывавших в "сокрытом состоянии".

Дальше рисуется второй этап космологического процесса, который заключается в обособлении мужского и женского начала, в появлении первой божественной четы - Идзанаги и Идзанами. С этим мифом оказывается связанным и другой, крайне важный миф - о стране мрака, Ёмонокуну или Ёминокуну. Это миф о той стране, куда уходят все те, кто умирает. Появление этого мифа соединено с рассказом о судьбе богини Идзанаги, которая после смерти удалась в эту страну. Вслед за ней отправился и ее муж, чтобы

ее вернуть, но принужден был вернуться обратно, ибо это была не только "страна мрака" но и "страна скверны".

Последний, третий этап космологического процесса рисуется как появление на небе новой триады божеств: это стихийные божества Аматэрасу - богиня солнца, Цукиёми - бог луны и Сусаноо - бог бури, ветра, воды и т.д. Любопытно, что у японцев развитие в этом мифе получили два божества - богиня солнца и бог бури, а бог луны отошел на задний план и развития в мифологии не получил.

Дальше идут мифы, которые по содержанию являются космологическими, т.е. повествуют уже не о создании мира, а об его дальнейшем устройстве. Эти космологические мифы начинаются с знаменитого сказания о борьбе Аматэрасу и Сусаноо. Положение Аматэрасу, как главной богини и как богини-победительницы, в дальнейшем служит основой для целого ряда выводов относительно существа древнего японского родового строя. В частности, положение Аматэрасу дает повод для того, чтобы постулировать матриархат. Борьба Аматэрасу с Сусаноо разыгралась по разным причинам. По Кодзика начало вражды Аматэрасу с Сусаноо связано с той неудачей, которую потерпела Аматэрасу в состязании по рождению детей. Сусаноо должен был производить детей из яшмы, принадлежащей богине, а Аматэрасу из меча, принадлежащего Сусаноо. Сусаноо произвел на свет пять мальчиков, а Аматэрасу трех девочек. Поскольку целью состязания было установить наличие или отсутствие злых помыслов у Сусаноо, рождение "чистых девушек" из предмета, принадлежащего ему, свидетельствовало и о чистоте его намерений. А это означало, что он победил.

Кодзика дает очень любопытную картину дальнейшего развития ссоры. Неудачное для Аматэрасу состязание было только началом. Сусаноо причинил ей целый ряд других неприятностей. Например, Аматэрасу засекает поле, а он засекает его вторично для себя; она устроит поле, а он разрушает ограждение полей, межи или засыпает канавы для орошения, и поле Аматэрасу оказывается без влаги; она занимается тканьем одежд, а он оскверняет ее дворец, бросая в то место, где она сидит, шкуру свежесобранной лошади. Из других источников мы узнаем, что все эти действия Сусаноо считались в древней Японии самыми тяжкими преступлениями.

Если взять т. наз. Норито - обращения к богам, зафиксированные в X веке, но созданные гораздо раньше и содержащие в себе следы древнейшей эпохи, - то там мы найдем одно такое обращение - так наз. Охараи, имеющее целью произвести всеобщее очищение

японского племени от грехов. В этом Норито содержится поэтому перечисление грехов - "небесных" и "земных", и в числе "небесных", т.е. самых тяжких грехов упоминаются уничтожение межей на полях, засыпка канав, повторный засев и живодерство.

Борьба окончилась, в конечном счете, не в пользу Сусаноо. По решению "восьми мириадов" богов он был изгнан с неба. Еще до этого бог Идзанаги, распределяя мир между своими детьми, отдал Аматаэрасу Такамагахара, т.е. небо, Цукиёми - Ёруноосу (Ёминокуни), страну мрака, а Сусаноо дал страну Унабара - море. Удаляясь в Унабара, изгнанный Сусаноо задержался в стране Идзумо, где усмирил злодеев, покорил страну Суга, убил восьмиглавого змея, добыл из его тела чудесный меч, освободил из под власти змея девушку, женился на ней и построил себе дворец. От этого брака у него родился сын Окунинуси. Согласно другой версии этого мифа, он в дальнейшем удалился в Корею. Таким образом, этот миф о Сусаноо имеет какое-то отношение к древнейшей Корее; по-видимому, связь с Кореей существует у Японии очень давно.

Второй цикл мифов космологического содержания группируется вокруг Окунинуси и Такэмикадзути. Окунинуси - сын Сусаноо выступает, как правитель страны Идзумо. Что же касается Такэмикадзути, то это посланец неба, т.е. богини Аматаэрасу. Небо хочет установить власть над землей; иначе говоря, Такамагахара над Идзумо; другими словами, Аматаэрасу хочет установить власть над Окунинуси. Это в конце концов, и достигается, но покорение Идзумо осуществляется не в результате похода, завоевания, а в результате сговора, соглашения. Аматаэрасу троекратно посылает своих посланцев туда, на землю с тем, чтобы уговорить Окунинуси подчиниться. В первый раз посольство не осуществляется, потому что назначенный посланец - сын Аматаэрасу, посмотрев с неба на землю, увидел, что там все неустроенно и скверно и не пошел. Во второй раз посланцы попали сами под власть Окунинуси. И только в третий раз Такэмикадзути удалось убедить Окунинуси добровольно покориться назначенному богиней правителю, ее внуку - богу Ниниги. После этого Окунинуси удалился во дворец Кидзуки и там остался навсегда. Окунинуси вместе со своим отцом - Сусаноо в дальнейшем стали главными божествами Идзумо, и им посвящено второе по значению после храмов Исэ, посвященных Аматаэрасу, государственное святилище Японии - храм Идзумо.

Таково содержание этого мифа. В нем имеется два важных момента. Первый заключается в рассказе о том, что когда первое посольство не удалось, Аматаэрасу созвала совет богов на берегу реки Ама-но ясукава, наметивший дальнейшие действия. Второй заключается в том, что покорение Идзумо совершилось в результате соглашения.

Третий цикл космологических мифов группируется вокруг сошествия "небесного внука" Ниниги на землю, отданную ему во владение. Он спустился на землю на о. Кюсю, ступив на пик Такатихо. В этом мифе особо интересен следующий момент: Ниниги отправился не один, а в сопровождении "Ицу-но томо-но о" - пяти спутников, причем эти спутники были старейшинами (томо-но о) своих групп. Это значит, что "на землю" отправилась целая группа племени.

Что же из всего этого, да не только из этого, но из других данных, можно взять для характеристики японского родового строя? Несомненно, что приведенные мифы имеют в виду род: Аматэрасу, ее сын, ее внук - Ниниги составляют один род. Спутники Ниниги - тоже главы родов; к каждому из них возводится в дальнейшем тот или иной из древних японских родов. Само слово "томо", по-видимому, является одним из древнейших обозначений понятия "рода".

Родовой строй, запечатленный в Кодзики и Нихонги, характеризуется патриархатом. Однако более пристальный анализ содержащегося в этих двух хрониках материала открывает совершенно бесспорно следы более раннего матриархата. Эти следы обнаруживаются прежде всего в том, что несмотря на преобладание патриархата, все же в некоторых случаях в роли родовых старейшин выступают женщины. Так, например, среди пяти "спутников" Ниниги, т.е. среди пяти родовых старейшин, сопровождающих его, согласно Нихонги, двое, а может быть даже трое были женщины: Амэноудзумэ, Таманоя и Исикоридомэ. Упоминания о женщинах-старейшинах встречается и в последующих частях Нихонги: в Хронике Кайка - Касуга но Татэкуни Кацутобы, в хронике Судзин - Аракава-тобэ.

Далее, в некоторых случаях женщины выступают как прямые родоначальники. Так, например, сам царский род имеет своей родоначальницей Охирумэтути, т.е. богиню Аматэрасу; род Сарумэ восходит к богине Амэноудзумэ; род Кагамицукури - к богине Исикори-домэ, род Тамацукури - к богине Таманоя. Кодзики прямо отмечает, что одна линия правителей (агатануси) округа Сики восходит к женщине - Кавамата химэ, другая - к женщине Футамавака-химэ. Согласно Кодзики, род Овари мурадзи имеет своей родоначальницей Сама-химэ, род Овари куни-но мияцукэ - Миядзу-химэ. Можно попутно заметить, что даже в составе первоначально "троицы божеств" одно выступает в облике женщины: Камимусуби. Это следует из того, что в одном месте Кодзики, в мифе с Окунинуси, Камимусуби называется "миоя", а это слово в своем начальном значении

прилагалось только к женщине. Ряд особенностей этого мифа заставляет даже некоторых из исследователей Кодзики считать, что Камимусуби является богом родоначальником рода Идзумо. А если это так, то окажется, что два главных древнейших японских рода - Тэнсон и Идзумо - оба возводят свою генеалогию к женщине-родоначальнице.

Следы прежнего матриархата можно усмотреть далее и в том, что в некоторых случаях родство обозначается не по мужской (отцовской), а по женской (материнской) линии. Это можно сказать, анализируя некоторые собственные имена. Так, например, старший сын царя Суйоэй, будущий царь Аннэй, назван в Нихонги "Сики-цу хико тамадэми", а это значит, что его положение в роде обозначено по материнской линии: его мать - Каватама-химэ была из рода Сики. То же обнаруживается и при анализе имени одного из принцев - Тоёкири-хико. В этом имени слово "то" является обычным украшающим эпитетом, слово "ирихико" имеет смысл "приёмный сын"; слово же "ки" есть родовое имя матери принца Аракава-тобэ, происходившей из рода правителей (куни-но мяцую) Ки. Вообще говоря, анализ имен может многое дать в смысле вскрытия следов матриархата. Возможно, что многие из тех "богов" и "старейшин", которых сейчас принято считать мужчинами, окажутся женщинами. Слова "тама", "мими", "нуси" и им подобные являются только различным обозначением старейшин и сами по себе ничего не говорят о том, мужчины ли это или женщины.

О наличии матриархата в известной мере говорит и то, что женщины в эту эпоху играли роль шаманок, и в качестве таковых выступали как старейшины-правительницы. Так, например, даже царица Химико китайских хроник, и та, по свидетельству этих хроник, была шаманкой. Вэй-чжи говорит об этом кратко и выразительно: "она занималась колдовством и обманывала народ".

Одним из наиболее характерных признаков родового строя в его чистом виде служит экзогамия. И в этом пункте мы сталкиваемся с большими затруднениями. Как в Кодзики, так и в Нихонги нет прямых указаний на запрет браков внутри одного и того же рода. Но если обратиться к китайским источникам, то картина получается несколько иная. Так, в отделе "Вагочжуань" Вэй-чжи имеется следующее место:

"Женщин у них (японцев) много, мужчин - мало. Вступающие в брак не берут себе супругов из того же рода. Мужчины и женщины вступают в брак по взаимной склонности.

Жена, вступающая в дом мужа, обязательно сначала перепрыгивает через огонь и только тогда соединяется с мужем".

Несомненно, что показание китайского источника чрезвычайно подозрительно. Прежде всего категорическое запрещение браков между членами одного и того же рода характерно для Китая. Далее, в этом свидетельстве спутаны различные стадии в развитии брака: с одной стороны, слова "мужчины и женщины вступают в брак по взаимной склонности" говорят как будто о ранних формах брака, может быть даже о групповом браке; с другой стороны, слова о женщине, вступающей в дом мужа, указывают на более позднюю форму брака. Но указание на то, что женщина при вступлении в дом мужа, должна перешагнуть через огонь, вполне соответствует японской действительности. Так или иначе, верно ли это свидетельство целиком, или только в некоторой своей части, все равно остается очень важным, что китайцы тех времен полагали, что у японцев браки между членами одного и того же рода запрещены. А в том, что мнение китайцев могло быть основано на действительном знании, сомневаться не приходится. Некоторые сведения о Японии стали проникать в Китай еще вероятно во времена Ханьского императора У-ди (140-87) в связи с его походами в области нынешнего Ляодунского полуострова Южной Манчжурии, и другие прилегающие районы Кореи. В дальнейшем эти сведения должны были продолжать поступать и через Корею, и непосредственно, так что ко всему, что говорят старинные китайские хроники, следует относиться с большим вниманием.

Однако, независимо от китайских источников, сами японские материалы дают не мало свидетельств об очень ранних формах брака. Так, например, в письменных источниках, в легендах и преданиях, в народных обычаях можно открыть следы существования группового брака.

Наиболее ярким свидетельством существования этой формы являются т. наз. утагаки или кагаи, когда жители двух соседних селений заключали браки во время совместных игрищ. Знаменитыми со времен глубокой древности являются игрища, устраивавшиеся около горы Цукуба. О них весьма красноречиво говорит, например, одна из песен антологии Манъёсю.

Если можно с некоторой достоверностью допустить существование в древнейшей Японии группового брака, нет особых оснований сомневаться и в наличии в дальнейшем и формы пуналуа. Но излагать всю историю форм брака в Японии в курсе истории

излишне, тем более, что нас интересует сейчас ближайшим образом эпоха родового строя. Поэтому для нас важно установить наличие той формы брака, которая характерна именно для этой эпохи. Эта же форма - экзогамия. Поэтому важно найти в японских источниках подтверждения китайского сообщения о том, что браки заключались только между членами различных родов.

Если взять древние японские генеалогии, то при первом взгляде на них картина получится как будто обратная. Из всех генеалогий самой подробной является, естественно, генеалогия царского рода. И вот, при ознакомлении с этой генеалогией бросаются в глаза факты заключения браков между близкими родственниками. Например, бог Угаяфукиаэдзу был женат на своей тетке - богине Тамаёри-химэ, царь Кайка - на своей мачехе, другие члены императорского рода - на своих племянницах, двоюродных или сводных сестрах и т.д. Но если допустить, что вполне вероятно, - что в эту эпоху существовали еще отголоски матриархата, в частности, установление родства по женской линии, окажется, что женитьба на мачехах, сводных сестрах и племянницах является для того времени женитьбой на женщинах, принадлежащих к другому роду.

О браках, заключенных с членами другого рода, в Кодзики и Нихонги говорится очень часто. Более того, скорее именно такие браки должны быть признаны за правило: таково большинство браков царей. Таким образом, отсутствие прямо зафиксированного запрета на брак между членами одного и того же рода еще ничего не доказывает. Фактически такой запрет существовал, и основной формой брака был, по-видимому, экзогамный брак.

Следующим вопросом, связанным с родовым строем, является вопрос о тотэмизме. Здесь мы снова наталкиваемся на большие трудности, так как прямых упоминаний о тотемизме в Кодзики и Нихонги нет. Однако, можно найти ряд мифов и сказаний, в которых как будто заложены элементы тотемизма.

Некоторый материал в этом отношении дают сказания о браках людей с животными. Так, например, Тоётама-химэ - жена бога Хикохоходэми (иначе Хоори), дочь морского царя (Ватацуми) оказывается на самом деле каким-то фантастическим морским животным, по одному толкованию крокодилом, по другому, более правдоподобному, кашалотом. Любопытно, что представ перед мужем в образе человека, она знала, что если ее истинный облик откроется, брак их расстроится, и поэтому запретила мужу смотреть на себя во время родов, когда она должна была принять свой истинный вид. Конечно,

супруг преступил запрет, и она ушла от него в подводное царство. Обрато складывается ситуация в рассказе о браке Икутамаёри-химэ, муж которой таинственно являлся к ней по ночам в образе прекрасного юноши. Ловушка, подстроенная ее родителями, пожелавшими узнать, кто муж их дочери, открыла, что следы его ведут через дырку в полу в подполье, и что он просто большой змей - бог Мива. В рассказе о принце Хомудзи-вакэ, сыне царя Суйнин, повествуется, что когда этот принц, взяв в жены девушку из племени Хинага-химэ, взглянул на нее, оказалось, что перед ним змея. Рассказов о таких браках с животными различных сказаниях и легендах очень много, причем среди животных, кроме особенно частого случая - змеи, встречаются олени, лисицы, цапли; встречаются и растения - ива, сосна, криптомерия. Характерной особенностью всех этих рассказов является то, что при обнаружении подлинного облика супруга или супруги, брак распадается; обычно человек в этих случаях смертельно пугается и убегает.

Нельзя ли подобные упоминания о браках с животными, (или растениями) считать следами тотемических воззрений? Не является ли "большой крокодил" в рассказе о Хикоходэми и Тоётама-химэ просто тотемом рода морского царя? Не является ли "большой змей" в рассказе о Икутамаёри-химэ тотемным животным рода Мива? Точно также и "восьмиглавый змей", убитый Сусаноо? Нельзя ли его рассматривать как тотема? Если же данное животное является тотемом рода жены, оно же, по-видимому, является тотемом и рода мужа и наоборот. А это приводит к тому, что брак распадается в силу запрета становиться мужем и женою лицам, имеющим одного и того же тотема, запрета, являющегося одним из выражений общего закона экзогамии. Вообще рассказов о животных, находящихся в каких-то тесных взаимоотношениях с людьми, достаточно много и в Кодзики, и в Нихонги. Еще больше их становится, если обратиться к народным сказаниям и легендам в широком масштабе. Здесь мы натолкнемся и на следы "табу" - запрета употреблять в пищу мясо того или другого животного. Таков, например, запрет на фазанов, и сейчас еще существующий в провинции Эттю для членов общины (удзико) храма Такасэ; или запрещение охотиться на уток (осидори) в Навагаикэ в южной части той же провинции. И таких примеров можно подобрать очень большое число.

Очень показательной с точки зрения тотемизма является легенда о птице с "птичьего моря". В ней рассказывается, как когда-то, в глубокой древности в горы Ториуми-яма откуда-то прилетела огромная птица; как из яйца этой птицы вышел принц Маруко, сделавшийся родоначальником жителей этих мест; как он потом снова обратился в

птицу и исчез в пруду около Северных гор. С тех пор этот пруд зовется "птичьим морем" (ториуми), а горы - "горами птичьего моря" (Ториумияма). Члены же общины храма этого бога считают и до сих пор эту птицу своим родоначальником, имеют в своем родовом гербе изображения крыльев и клюва и не едят птичьего мяса.

Отзвуками тотемистических представлений можно считать и наличие в японских именах в большом числе названия животных: Уситаро (бык), Кумакичи (медведь), Цурудзо (цапля), Камэдзи (черепаха), Итиро (кабан), Сиканоскэ (олень), Васиноскэ (орел), Кидзихико (фазан) и ряд других.

Исходя из всех этих данных, можно считать, что тотемизм в той или иной степени в древней Японии существовал.

К числу признаков родового строя обычно относят и т. наз. "родовую демократию". Во всех важнейших случаях, затрагивающих жизнь и судьбу всего народа в целом, решение действовать так или иначе, выносится всем родом, принимается на родовом совете. Такой порядок нашел свое выражение в греческих "буле", римских "куриях", монгольских "курултаях". Соответствующие явления можно найти и в древнейшей Японии, в эпоху древнего родового строя.

Кодзики и Нихонги приводят не мало случаев общеродовых советов, причем эти советы устраиваются тогда, когда происходит какое-нибудь особенно важное событие или принимается особо важное решение.

Так, например, "великий совет богов" был созван в долине "Небесной Тихой Реки", Аmano Ясукава, после удаления богини Аматэрасу в "Небесный грот". Как известно, это удаление, вызванное действиями Сусаноо, привело к тому, что "во всей Равнине Высокого Неба стало темно, вся страна Асивара-но нака погрузилась во мрак; настала вечная ночь; шум злых божеств, заполнивших все, был схож с жужжанием во время посадки риса весной и всевозможные беды явились". В виду всех этих событий и пришлось "всем восьми мириадам божеств" собраться на "совет богов" и решить, что делать. В результате, как известно, им удалось надумать средство выманить Аматэрасу из грота.

Крайне интересно, что все этапы "покорения земли" (походы против Окунинуси) соединены с рассказами о родовых советах. Именно на этих советах принимались все основные решения, определялось, что делать далее, избирались вожди.

В первый раз "совет богов" был созван богиней Амата́расу после отказа ее сына Амэ-но Осихомими отправиться на землю для покорения ее. Совет решил тогда продолжать попытки завоевания и направить бога Хои. Во второй раз "совет богов" был созван после того, как выяснилось, что посылка Хои ни к чему не привела, так как он был обольщен Окунинуси. Этот второй совет решил тогда послать Амэвака-хико. Любопытно отметить попутно, что рассказ Кодзики в этом месте сопровождается замечанием: "и послали Амэвака-хико, дав ему превосходные лук и стрелы", т.е. оружие. В третий раз был совет созван, когда выяснилось, что этот второй посланец женился на дочери Окунинуси и забыл о "Равнине Высокого Неба". Совет решил послать бога-птицу (фазана) Кидзи-но накимэ к Амэвака-хико и допросить его о причинах невыполнения им поручения. Дело кончилось тем, что Амэвака-хико из того самого лука, который был ему дан для "усмирения злых божеств на земле" застрелил этого птицу-посланца. В четвертый раз совет был созван богом Такаги (иначе Такамимусуби) когда выяснилось, что новый посланец убит. Тогда было решено послать Такэмикадзути, снабженного уже мечом.

Эти советы бывали, по-видимому, не только собранием членов одного рода. Бывали случаи межродовых совещаний. Как известно, в эпоху родового строя покорение одного рода другим иногда происходило сравнительно мирным образом - путем слияния, принятия в союз. В таком свете в известной мере представлено и покорение Идзумо. Подчинение Окунинуси власти Амата́расу произошло после Совещания на "малом бреге Инаса", на котором принимали участие Такэмикадзути со своим спутником Амэ-но торибунэ, с одной стороны, и Окунинуси с двумя сыновьями, с другой. Кодзики рисует картину настоящего совещания, рассказывая, как было сначала запрошено мнение самого Окунинуси, как потом "высказывались" оба его сына и т.д.

Таким образом, все эти рассказы дают обычную картину "родовой демократии". В случаях, когда весь род застигает какая-нибудь беда, созывается общеродовой совет. Когда нужно предпринять какое-нибудь большое дело, например, поход - созывается совет. Значение этих советов было, по-видимому, настолько велико, что идея совета нашла свое персонифицированное выражение в лице особого "Бога Совета" - Омоиганэ-но ками.

Несомненно, и воинская сила той эпохи имела форму общеродовой дружины. Особенно наглядно это представлено в рассказе о нисхождении Ниниги на землю. Как уже упоминалось, вместе с Ниниги на землю сошли "пять спутников - пять старейшин (ицу томо-но о)". Кодзики передают ряд боевых песен, связанных с завоеванием земли. В этих песнях говорится о "Детях Кумэ", о "товарищах угаи". Это значит, что под началом старейшин - вождей рода Кумэ или рода Угаи были "дети Кумэ" и "товарищи Угаи". Кто же эти "дети" и "товарищи" как не члены родов Кумэ и Угаи, сражающихся под командой своих вождей?

Таковы те данные, рисующие родовой строй, который можно извлечь из Кодзики и Нихонги. Мне представляется, что даже приведенного материала достаточно, чтобы иметь некоторое представление о японском родовой строе. И если считать эпоху неолита эпохой родового строя в его чистом виде и принять во внимание, что неолит в Японии далее I в. нашей эры не идет, придется сказать, что нарисованная картина относится к Японии до этого времени. С I в. нашей эры родовой строй начинает постепенно переходить в свою более позднюю стадию.

Таким образом, Кодзики и Нихонги - при всем своем позднем происхождении - все же могут пролить кое-какой свет на древнейший общественный строй. По ним же можно до некоторой степени проследить и "географическую" историю японского населения - процесс появления на японских островах больших племенных групп, а также их передвижений.

Согласно мифу об Идзанаги и Идзанами, японские острова были порождены именно этими богами: от их брака родилась страна "Оясима" - страна "Восьми островов". Понятие "восемь" в древнем языке созвучно со словом, обозначающим понятие "множество", так что название "Оясима" нужно понимать, как "Страна множества островов".

Из этих островов в древнейших мифах особое значение занимает О-Ямато-Тоё-Аки-цу сима - остров Хонсю. Из всех же его районов в древнейшей мифологии особую роль играет западный - Идзумо. Идзумо появляется уже в мифе о богах - создателях Японии, о первой чете - Идзанаги и Идзанами. Еще более связан с Идзумо миф о Сусаноо. Согласно Кодзики, именно в эту страну он был изгнан с неба. По Нихонги Сусаноо из Идзумо отправился в Корею, но потом вернулся обратно. Сопоставление всех данных различных вариантов мифа о Сусаноо позволяет предполагать, что в этом мифе

получило свое отражение какое-то крупное переселение из Кореи на западную часть Хонсю, и в образе Сусаноо дан облик вождя этой племенной группы. Это предположение подкрепляется еще тем, что и сыну Сусаноо - Исотакэру в мифе приписывается переселение из Кореи в Японию.

В дальнейшем, в мифе об Окунинуси эта роль Идзумо, как одного из самых ранних районов заселения Японии, выступает с окончательной ясностью. Окунинуси, согласно мифу - сын Сусаноо, представлен в мифе в образе настоящего вождя - распространяющего влияние своего племени далеко вокруг; не говоря уже о ближайших районах Санъиндо и Хокурикудо, он проникает в Харима, где борется с другой племенной группой, также выселявшейся из Кореи - группой, возглавленной своим предводителем Амэ-но хибоко, и заставляет ее перейти в Тамба.

Как уже было сказано, миф об Окунинуси заканчивается его подчинением племени Тэнсон и его удалением в "сокрытое состояние". По-видимому, это должно обозначать слияние племени Идзумо с племенем Тэнсон.

Эта вторая племенная группа связана с о. Кюсю. В мифе это представлено в форме рассказа о сошествии "Небесного внука (Тэнсон) - бога Ниниги на пик горы Такатихо в пров. Хюга на этом острове. Все в дальнейшие сказания о потомках Ниниги соединены с Кюсю, конкретно - с пров. Хюга и с пров. Осуми. Однако, в более поздние времена эта племенная группа по какой-то причине предприняла большое передвижение на северо-восток, на о. Хонсю и обосновывается в пров. Ямато и прилегающих местах. Это переселение изображено в мифе как поход вождя племени - Каму-Ямато-Иварэ-бико (Дзимму) на Восток.

Это появление в Центральной Японии многочисленного и сильного племени приводит к столкновению с племенем, жившем в Идзумо, и это столкновение приводит к их соединению в один племенной союз. С этого момента на первый план повествования как Кодзики, так и Нихонги выступает уже не Идзумо, а Ямато. Основные события японской истории связываются в первую очередь с этим районом. Насколько можно предполагать, утверждение новых пришельцев в Ямато ("поход Дзимму") имело место около начала или в начале нашей эры. С этого времени история принимает более явственные очертания.

ОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕПЛЕМЕННОГО СОЮЗА

Поскольку неолитических находок в Японии дальше первого столетия нашей эры уже не обнаруживается, постольку конец чистого родового строя приходится датировать первым веком до нашей эры - первым веком нашей эры. Разумеется, отчетливой грани между периодом родового строя и началом его разложения провести нельзя, поэтому указанная датировка является чрезвычайно условной. Но так или иначе, с первого века нашей эры начинается ряд свидетельств, которые позволяют именно в это время обнаруживать в картине японского родового строя те явления, которые свидетельствуют о начале длительного процесса распада прежней его формы. Разумеется, в 1-2 веке нашей эры общая картина японского общества в значительной мере дает тот же родовой строй, который, по-видимому, существовал и до этого. Можно предположить, что и в это время Япония представляла собой картину раздробленного племенного существования, состояла из множества отдельных родов и племенных групп, которые вели независимое и часто обособленное друг от друга существование. Об этом говорит в первую очередь Цянь-Хань-шу, т.е. китайская история, приводящая данные о Японии, относящиеся к первому веку до нашей эры. В Цянь-Хань-шу указывается, что в Японии в это время существовало более, чем 100 "государств". Разумеется, понятие "государства" (куни) в этом случае является чрезвычайно условным, поскольку словом "куни" обозначается и понятие территориального района, т.е. места, заселенного каким-нибудь племенем. Поэтому понимать указания Цянь-Хань-шу в том смысле, что в Японии в это время существовали государства, конечно, никоим образом нельзя. Эти указания свидетельствуют только о раздробленном племенном существовании Японии того времени, не более.

Те раздробленные и обособленные группы, которые существовали в это время в Японии, возможно, принадлежали не только к разным родам, но и к разным племенам. Кодзики и Нихонги упоминают о целом ряде племен "инородческих", с точки зрения господствующего "племени ямато", которые жили, по-видимому, в больших количествах в разных местах Японии. Главнейшими из этих племен были: во-первых, эбису или, как их иначе называют древние хроники, - эдзо; во-вторых - кумасо или, как их позже называют, - хаято; и, наконец, два главных племени, наиболее крупных и сильных - идзумо и тэнсон.

Антропологический облик и расовое происхождение этих племен не совсем ясны. Эбису - это последующие айну, сохранившиеся до сих пор в Японии на острове Хоккайдо в очень небольшом количестве, а также на Курильских островах и на Сахалине. Айну безусловно

являются более ранним населением Японии, чем так наз. японские племена. Они жили на японских островах еще до прихода туда японцев. Это племя заселяло, по-видимому, в первое время почти все японские острова. По крайней мере - по курганам, по археологическим данным можно проследить существование айну не только на острове Хонсю, но и на Кюсю и даже на островах Рюкю. В дальнейшем они все время оттеснялись более сильными и стоящими на более высокой ступени культуры "японскими племенами", отступали постепенно на северо-восток и в конце концов уже в этот период, т. е. в 1-2 веке нашей эры заселяли главным образом северо-восточную половину Хонсю. Это было чрезвычайно многочисленное и довольно сильное племя, бороться с которым японцам приходилось почти непрерывно. Эта борьба затянулась до конца XII века.

Происхождение айну вызывает до сих пор споры. По мнению германского антрополога Бэляца, айну - близки к кавказскому типу. Это заставляет его предполагать наличие в древнейшую эпоху в Восточной Азии населения, принадлежащего к этому типу. Английский антрополог Думэн склонен усматривать в айну черты древних гималайских племен.

Второе значительное племя - кумасо или хаято следует считать отраслью индонезийских племен. По крайней мере, те этнографические признаки, которые можно приписать этому племени, дают много свидетельств родства этих кумасо с народностями, населяющими островные территории Тихого океана. Кумасо - сосредотачивалось на острове Кюсю. Окончательное покорение их относится к первой половине VIII века.

Племя идзумо и племя тэнсон представляют собой две главных ветви одной и той же народности, которые в разное время перешли на японские острова с материка, главным образом, через Корею, а отчасти и из нынешней территории Дальне-Восточного Края.

Японские историки и этнографы утверждают, что эти племена представляли какую-то отрасль многочисленных тунгусских племен, заселявших в то время как приморскую часть Дальне-Восточного Края, так и территории нынешней Манчжурии и отчасти северную Корею. Идзумо, по-видимому, представляли собой более раннюю волну этих переселенцев.

Племя тэнсон является, вероятно, самой поздней волной этих переселенцев, появившихся на островах Японии, возможно, даже около нашей эры.

Идзумо обитали сначала в Тюгоку, Кинай и даже на острове Сикоку, но главным местом их расселения был район, впоследствии получивший название провинции Идзумо, т.е. западная часть остров Хонсю.

Племя тэнсон заселяло сначала северную часть и отчасти центр острова Кюсю; в дальнейшем часть его перешла на главный остров и заселила район, получивший впоследствии название Кинай, с центром, в дальнейшем получившим название провинции Ямато.

Не следует, однако, думать, что область Ямато до прихода туда тэнсон не была заселена. Этот район имел многочисленное население еще в период каменного века. Из некоторых деталей сказания о "Восточном походе" Дзимму, отражающем переселение в Ямато части тэнсон, явствует, что в Ямато с давних пор жили группы племен, родственные населению Идзумо. Поэтому неосторожно приписывать всю роль в Ямато только этим переселенцам. Роль Ямато в истории Японии, вернее - роль той части племени, которая здесь обитала, обусловлена быстрым развитием как новых, так и старых засельников этого района.

Все эти племена заселяли таким образом разные районы, часто не имевшие никакой связи друг с другом, жили обособленной жизнью и даже в пределах одного и того же заселенного района распадались на ряд родов, также в значительной степени живших обособленно. По-видимому, именно такие отдельные племенные группы и отдельные роды и являются теми "государствами", о которых говорит Цянь-Хань-шу.

О занятиях жителей Японии в это время можно сказать немного. По-видимому, главным занятием в это время уже являлось земледелие. По крайней мере, в это время уже известны сухие поля и водяные поля, т.е. так наз. "та" и "хатакэ". Это значит, что к этому времени японцы научились устраивать межи, проводить воду и т.д. Начинают быть известными уже и земледельческие орудия - "суки" и "кува" (мотыга и лопата). Кроме того, взамен каменных и костяных или деревянных орудий начинают появляться металлические орудия - бронза и железо. Несомненно, что с I-го века нашей эры на японских островах начинается уже бронзовый и железный век. Правда, распространение этих орудий ограничено пока лишь некоторыми районами, передовыми с точки зрения своего культурного развития. Таким районом был в первую очередь Кинай с центром в виде провинции Ямато. Возможно, что преобладающая роль этого района и объясняется тем, что здесь, раньше, чем в других местах Японии, начался бронзовый и железный век.

О домашних животных пока еще говорить, пожалуй, трудно, по крайней мере даже Вэй-чжи, т.е. китайская хроника, дающая сведения о Японии, относящиеся к III-му веку нашей эры, и та подтверждает, что японцы не знают ни волов, ни лошадей, ни других домашних животных.

По косвенным данным можно судить, что родовая община с общинной собственностью на землю и орудия производства продолжала существовать еще в полной неприкосновенности. По крайней мере, встречаются неоднократные указания на крупную охоту или на какую-либо особо трудную работу, производимую всем родом сообща. Родовая община со всеми ее характерными особенностями должна была существовать еще и потому, что только в гораздо более позднюю эпоху появляются те признаки, которые свидетельствуют о начавшемся ее разложении. Однако, в этой картине общественного устройства, сохраняющего еще все основные черты родового строя в его полном и законченном виде, наблюдаются уже некоторые элементы, которые в своем дальнейшем развитии послужили базой для новых явлений, приведших этот родовой строй к распаду.

К числу таких элементов можно отнести появление родовых союзов, заключаемых либо в случаях похода, либо в случаях каких-либо крупных передвижений, намеки на такие союзы заключены в мифе о "Сошествии Ниниги", который "спустился на землю" во главе "пяти спутников", а также в сказании о Дзимму, предпринявшего свой "Восточный поход" во главе целой группы родов. Затем становятся все более частыми упоминания о царях. По крайней мере, по Хоу-Хань-шу можно заключить, что в I веке и в начале II века в Японии уже в одном из "государств" был какой-то царь; в частности - в "стране Идо", о которой была речь выше. Однако этот царь вряд ли выходил из рамок прежних родовых старейшин, потому что наряду с упоминанием о царях в одинаковой мере встречаются указания на совещания родов, на избрание военачальников, вождей, т.е. указания еще на типичные формы родового строя. К числу элементов, предваряющих в дальнейшем распад родового строя, можно отнести и намечающийся в это время переход к патриархату. Правда, это наблюдалось в довольно ограниченных масштабах, главным образом, в роде царей Ямато, да и то в достаточно неустойчивом виде. Еще в III-м веке, по свидетельству Вэй-чжи, в одном из районов Японии правил не царь, а царица Химико.

Весьма спорным нужно считать указание некоторых японских историков на то, что уже в эту эпоху можно найти какие-то следы формирующейся частной собственности. Эти следы хотят видеть в обычае огораживания водяного поля соломенными веревками -

симэнава. Это огораживание толкуется в том смысле, что на устройство водяного поля в те времена нужно было затратить гораздо больше усилий, чем на обработку сухого, и поэтому лица, устраивающие такие поля, склонны были считать его не столько общей собственностью родовой общины, сколько собственностью своей группы, непосредственно это поле устраивающей, в знак чего и огораживали поле соломенными веревками. Возможно, однако, и другое толкование этого огораживания, если оно даже и было в действительности: позднейшее употребление симэнава свидетельствует, что такое огораживание имело магическое значение. Путем огораживания веревкой симэнава можно было предотвратить порчу посевов, нашествие насекомых и т.д. Во всяком случае, вопрос о сущности этого огораживания, если даже считать его фактом установленным, представляется неясным, и считать такое огораживание первым проявлением зарождающейся частной собственности на землю вряд ли возможно.

Со II-го века начинается уже более заметный процесс постепенного формирования общеплеменного союза. В основе этого процесса лежит в первую очередь, несомненно, развитие в Кинай, т.е. в месте основного сосредоточения племени Ямато, бронзовой и железной культуры. Во втором и третьем веке нашей эры эта культура достигает уже сравнительно высокого уровня. На этой почве происходит развитие производительных сил и повышение общего культурного уровня населения. Известную роль в развитии производительных сил начинают играть и домашние животные, к этому времени уже привившиеся на японской почве. В это же время отмечается и значительный численный рост родов. Роды из небольших малочисленных групп превращаются в крупные общины со значительным количеством людей, в связи с чем усиливается и расширяется их хозяйственная и политическая деятельность. На этой почве разыгрывается и взаимная борьба родов. Эта борьба была, конечно, и раньше. И Кодзики, и Нихонги дают достаточно красноречивую картину этой борьбы еще в эпоху родового строя, или по терминологии Кодзики - в "век богов". Однако эта борьба приводит уже к другим результатам, чем в предыдущую эпоху. Раньше борьба заканчивалась либо уничтожением побежденных, либо оттеснением их и занятием их территории родами победителями, либо же принятием в союз, т.е. включением побежденных родов или племени в тот племенной союз, который оказывается победителем. В эту эпоху, т.е. с II-III веков нашей эры обнаруживается иной исход междоусобной борьбы. Помимо предыдущих форм начинается еще новая, а именно: род победитель не уничтожал побежденных, не выгонял их с территории, не включал в свой союз, а ставил побежденные роды в положение данников, т.е. грабил побежденных, либо единовременно - во время походов, либо периодически, устанавливая такое ограбление,

как определенный порядок. Эта "дань" была вместе с тем одной из форм обмена в эту раннюю эпоху.

По китайским источникам можно проследить довольно отчетливо процесс образования племенного союза, основанного на таком покорении. Хроника Хоу-Хань-шу, приводящая сведения о Японии, относящиеся ко II-му веку, говорит о многочисленных распрях среди японских родов. Но та же Хоу-Хань-шу упоминает уже о царях, существующих в Японии в I-II веке, вроде царя "страны Идо". К 107 году относится специальное упоминание о "царе Ямато", будто бы принесшем китайскому императору в дар 160 рабов. Вэй-чжи, приводящая сведения о Японии, относящиеся к III веку, говорит о существовании в Японии, вероятно на о. Кюсю, на территории Кумасо сильного государства, управляемого царицей Химико, причем указывается, что это государство покорило все окружающие районы и поставило в этих районах своих правителей, которые и правили, якобы от имени царицы. Сун-шу - китайская история, говорящая о Японии V века, рисует этот процесс покорения очень широко. По словам Сун-шу, во второй половине V века были покорены все главнейшие части Японии: на востоке было будто бы покорено 55 стран, на западе 66, на севере 95. Таким образом, сводка сведений китайских исторических памятников дает приблизительно такую картину: в начале II века, в результате происходящей тогда ожесточенной борьбы отдельных родов друг с другом, по-видимому, происходит первоначальное зарождение племенного союза. Появляются цари, которые начинают объединять под своей властью прилегающие районы. Этот объединительный процесс приводит в III-м веке, по-видимому, уже к довольно крепкому объединению в единый племенной союз целого ряда племенных групп. И, наконец, в V веке процесс покорения заканчивается, и общеплеменной союз уже существует в сложившемся виде.

Переходя к японским источникам, процесс образования этого племенного союза можно обрисовать в следующих чертах:

Первым шагом на этом пути следует, по-видимому, считать знаменитый "Восточный поход" Дзимму, рисуемый официальной историей, как "образование японской империи". По официальной хронологии это случилось будто бы в 660 г. до н.э. Речь идет о переселении большой группы японского племени, союза родов, живших доселе на о. Кюсю, на о. Хонсю, и закреплении этой группы в районе, впоследствии получившем название Ямато. Это случилось, вероятно, в I в. н.э. О завоевательных целях этого похода говорят слова самого Дзимму: "На Востоке есть зеленые горы, всюду прекрасная

земля. Почему же не устроить столицу там?". "С какого места можно покорить себе весь свет?" - обратился Дзимму к своему брату Ицусэ и добавил: "Я пойду на Восток" (см. Кодзики, глава о Дзимму).

Как уже было сказано, не нужно думать, что о. Хонсю, в частности, область Ямато была в те времена пустынной. По Кодзики и Нихонги там жили части того же японского племени, управляемые своими старейшинами, носившими наименования "тобэ", "такэру", "хафури". Наиболее могущественным из известных старейшин был Нагасунэ-хико, владевший местностью Томи. О том, что часть этих родов принадлежала к тому же племени, что и пришельцы, говорит между прочим и рассказ Кодзики о боге Нигихаяби, т.е. о каком-то вожде из племени Тэнсон, поселившимся здесь и женившимся на сестре Нагасунэ-хико.

С другой стороны, здесь несомненно обитали и часть племени Идзумо. Это видно из упоминания Кодзики о проживании здесь части потомков Окунинуси.

Пришельцы-завоеватели наткнулись на сильное сопротивление со стороны местных старейшин, в первую очередь, со стороны Нагасунэ-хико. Дзимму пришлось одно время даже уйти из Ямато. Однако, в конечном результате Нагасунэ-хико был убит и пришельцы остались в покоренной местности. Крайне интересно указание Кодзики, что Дзимму после "восшествия на престол" взял себе новую супругу - из рода родоначальника правителей Идзумо - Окунинуси. Это свидетельствует, вероятно, о том, что обе главные ветви японского племени Идзумо и Ямато - в данном случае или же раньше входили в состав племенного союза или образовали его. О том, что часть побежденных родов превратились в данников, говорит сообщение хроник о появлении первых "куни-но-мияцукэ", т.е. подчиненных царям Ямато местных вождям-правителям.

Если считать, что сказание о походе Дзимму отражает закрепление племени Тэнсон на главном острове и связано с окончанием эпохи раннего родового строя в строгом смысле этого слова; если считать, что он открывает собой эпоху постепенного и медленного образования общеплеменного союза, то те части Кодзики и Нихонги, которые рассказывают о правлении последующих царей, как раз и должны передавать картину формирования этого союза.

Из всех повествований об этих царях - преемниках Дзимму наиболее интересными - с точки зрения раскрытия процесса образования общеплеменного союза - являются

рассказы, приуроченные к царствованию царей Судзин, Кэйко, Сэйму, Тюай, царицы Дзинго, царей Нинтоку и Юряку.

В рассказе о царствовании Судзин особо отмечается следующий момент. Во-первых, в его царствование произошло отделение "дворца" (жилище царя) от "храма" (жилище бога). В прежние времена "Мия" было одинаково и "дворцом" и "храмом, что означало, что понятия "культ" и "управление" полностью совпадали. Теперь, по-видимому, эти две функции получили самостоятельное значение, т.е. функции правителей отделялись от функций жреца. Это не значило, что произошло персональное разделение. Царь продолжал оставаться и главным жрецом. Но так или иначе прежде единая функция разделилась сейчас на две самостоятельных.

Далее царю Судзин приписывается всяческое поощрение сельского хозяйства. По его приказу были вырыты пруды для орошения полей, проведены каналы. При нем же была произведена и первая перепись населения. Эта перепись была сделана, по-видимому, в тесной связи с введением налогового обложения. Кодзики приписывают Судзин первое в японской истории введение налогов. Были введены налоги двух типов. Мужчины должны были посылать царю добычу своих "луков и стрел", т.е. добычу охоты, а женщины должны были поставлять "изделия своих рук", т.е. ткани. Кстати сказать, и все дальнейшие переписи населения, упоминаемые в японской истории, обычно были связаны с проводимыми налоговыми мероприятиями. Судзин поощрял также и постройку кораблей, т.е. как бы стремился к установлению более прочных и оживленных сношений между отдельными частями своего государства. Наконец, в его царствование по всем "четырем дорогам" Японии, т.е. по четырем направлениям от Ямато были посланы военачальники, что свидетельствует о предпринимаемых завоевательных походах.

Согласно Нихонги, эти походы привели к следующим результатам. На север, в район Хокурикудо был послан Охико, приведший к покорности всю "область "Коси", т.е. территорию позднейших Этидзэн, Эттю, Этиго. На восток - в район Токайдо был направлен Такэкунакава-Вакэ, покоривший "двенадцать восточных стран". На запад - в район Санъёдо отправился Киби-цу хико. На юг - в "страну Танива", т.е. район Санъиндо направился Танива-но тинуси. О завоевательных целях этих походов говорят слова приказа Судзин, приводимого в Нихонги: "если найдутся люди, не принимающие наших велений, взять войска и повергнуть этих людей наземь".

Несомненно, что эти "походы" представляют картину передвижения части японского племени и постепенного расширения территории, им занятой. При этом места назначения этих походов очевидно нужно понимать как указания на границы этого расселения. Конечно, это расселение не было всегда мирным и сопровождалось вытеснением других групп населения или их покорением, т.е. превращением в данников.

Крайне любопытно, что сообщение об установлении подати продуктами "луков и стрел" и продуктами "работы рук", а также о переписи населения дает Нихонги в ближайшей связи с этими завоеваниями. Из этого обстоятельства можно усмотреть и характер этих податей: ни о каком введении налоговой системы и речи не может быть; дело сводится к наложению дани, т.е. к периодическому грабежу, а то и к простому обмену, возникшему благодаря соприкосновению отдельных групп племени.

Как Кодзики, так и Нихонги дают еще одно интересное указание. Они рассказывают, что в правление Судзин одно время свирепствовала моровая язва, масса людей умерла, причем население отдельных районов разбегалось или же восставало. Лишь с большим трудом удалось Судзину снова водворить порядок. По-видимому, это сообщение возможно толковать, как сопротивление, оказываемое населением, подвергающимся грабежу.

Объединительный процесс, приводивший к образованию общеплеменного союза, охватывал понемногу все крупные японские роды. Однако, о том, что это происходило при сопротивлении ряда родовых старейшин, не желавших принимать гегемонию вождей союза родов Ямато, свидетельствуют опять хроники. Так, против Судзина поднял "мятеж" Такэхания-цу-хико, согласно хронике - его дядя. Это значит, что борьба происходила даже внутри союза родов Ямато.

К царствованию Судзина обычно приурочивается т. наз. "покорение Мимана" - области на южной оконечности Корейского полуострова. На этом пункте следует несколько остановиться.

Корея упоминается в японских хрониках часто и упорно. С Кореей связан миф о Сусаноо. Постоянны упоминания о приезде из Кореи различных переселенцев, селившихся в Идзумо. В эпоху Окунинуси в Идзумо прибыл "княжич из Силла" Амэ-но Хибоко, потомки которого обнаруживаются впоследствии и в Тамба, и в Цукуси.

В начале первой Ханьской империи, т.е. во II-м веке до н.э. на севере Корейского полуострова было княжество Чаосянь (яп. Тёсэн), на юге - т. наз. "три княжества "Хань" - по-японски Бакан, Синкан, Бэнкан. Из них наиболее близким к Японии было княжество Синкан. При ханьском императоре У-ди (140-87) китайское влияние распространилось и на Корейский полуостров, а через него и на Японию, в частности на о. Кюсю. Китайские источники передают, что до тридцати правителей Кюсю посылали посланцев с дарами к Ханьскому двору. Это положение продолжалось и в период Второй Ханьской империи, т.е. в I-II в. н.э. Как я уже упоминал, к этому периоду относятся рассказы Хоу-Хань-шу о посольстве с подарками, о поднесении "царем Ямато" 160 рабов.

В I в. до н.э. картина на полуострове изменилась. На север образовалось княжество Когурё (яп. Кома), на востоке - Силла (яп. Сираги), на западе - Пякчэ (яп. Кудара). На самом юге располагалось маленькое княжество Мамина (иначе Кара), само состоявшее из десяти владений, из которых наиболее крупное называлось Окара. Самая северная часть полуострова после падения в 220 г. Ханьской империи попала под власть возникшего в 220 г. на севере Китая Вэйского царства, поддерживавшего с Кумасо на Кюсю, по-видимому, довольно оживленные отношения. По крайней мере, Вэй-чжи рассказывает о прибытии в 238 г. посланца от "царицы Ямато", о поездке в 240 г. наместника северо-корейских провинций Вэйского царства в страну Ямато; о прибытии в 243 г. новых послов из Японии. Тут же сообщаются сведения о внутренней жизни японских "государств". Так, например, рассказывается, что в 247 г. велась борьба между царицей Химико (или Химэко) с царем другого государства, в которую как-то вмешались и Вэйские правители. Во всяком случае, не подлежит никакому сомнению, что в III в. население Кюсю, вероятно, в первую очередь, племя Кумасо, поддерживало довольно оживленные сношения с Силла и даже с Вэй. Эти сношения были иногда мирными, иногда нет. Так, из корейских источников мы видели, что японцы о. Кюсю (вернее всего Кумасо) неоднократно совершали набеги на Корею.

В III веке н.э. соотношение сил, установившееся на Корейском полуострове, стало меняться. Правители Силла сумели на севере обеспечить себе поддержку Вэйского государства; им удалось установить также дружественные отношения с Кумасо. Весь напор Силла оказался направленным на соседнюю Мимана. Нихонги сообщает, что Мимана запросила помощи у царей Ямато: к Судзину будто бы явился посол и просил о помощи, предложив компенсацию в виде части владений, принадлежавших Мимана. Результатом этого явилась экспедиция принца Сионори в Корею. Так совершилась первая японская "интервенция" в Корею. Указать точные даты этого события нельзя.

Мнения на этот счет расходятся. Во всяком случае, это могло иметь место в царствование Судзина, или же еще в конце предыдущего царствования Кэйка. Так или иначе, эта "интервенция" привела к двояким последствиям: с одной стороны, японцы как-то закрепились на южном конце полуострова, скорее всего - наложили дань; с другой стороны, они столкнулись лицом к лицу с Силла, а через нее и с ее союзниками: китайским царством Вэй на севере и племенем Кумасо на Кюсю. Началась эпоха не только оживленных сношений с материком, но и "большой политики". При свете этих внешних событий особый интерес получает сообщение Кодзики и Нихонги о всяческом поощрении Судзином постройки судов для морских переходов.

Эпоха Судзина несомненно имеет особое значение для древней истории Японии. Нужно сказать, что повествование Кодзики и Нихонги, более или менее подробно останавливающееся на "Восточном походе" Дзимму, после этого в сущности прерывается. О царях, следующих за Дзимму - а их насчитывается до Судзина - 8, не сообщается ничего, кроме простых упоминаний о "восшествии на престол" и смерти. И только с Судзин повествование снова начинает сообщать факты и происшествия. Характерно, что обе хроники отмечают значение этого царствования тем, что придают Судзину прозвище "Хацу-Куни-сирасу Сумэра-микото", т.е. "первоправитель страны". Нихонги придает это прозвание еще и Дзимму, Кодзики же только одному Судзину. Толковать это обстоятельство, по-видимому, следует в том смысле, что именно в эту эпоху (III в.) обозначилось укрепление союза родов Ямато, ставшего в дальнейшем основой общеплеменного объединения.

В царствование Суйнин отмечаются те же самые мероприятия, направленные к развитию земледелия, что и в правление Судзин; только масштабы этих мероприятий достигают уже очень больших размеров: по приказу Суйнин будто бы было вырыто свыше 800 прудов. Одновременно велась и разработка новых земель. Такие сведения о прорытии канав, устройстве прудов и других оросительных сооружений даются и в последующих царствованиях. Так что развитие земледелия в эту эпоху, по-видимому, является совершенно несомненным и приоритет земледелия перед другими видами хозяйственной деятельности точно также вполне очевиден.

Судзину приписываются большие заботы о вооружении. Так, хроники рассказывают, что им подносились храмам, т.е. складывались в запас луки, стрелы, копья; передают, что он повелел изготовить 1000 мечей. Для чего было нужно это оружие, показывает сообщение о восстании против Судзина брата его жены - Сахо-хико. Это сообщение

является свидетельством того, что союз родов Ямато, образовавшийся при Судзине, все еще не был достаточно прочен.

Царствование Кэйко ознаменовано не столько подвигами самого царя, сколько деятельностью его сына принца Ямато такэру. Те части Кодзики, которые повествуют об этом принце и его походах, напоминают сказания о героях и богатырях. Ямато-такэра совершил несколько походов против эбису, живших в районе Токайдо. Он же предпринял поход и против Кумасо, живших на территории провинций Сацума, Осума, Хюга на о. Кюсю. Эти походы по изложению Кодзики, конечно, закончились победоносно: поднимавшие мятежи против царей Ямато племена Эбису и Кумасо были приведены к покорности. Завоевательные экспедиции предпринимались и впоследствии, и также - либо на северо-восток, либо на юго-запад, т.е. против Эбису или Кумасо. Таким образом, эти повествования свидетельствуют о том же, о чем говорят китайские источники: о постепенном распространении власти той группы японского племени, которая сосредоточилась в Ямато, о приведении к покорности ближайших родов и даже более отдаленных племен инородческого происхождения. Иначе говоря, в эту эпоху японское племя вплотную столкнулось с этими племенами.

К эпохе Кэйко приурочивается мероприятие, начало которого приписывается Дзимму и которое свидетельствует о постепенном расширении власти Ямато над прочими районами Японии. Завоевательные походы, как сказано выше, заканчивались часто удачно, и на побежденные роды накладывалась, очевидно, дань, т.е. эти побежденные превращались в данников Ямато. Видимым признаком такого положения данников являлось некоторое подчиненное положение глав этих родов по отношению к вождям союза родов Ямато - царям. Кодзики и Нихонги, рассматривающие весь завоевательный процесс с точки зрения царского рода и соответствующим образом определяющие отдельные факты этого процесса, представляют установление такой зависимости родовых старейшин от царского рода, т.е. превращение их в данников, как "назначение" этих старейшин "правителями" своих районов. Так, еще Дзимму будто бы назначил несколько таких "правителей" так наз. - куни-но мяцуюко. При Кэйко было назначено целых семь "правителей". При этом само слово "мяцуюко" показывает, что эти правители были не более, чем данниками царского рода. Во всяком случае никак нельзя понимать назначение куни-но мяцуюко как действительно посылку правителей - уполномоченных царской власти в отдаленные районы. Это - не губернаторы, управляющие вновь созданными административными районами. Это те же самые родовые старейшины, главы

покоренных родов, которые становились в положение данников по отношению к царскому роду и в этом смысле назывались "мияцукю", т. е. "царские рабы".

О том, что эти куни-но мияцукю были местными старейшинами, покоренными царями Ямато, свидетельствует тот факт, что они постоянно "поднимали мятежи". Иными словами, покорение часто бывало чрезвычайно непрочным и временным. Такое положение отразилось в одном факте, также приурочиваемом к времени Кэйко. Чтобы держать своих данников в покорности, Кэйко будто бы расселил свой род на территориях, смежных с территориями родов данников и даже на их собственных территориях. Таким образом, во всех районах (куни) появились отдельные части царского рода, управляемые "отдельными принцами" куни-но вакэ. У Кэйко - по словам хроник - было 80 сыновей, и все они, за исключением трех, превратились в таких "отдельных принцев". Это отражает, по-видимому, факт действительного расселения частей царского рода, а может быть и отдельных групп союза родов Ямато в разных местах Японии, в частности - на территории покоренных.

При следующем царе - Сэйму "назначение" куно-но мияцукю продолжалось в широком масштабе: эти правители были поставлены будто бы в 63 районах (куни), простирающихся на севере до Ивасиро, на западе до Хиндзэн, на востоке до Хитати, на юге - до Тоса. Эти указания как будто намечают сложившиеся к тому времени границы племенного союза. Вне власти Ямато оставались таким образом, Иваки, Ивасиро, Этиго и все места далее на север, заселенные Эбису, и южная часть Кюсю, заселенная Кумасо.

Таким образом, если толковать появление куни-но мияцукю, как покорение остальных родов, превращение их в данников, и рассматривать все это как отдельные этапы образования общеплеменного союза, то завоевательный процесс в этом направлении следует считать начавшимся с походов Дзимму. Именно в результате его завоеваний и могли появиться первые куни-но мияцукю.

В целом, если сосчитать число всех "поставленных" правителей, подчиненных царям Ямато от Дзимму до Сэйму, мы получим цифру 91, а по другим данным - даже 144, если включить сюда и т. наз. "агатануси", представляющих некоторую разновидность этих правителей. Не нужно забывать, что между этими приведенными к покорности родами располагались и роды победителей - члены союза родов Ямато, а также отдельные части царского рода. Это были роды, управляемые своими "кими" и "вакэ".

О постепенном складывании общеплеменного союза говорит еще одно мероприятие Сэйму: при нем впервые появляется звание "о-ми" - ближайшего помощника царя по управлению государством. Это название было дано в первый раз ближайшему сподвижнику Сэйму - Такэноути-но сукунэ. Последующая история ярко говорит о том могуществе, которое было в руках этого Такэноути-но сукунэ. Это был глава одного из крупнейших родов, входивших в состав племенного союза Ямато и по-видимому играл большую роль в организации первоначального племенного союза.

Следующий исторический этап, особо отмеченный японскими хрониками, относится к правлению Тюай и его жены, знаменитой героини официальной истории - царицы Дзинго. Поскольку с ее именем связан поход на Корею, получивший отражение и в корейских хрониках, ее правление можно с некоторой достоверностью датировать: по-видимому, оно относится к середине или 2-й половине IV века.

Как Кодзика, так и Нихонги подробно освещают походы Тюай и Дзинго, предпринятые с начала против Кумасо на Кюсю, а затем, после смерти Тюай - против Силла. Чтобы понять эти походы, необходимо снова вернуться к обстановке, сложившейся в те времена на Корейском полуострове.

Падение Вэйского царства в Китае, установление там новой Цзиньской Империи, возникшие внутри страны междоусобные войны, усилившиеся вторжение кочевников - все это привело к потере Китаем своего влияния в Корее. В связи с этим обозначилось и ослабление Силла, опиравшегося на помощь Вэй, взамен чего начало усиливаться другое корейское княжество Когурё, захватившее в свои руки северные районы, бывшие до этого в китайском владении. Соответственным образом это отразилось и на положении Кумасо, также опиравшихся с одной стороны на Китай, с другой - на Силла.

В этой изменившейся обстановке и произошли походы Тюай и Дзинго против Кумасо, а затем одной Дзинго - против Силла. Оба похода, как повествует японская хроника, - закончились успешно. Кумасо были приведены к покорности, царь Силла добился мира, поклявшись: "пока солнце не взойдет с Запада, пока воды реки Ялу не потекут вспять, пока речные камешки не взлетят на небо и не превратятся в звезды, я буду весной и осенью представлять дань".

Вслед за Силла будто бы изъявило покорность и другое царство в Корее - Пячэ, также уплатившее дань. Эти события приурочиваются к 346 г. Однако, насколько это

завоевание было непрочным, показывает тот факт, что и самой Дзинго и ее преемнику Одзину пришлось не раз предпринимать повторные экспедиции: в 382, 385, 399-400 гг. Две экспедиции предпринимались и при следующем царе Нинтоку. Эти новые походы были связанные с продолжавшимися на полуострове распрями, главным образом, с борьбой Силла и Пякчэ. При этом японцы обычно выступали в союзе с Пякчэ. Обращение Пякчэ к помощи японцев в известной мере объяснялось опасностью не только со стороны Силла, но и со стороны еще другого противника - княжества Когурё.

Рассказы о походах на Корею имеют одно основное значение: они свидетельствуют о том же завоевательном процессе, который наблюдался и до сих пор. Набеги на Корею с целью наложения дани, т.е. грабежа, или же представляющие одну из форм обмена, были и до этого; об этом красноречиво говорят корейские хроники. В эпоху Тюай-Дзинго-Судзин эти набеги приняли только по-видимому более крупные масштабы. Результатами же их было только одно - о чем неустанно говорят японские хроники: собирание дани. Характерно, что уже в мифе о Сусаноо есть упоминания о корейском золоте и серебре. Японские хроники с восторгом рассказывают, как Дзинго вывезла дань на 80 кораблях. Возможность же осуществления таких больших заморских походов была подготовлена предшествующим процессом завоеваний внутри страны: по-видимому, к эпохе Сэйму образовавшийся на базе союза родов Ямато общеплеменной союз был уже достаточно сильным.

Нужно сказать, что Дзинго пришлось предпринимать не только внешние походы. Хроники рассказывают, что в отсутствие Дзинго был поднят мятеж принцами Кагосака и Осикума, подавленный вернувшейся Дзинго с помощью Такэноути-но сукунэ. Важно отметить, что этот мятеж ставится в связь с теми большими трудностями для населения, которые вызвал заморский поход: приходилось затрачивать много средств и трудов на постройку кораблей для переезда в Корею, в экспедицию бралось много народу и т.п. Пришлось подавлять восстание рода Ямабэ и Амабэ и преемнику Дзинго - Одзин. Все это указывает на то, что некоторые из родов - данников стремились при удобном случае освободиться от этой дани.

С именем Одзина, сына и преемника Дзинго, связаны главным образом рассказы о внешних сношениях и о прогрессе ремесел внутри страны. Так, рассказывается, что в его царствование прибыл от князя Пякчэ посланец, по имени Атики, поднесший правителю Японии "добрых коней". Этот Атики, как человек грамотный, был поставлен учителем наследного принца Ваки-Ирацуко. Если считать это прибытие фактом, то его

следует приурочить к 399 году. В следующем, 400 году из Кореи приехал специально призванный по совету Атики "ученый" Вани, поднесший Одзину две корейских книги: учебник грамоты "Пяньцзывэнь" и "евангелие" раннего конфуцианства - "Рассуждения и беседы" "Лунь-юй". Этот Вани и занял место Атики по обучению царских детей. Затем при Одзине произошло переселение из Кореи в Японию большой группы - будто бы населения целых 127 округов под предводительством Юдзуки-но кими, китайца по происхождению. Отмечается прибытие "родоначальника" корейских кузнецов" в Японию - Такусо, ткача из царства У в Китае - Сайсо, винокура Нихо. Далее рассказывается о втором большом переселении из Кореи: в Японию приходит будто бы население 17 округов под предводительством Ати-но оми с сыном Цуго-но оми, по происхождению тоже китайцев. Эти Ати-но оми и его сын посылаются затем в Китай за ткачихами и портнихами.

С царствованием следующего царя - Нинтоку связывается целый ряд событий. Прежде всего знаменательна та распря, которая разыгралась среди наследников Одзина из-за наследования. Эта распря свидетельствует, во-первых, о том, что в союзе родов Ямато все еще велась внутренняя борьба, во-вторых, о том, что положение главы этого союза было настолько заманчивым, что из-за него велась борьба различных претендентов. Это значит, в частности, что положение главы союза было соединено с владением своих особых имуществ, отдельного от общего имущества рода. Далее, с именем Нинтоку связано установление "минасиро" и "микосиро", т.е. групп подневольного населения, работающего на царя. В его царствовании упоминаются и налог, и повинность, которые он то снимает, видя обнищание народа, то снова вводит, заметив, что благосостояние к населению союза снова вернулось.

Сведения, приурочиваемые к последующему царствованию - царя Ритю, снова подтверждают характер формирующегося племенного объединения как союза родов. Нихонги рассказывает, что при Ритю правили вожди четырех родов: Хэгури Цуку, Сога Мати, Кацураги Цубура и Мононобэ Ирофуку. Необходимо заметить, что роды Хэгури, Сога и Кацураги считаются различными ветвями рода знаменитого "Канцлера" Дзинго - Такэноути-но сукунэ. Это означает, что власть царей, т.е. вождей центрального рода Ямато была условна и временами очень неустойчива.

С царствованием Ритю связывается и еще одно важное указание: при нем была устроена т. наз. "внутренняя сокровищница" (утикура). Этот факт имеет следующее значение: при дворе царей Ямато с древности существовала "священная сокровищница" (имикура), гл.

обр. для принадлежностей культа, бывших в распоряжении царей как главных жрецов, т.е. составлявших как бы их личное имущество; теперь появилось имущество, уже не связанное с жреческими функциями, в обусловленное положением царей, как глав союза родов; именно для хранения этого имущества и была организована "внутренняя сокровищница".

После кратковременного царствования Хансё, не ознаменованного ничем замечательным, во главе племенного союза становится Инке. С его именем связано, во-первых, упорядочение образовавшихся к тому времени фамильных обозначений (кабанэ), во-вторых, "судилище" (кугатати), имевшее целью установить тех, кто именно "обманно" присвоил себе эти фамильные обозначения. Как тот, так и другой факт свидетельствуют о складывающихся классах и о зарождении классовой борьбы и поэтому они будут рассмотрены в другом контексте.

Краткое, ничем не ознаменованное царствование Анко сменяется царствованием Юряку, "вступающим на престол" также после жестокой борьбы с другим претендентом. При Юряку (456-479) отмечается чрезвычайное развитие ткацкого дела: за ткачихами снаряжаются посольства в "царствование У" - в Южный Китай. Юряку заботится и о шелководстве: он собирает в одно место расселившийся повсюду род Хата и заставляет его заниматься шелководством. В результате шелковые ткани начинают поступать в таком количестве, что Юряку принужден для хранения их устроить "большую сокровищницу" (Окура) - уже третью по счету. Заведующим всеми тремя сокровищницами ставится глава рода Сога - Мати, непосредственным же хранителем "большой сокровищницы" становится глава рода Хата. Это все означает, насколько условна была власть т. наз. Царей Ямато.

С царствованием Нинтоку связано устройство первого японского порта. Нинтоку построил такой порт в бухте Нанива, т.е. на месте нынешней Осака. В этот порт приезжали не только японские суда, но и корейские и даже китайские. Нинтоку перенес в Нанива свою резиденцию и выстроил здесь дворец. Нинтоку приписываются и различные мероприятия по развитию земледелия, а также по проведению дорог.

С именем Юряку связано еще одно крайне важное установление. По вступлении на престол Юряку окончательно определились два звания - о-оми и о-мурадзи. Первое звание было присвоено главе рода Хэгури - Матори, второе - главе рода Мононобэ - Мория. Оба звания выступают в этом акте уже как общеплеменные и появление их

является отражением складывающегося аппарата по управлению общеплеменным союзом. Мне кажется, что на этом процесс образования общеплеменного союза может считаться законченным. Базой этого союза являлся союз крупных родов, живших сначала в районе Ямато, а в дальнейшем расселившихся и по другим местам Японии. Опорой этого союза были наиболее крупные роды - род Такэноути-но сукунэ и его ветви Хэгури, Сога, Кацураги и пр. Главой союза был род Сумэраги, вожди которого выступали в роли царей. Прямым свидетельством того, что этот общеплеменной союз был построен на союзе родов, служит указание на то, что власть вместе с царями разделяли старейшины других наиболее сильных родов. Звания о-оми и о-мурадзи составляли прерогативу определенных родов: в качестве о-оми выступали главы родов Хэгури, Сога и Кацураги, в качестве о-мурадзи - Отомо и Мононобэ.

Таким образом, процесс, рисуемый с одной стороны, китайскими источниками, с другой стороны, японскими источниками, в общих чертах совпадает, и факт окончательного образования во второй половине V в. общеплеменного союза, соединенного с завоеванием и превращением покоренных в данников не подлежит сомнению.

СНОШЕНИЯ ЯПОНИИ С СОСЕДНИМИ СТРАНАМИ

Ближайшими соседями Японии являются Китай и Корея. Обе эти страны вступили на путь исторического развития в отдаленные времена и занимали в Восточной Азии главенствующее место в культурном и политическом отношениях. История Корейского полуострова тесно переплетается и историей Северного Китая и различные государства, появившиеся на этих территориях, входили в соприкосновение и с Японией. Эти соприкосновения в разные исторические времена носили различный характер: то это были племенные миграции, т.е. передвижения племен, захватывающие отчасти Китай, отчасти Корейский полуостров, отчасти Японию; то это были мирные переселения отдельных групп из одной страны в другую; то это были обоюдные набеги; нередко то и другое соединялось воедино. В позднейшие времена возникли культурно-политические сношения - поездки в Китай и Корею с целью заимствования культурных ценностей и установления политических отношений; с другой стороны, предпринимались и более организованные военные экспедиции, с целью не только грабежа, но и с целью наложить дань на какую-нибудь часть чужой страны на более или менее продолжительный срок. Эти экспедиции имели место против Кореи, с Китаем же велись главным образом сношения культурно-просветительского характера. Иными словами, при изучении древней истории Японии всегда следует помнить, что исторический

процесс в Японии развивался не изолированно от всего того, что происходило в те времена в Восточной Азии, и что история Кореи и Китая имеет очень большое значение для истории Японии. Понять очень многое в истории древней Японии можно только познакомившись с историей ее ближайших соседей. Это особенно становится необходимым при изучении следующего этапа древней истории Японии, т.е. событий, имевших место в V-VII в., т.е. в эпоху окончательного распада родового строя и образования после т. наз. переворота Тайка в 645 г. государства, основанного на вполне развитых антагонистических классовых отношениях.

Историческая жизнь китайского народа начинается в очень отдаленные времена, возможно - в начале - 3-го тысячелетия до н.э. (время т. наз. династии Ся). Однако эти отдаленные исторические времена не имеют значения для японской истории, так как первые следы каких-то соприкосновений с Японией обнаруживаются не ранее, чем в I в. до н.э., т.е. в эпоху Ханьской империи, образовавшейся на территории Китая в 206 г. до н.э. и просуществовавшей до 220 г. н.э. История этой империи обычно распадается на две половины: историю 1-ой (или Западной) Ханьской империи - с 206 г. до н.э. по 8 г. н.э. и историю 2-ой (или Восточной) Ханьской империи - 25 г. по 220 г. Это деление вызывается падением в 8 г. одной линии Ханьской династии и переходом на короткое время - до 25 г. - власти в руки одного из вассалов этой династии - Ванмана, после смерти которого в 23 г. Ханьская империя в 25 г. снова восстанавливается под управлением другой ветви прежней династии. Как известно, в историях именно этих Первой Ханьской империи (Цянь-Хань-шу) и Второй Ханьской империи (Хоу-Хань-шу) и содержатся первые упоминания о Японии.

С падением в 220 г. Ханьской империи на территории Китая на некоторое время образовались три отдельных царства: на севере - между Хуанхэ и Янцыцзяном - царство Вэй (220-264), в верховьях Янцыцзяна (на территории провинции Сычуань) - царство Шу (221-263), на юге - к югу от среднего и нижнего течения Янцыцзяна - царство У (222-260). В истории Вэйского царства содержатся уже довольно подробные сведения о Японии; есть сведения о сношениях Японии с царством У.

С распадом Китая на эти три царства начинается длительный период возникновения и падения отдельных государственных образований, появлявшихся в различных районах Китая и сменявших друг друга. Этот процесс вызывался, с одной стороны, неравномерным в различных частях Китая развитием феодализма, сталкивающим одни районы с другими; с другой стороны, некоторые царства и княжества распадались под

влиянием крестьянских восстаний; играла не малую роль и междоусобная борьба феодалов между собой; наконец, целый ряд государств падал под ударами кочевников, непрерывно наседавших на Китай и занимавших иногда его отдельные части (гл. образом, Север), иногда же - весь Китай целиком. Таким образом, период "троецарствия" на некоторое время (с 280 г. - год падения последнего из трех царств-царства У) сменяется периодом объединения под властью сначала Западно-Цзиньской (265-316), затем Восточно-Цзиньской империи(317-420). Однако, это объединение в конце IV в. уже было нарушено завоеванием части Северного Китая народом кочевников - сяньбийцами, основавшими в 386 г. на занятой территории свое царство, вошедшее в историю под названием Северо-Вэйского (386-394). С этого времени начинается период разделения Китая на две больших части: север, находившийся под властью кочевых завоевателей, и юг, остававшийся под властью собственно-китайских феодальных домов, причем как в одной части, так и в другой происходит почти непрерывная борьба, приводящая то к простой смене владетельных домов, то к распаду отдельных государств. Так, на севере Северо-Вэйское царство, распавшись сначала на Восточно-Вэйское (535-556), сменилось потом царство Сев. Ци (550-577), в свою очередь смененного в дальнейшем царство Сев. Чжоу (557-580). На юге Восточно-Цзиньское царство сменилось в 420 г. царством Сун (420-479), затем царством Ци (479-501), Лян (502-557), Чэнь (557-589).

В конце VI века Север усиливается настолько, что начинает борьбу за новое объединение всего Китая. В 581 году после падения Сев. Чжоу там возникает царство Суй, которое в 589 г. захватывает весь Китай и образует таким образом всекитайскую империю, просуществовавшую, однако, под властью династии Суй недолго - только до 618 г. и перешедшую затем под власть династии Тан, при которой Китай - Танская империя (618-969) - достиг огромного политического могущества и культурного расцвета. Именно в этот период Суйской и затем Танской империи сношения Японии с Китаем приобретают особое значение, вследствие чего необходимо охарактеризовать социально-экономический строй и затем культуру Китая в эту эпоху.

Суйская, а затем Танская империя являлись государством феодальным. Однако, китайский феодализм в эту эпоху выливался в несколько особую форму. Эта форма - наделный строй.

Сущность наделного строя заключается в следующем: вся земля считается собственностью государства, вернее - императора, олицетворяющего собою государство,

и все те, кто обрабатывает эту землю, кто имеет ее, пользуется ею не на правах собственности, а на правах надела, получаемого от государства, отплачивая за это государству налогами и отработкой. Этот порядок впервые получил свое оформление в Северо-Вэйском царстве, неуклонно развивался на всем Северном Китае, с завоеванием Суйской династией и юга Китая был распространен уже по всему Китаю и достиг своего наивысшего расцвета в период Танской империи.

Танский наделный строй характеризуется следующими чертами.

Государство, являвшееся верховным и единственным собственником земля, распределяло эту землю среди населения в порядке подушного налога. При этом надел получал только тот, кто мог эту землю обработать. Считалось, что полностью обеспечить эту обработку могли лица от 18 до 60 лет. Это приводило к тому, что лица моложе 18 лет наделы вообще не получали, старики же - от 60 лет получали только половину. Естественно, что после смерти владельца надела, его земля поступала обратно в казну. Надел предоставлялся с таким расчетом, чтобы обеспечить все основные потребности населения. Согласно традиционной в Китае формуле эти потребности выражались в потребностях в пище, в одежде и в жилье. В связи с этим и в надел давались пахотные участки, участки для разведения промышленных культур и участки под постройки.

Получая от государства землю, население должно было платить за это. Опять таки согласно традиционной китайской формуле, человек должен был платить со всего, чем он владеет. Это означало: "если есть у тебя земля, - плати зерновой налог; если есть у тебя ремесло или промысел - плати промысловую подать; если есть у тебя тело, плати собственной работой!". Таким путем и сформировалась эта знаменитая для дальневосточного феодализма триада налогов и повинностей.

Однако такие наделы предоставлялись лишь одной, правда, большей части населения - крестьянству. Другая - меньшая часть - получала особые наделы, и размерами, и своим юридическим положением весьма отличавшиеся от крестьянских. Их получали представители правящего класса феодалов, подразделенного на два слоя: титулованную феодальную аристократию - феодальных князей разных степеней и феодального чиновничества. Нечего и говорить, что эти наделы были гораздо больше крестьянских, достигая в руках высшей знати размеров целых огромных латифундий; при этом некоторые из этих наделов были "наделами" только по имени, так как они поступали в полное распоряжение наделяемых и государство предоставляло им делать с землей что

угодно - вплоть до продажи. Естественно, что владельцы таких наделов не облагались ни налогами, ни повинностями.

Для осуществления такой надельной системы, т.е. для проведения всех землеустроительных мероприятий, для контроля над землепользованием, для сбора налогов, привлечения населения к отработочной повинности нужен был огромный и при этом точно организованный и централизованный аппарат. Этот аппарат и был создан, причем отличительное свойство его - именно эта централизация при всей его исключительной разветвленности.

Верховным органом по управлению государством была т. наз. "Главная административная палата". В ней была сосредоточена вся исполнительная власть и ей непосредственно был подчинен весь прочий правительственный аппарат. Этой палате были приданы две другие - палата императорских эдиктов и палата императорских указов, ведавшие разработкой и изданием различного рода указов и распоряжений. Во главе административной палаты стоял ее председатель - великий канцлер, являвшийся таким образом главою всего правительственного аппарата. Ему были приданы два товарища - левый канцлер и правый канцлер, составлявшие вместе с великим канцлером Верховную государственную коллегию.

Вторым звеном центрального аппарата были министерства - приказы. Их было всего пять: приказ чинов, дворовый, церемонный составляли первую группу; приказ военный, наказаний, общественных работ - вторую группу. Во главе каждого приказа стоял свой начальник, - т. ск. Министр, каждая же группа приказов подчинялась одному из канцлеров: первая группа подчинялась левому канцлеру, вторая - правому.

Каждый приказ делился на четыре управления, которые ближайшим образом и распределяли между собой все отрасли государственного управления.

Управления страной было соединено с административным районированием. Вся страна была подразделена на области, провинции, уезды, сельские округа и волости. Каждый из этих районов имел свои органы управления. Волость состояла из 100 крестьянских дворов, причем каждые пять дворов составляли одну общину - "пятидворье", которое и являлось низшей административной и налоговой ячейкой правительственного аппарата. Во главе пятидворья стоял старшина, подчинявшийся волостному старосте, который был в свою очередь подчинен начальнику сельского округа, как тот - начальнику уезда и т.д.

Таким образом, правительственный аппарат, начинавшийся внизу в пятидворье, последовательно доходил до Верховной коллегии.

Вторым отличительным признаком этой государственной системы был ее бюрократизм. Все звенья правительственного аппарата обслуживались должностными лицами, в своей совокупности составлявшими чиновничество, организованное согласно особо установленной системе рангов и должностей. Они получали ранговые и должностные земельные наделы, получали от казны жалование натурой - из налоговых поступлений от крестьян. И поскольку все эти лица составляли правящий слой, пользовавшийся и землей и непосредственно доходами государства, идущими от крестьян, постольку класс феодалов принимал в этой системе облик чиновничества - феодальной бюрократии.

Совершенно несомненно, что наделный строй представляет одну из наиболее организованных и планомерных систем феодальной эксплуатации основной массы населения страны - крестьянства. Особенностью этого строя, отличающего именно эту систему эксплуатации от всяких других форм феодальной эксплуатации является то обстоятельство, что присвоение прибавочного продукта - в форме налога - производилось не непосредственно - путем отдачи крестьянином этого налога своему господину-феодалу, а через посредство государства, которое собирало этот продукт и потом передавало его правящему классу в форме жалования. В то же время в руках этого класса продолжала оставаться и значительная часть земли - на положении наделов. Так же и отработка шла не непосредственно на феодалов, а на государство, бывшее в распоряжении феодального чиновничества. Такая система эксплуатации может оказаться необходимой тогда, когда феодалы сами по себе по тем или иным причинам недостаточно сильны, чтобы осуществить эксплуатацию каждый отдельно, на свой собственный риск и страх и должны прибегнуть к системе централизованной эксплуатации. Такая система оказывается полезной и тогда, когда нужно расширить обработку земли и сделать ее планомерной и систематической и поднять, таким образом, налоговые поступления. Эта система оказывается, наконец, очень хорошим оружием для наиболее организованного и широкого закрепощения населения за землю и ее обработкой в пользу правящего класса.

С политической стороны наделный строй характеризуется абсолютизмом верховной государственной власти. Этот абсолютизм вырастает из необходимости для феодалов создать централизованное государство и опираться на него как на основной рычаг по управлению страной и извлечению доходов от крестьянства; он определяется и всей

централизованной системой правительственного аппарата. Император в эпоху надельного строя - абсолютный монарх, не только - верховный глава государства, но и источник всякого законодательства.

Религиозной идеологией, сопряженной с этим строем, был буддизм. Некоторые положения этой религии могли быть с успехом применены к религиозно-метафизическому обоснованию общественного порядка, связанного с надельной системой. Дело в том, что правящий класс выставлял надельный строй как осуществление принципа всеобщего равенства: ведь каждый имел равное с другими право на получение подушного земельного надела, причем и размеры этих наделов были одинаковы для всех; недаром, вся эта система носила название "системы уравнительного землепользования" (цзюньтянь). Перед государем все были якобы равны; он же сам не только распоряжался всем, но и был источником всех прав и благ. Такая идеология, усиленно проводимая правящим классом, могла как нельзя лучше подкрепляться учением буддизма о всеобщем равенстве всех перед Буддой, который является источником всего - и жизни, и спасения. Поэтому буддизм, начавший проникать в Китай впервые в IV в. - в конце Западной Цзиньской империи, с установлением надельной системы стал быстро пускать корни и распространяться по стране. Суйские императоры покровительствовали буддизму, поддерживали его и Танские императоры. С другой стороны, не утрачивало свое значение и конфуцианство, в первую очередь со своим учением о "благородном человеке" (цзюньцзы), противопоставляемом "человеку малому" (сяожень). Эти два понятия толковались в моральном смысле и говорили о разных типах моральной личности, но они же могли быть соотнесенными и к различным социальным категориям, а это могло служить лучшим обоснованием и деления общества на управляемых крестьян и управляющих - феодальное чиновничество.

Вторым соседом Японии является Корея. Ее история имеет еще большее, чем китайская, отношение к истории Японии.

История Кореи тесно связана с историей Китая. Северная часть Корейского полуострова, прилегающая к Манчжурии и близкая к северо-китайским провинциям, с древних времен находилась в тесном соприкосновении с Китаем и служила ареной китайской колонизации, как мирной, так и сопряженной с завоеванием. Одно из самых распространенных, хотя и не вполне достоверных исторических преданий даже начинает историю Северной Кореи с китайского завоевания: в конце 2-го тысячелетия до н.э. в районе нынешней Южной Манчжурии и Северной Кореи будто бы появились

многочисленны китайские переселенцы под предводительством Цзицзы (кор. Кыйцза), которые якобы подчинили себе жившие там племена и основали свое княжество, получившее название Чаосянь (кор. Чосон). Вопрос о Кыйцза является спорным, но факт существования в древности какого-то государства Чаосянь, по-видимому, несомненен. В 194 г. до н.э. это княжество было захвачено новой волной переселенцев - выходцев из соседнего, расположенного к западу китайского княжества Янь, павшего в 222 г. под ударами Ханьской империи. Предводитель этих переселенцев - Вэймань (кор. Ийман), ставший князем Чосон, сумел подчинить себе почти всю территорию северо-западной Кореи. Переселения из Китая продолжались и далее, так что северо-западная Корея уже в древнейшие времена была сильнейшим образом китаизирована - и в племенном, и в культурном отношении.

Распространение Ханьского владычества привело к включению княжества Чосон в состав Ханьской империи: в 107 г. до н.э. оно было завоевано и на его месте были организованы четыре административных района - четыре округа. Таким образом, во всей северной половине полуострова, не занятой китайцами, оставалась только северо-восточная часть.

Корейские племена, обитавшие в южной части полуострова, не были подвержены влиянию китайской цивилизации в такой мере, как их северные сородичи, и вели независимое существование. В эпоху I-ой Ханьской империи эти племена находились распадались на три племенных союза, фигурирующие в корейских хрониках под названием Махань (кор. Махан, яп. Бакан) - в западной части Чжэньхань (кор. Чинхан, яп. Синкан) - в восточной и Бяньхань (кор. Пёнхан, яп. Бэнкан) в южной части.

В I в. до н.э. в этих сохранивших независимость частях полуострова стали формироваться ранние государства: в 57 г. на юго-востоке, в основе - на территории племенного союза Чинхань, образовалось княжество Силла (яп. Сираги); в 37 г. на северо-востоке - княжество Когурё (яп. Кома); в 18 г. на юго-западе, в основе - на территории племенного союза Махан - княжество Пякчэ (яп. Кудара). По-видимому, одним из факторов, способствовавших образованию этих государств, явилось китайское влияние: переселенцы из Китая появились и в этих частях Кореи; с этими переселенцами заносилась китайская материальная культура - ремесла, проникали и китайские понятия об экономическом и социальном строе, о политической организации.

Второе из этих трех княжеств - Когурё, расположенное рядом с китайскими округами, вело непрерывную борьбу с Китаем и сумело в 169 году н.э. ликвидировать на этой территории китайскую власть. Таким образом, княжество Когурё заняло весь север Кореи и часть Южной Манчжурии и превратилось в одно из сильнейших государств на полуострове.

История Кореи в I-VII в. характеризуется, с одной стороны, борьбой этих трех княжеств друг с другом, с другой - постоянным давлением Китая, выразившимся то в прямых военных экспедициях, предпринимаемых с целью завоевания Кореи, то в форме различных политических интриг. Как во внутренних распрях, так и во внешних войнах, а также в политических интригах принимала большое участие и Япония - сначала в лице отдельных крупных родов в Идзумо и на Кюсю, причем в последнем случае не только японских, но и родов Кумасо, потом - и царей Ямато. В течение этих веков в Корею с еще большей силой проникала китайская цивилизация, оказывая мощное воздействие на весь социально-экономический и политический строй корейских княжеств, а также на их культурный уровень. В Корее развивается рабовладельчество, сыгравшее решающую роль в ликвидации прежнего родового строя; в дальнейшем на Корею постепенно распространяется та же социально-экономическая форма, которая получает господство в Китае - надельный строй. Господствующий класс полностью китаизируется - вплоть до собственных имен. Среди него утверждается китайская грамотность - иероглифическая письменность, китайская система образования, а с нею и китайская юридическая, историческая, политико-философская и художественная литература. Из Китая приходит и буддизм, быстро пускающий корни на корейской почве.

Ранее других этот процесс развернулся, по-видимому, в Пякчэ, отчасти благодаря большому количеству китайских переселенцев, игравших крупную экономическую и политическую роль в этом княжестве. Здесь раньше, чем в других местах - уже в IV в. утвердился и буддизм. На очень высоком уровне социально-экономического, политического и культурного развития стояло и княжество Силла, с течением времени ставшее передовым государством на полуострове, наиболее полно и организованно осуществившее на своей территории надельный строй. Таким образом, не только Китай, но и Корея стояла на значительно более высокой ступени материально-технического, социально-экономического, политического и культурного развития, чем Япония.

Сношения Японии с этими своими соседями, в первую очередь, конечно, с ближайшим - Кореей, начались, по-видимому, очень давно. Вернее, пожалуй, сказать, что в

древнейшую эпоху движение племен захватило в равной мере как Корейский полуостров, в особенности его южную половину, так и японские острова. Опираясь на те предположения, которые можно сделать из анализа древних японских мифов и преданий, допустимо сказать, что в древнейшую эпоху племенные миграции охватывали территорию, границами которой были: на западе - южная часть Корейского полуострова (нынешняя провинция Когэndo), на северо-востоке - область Идзумо, т.е. западное побережье о. Хонсю, на юго-востоке - о.Кюсю, гл. образом его северная часть.

Мифы и предания, помещенные в Кодзики и Нихонги, в тех частях этих памятников, которые рассказывают о т. наз. "веке богов", дают ряд данных, позволяющих, если не обрисовать этот процесс в его конкретных очертаниях, то во всяком случае установить его общий характер. Отражением древнейших племенных миграций должны быть признаны мифы о Сусаноо и Исотамэру, об Осихомими, Инамэси, Инахи.

Один из вариантов мифа о Сусаноо, помещенный в Нихонги (кн. I, ч. I), рассказывает о том, что этот буйный бог после ссоры со своей сестрой Аматэрасу изгнанный с неба, удалился вместе со своим сыном Итакэру в страну Сираги (Силла) и поселился вместе, названном Сосимори. Не пожелав, однако, там жить, он направился обратно в Японию и прибыли в страну Идзумо. Его сын сначала собирался остаться в Корее, но увидев, что привезенные им с собою семена деревьев в стране Кара не произрастают, также вернулся обратно и стал богом страны Кии.

То, что этот миф действительно имеет связь с Кореей, подтверждается упоминанием в нем подлинного корейского географического названия - "сосимори" (корейское слово, означающее "голова быка"). Позднейшие исследования обнаружили, что такой пункт в древнейшей Корее действительно существовал: вероятнее всего это - Сюнсэй в нынешней провинции Когэndo. Равным образом слово "Кара" является названием одного из маленьких владений на юге полуострова.

Путешествия Сусаноо и Исотакэру туда и обратно могут считаться свидетельством сравнительной легкости и обычности поездок из Кореи в Японию и обратно. Кроме того, из этого же мифа можно вывести заключение и о том, что в Японии уже в древности имели сравнительно хорошие сведения о Корее: Сусаноо в мифе рассказывает, что в Корее есть золото и серебро. Упоминания о путешествиях в Корею встречаются и в более поздних мифах. Так, например, в Будзэн фудоки рассказывается о прибытии из страны Сираги сына Аматэрасу - Осихомими.

Насколько тесно соприкасалось население японских островов с населением полуострова, особенно его южной части, показывают мифы о происхождении родов некоторых богов и людей. В генеалогической хронике Синсэй Сёдзироку (815) указывается, что род бога Инамэси (сына Угаяфукиаэдзу) происходит от правителей Сираги; к корейским или китайским родоначальникам возводит эта хроника чуть ли не одну треть знатнейших японских родов того времени. Есть и обратные генеалогии: та же генеалогическая хроника говорит, что Инахи - старший брат "первого императора" Японии Каму-Ямато Иварэбико (Дзимму) будто бы отправился в Корею и стал там правителем Сираги. Конечно, считать это хоть в какой-нибудь мере историческим фактом нельзя; но само появление подобного рода сказаний бесспорно свидетельствует о наличии переселений из Кореи и в Корею. Так же следует относиться и к преданию о переселении в Японию со всем своим родом корейского князя Амэ-но хибико, что случилось - по свидетельству Харима-фудоки - тоже в "век богов". (Нихонги относит это переселение к гораздо более позднему времени - к году правления Суйнин, что, однако, не вяжется с другими данными об Амэ-но хибико и его потомках, расселившихся в области Тамба и Цукуси).

Все эти мифы и предания отражают, по-видимому, в первую очередь процесс племенных миграций в древнейшую эпоху. Однако, возможно, что они свидетельствуют и о сношениях обычного типа между осевшим населением одной страны и другой. И это можно распространить отчасти и на Китай. Если верить Цянь-Хань-шу, т.е. истории I-ой Ханьской империи, то уже тогда т.е. в II-I в. до н.э. была какая-то связь между Ханьским Китаем и Японией, по-видимому, - о. Кюсю. Китайцы того времени уже хорошо знали, что на Востоке живут "Важэнь", как они называли тогда японцев, что у этих Важэнь более сотни отдельных государств и что оттуда постоянно приезжают к китайскому двору с данью. Этот рассказ следует толковать, очевидно, в том смысле, что в те времена на о. Кюсю существовали еще совершенно обособленные друг от друга роды и что многие из состава этих родов, гл. обр., родовые старейшины, не только наезжали в Китай, но и вступали в какие-то политические сношения с китайскими правителями. Хоу-Хань-шу, т.е. история 2-ой Ханьской империи, говорит даже о посольствах из этих мест; одно из них мело место в 57 году н.э., второе - в 107 г. Кстати сказать, это наблюдалось в одинаковой мере и в отношении Кореи; связь корейских княжеств с "государствами" на Кюсю, в частности с родами Кумасо носила - как это явствует из позднейших данных - в известной мере характер политических сношений.

В период формирования в Японии прочного союза родов в Ямато и дальнейшего образования на базе этого союза общеплеменного объединения, т.е. во II-V в., эти связи принимают более конкретные очертания. Переселение из Кореи и отчасти Китая продолжают по-прежнему, но помимо них широко развиваются сношения культурные и политические. Развивается и обмен, то в мирной форме, то в форме взятия дани. Предпринимаются и целые военные экспедиции. Цари Ямато начинают активно вмешиваться в события, происходящие на полуострове. Коротко говоря, историческая жизнь Японии развивается не изолированно, а в тесном соприкосновении с жизнью Кореи и отчасти Китая.

В этот период особенное значение для японской истории приобретает самая южная часть Корейского полуострова, наиболее близкая географически, откуда чрезвычайно легки и просты путешествия в Японию и обратно. По-видимому, этот район Кореи с древних пор был хорошо знаком японцам и частично ими же заселен. По крайней мере, повествования Кодзики и Нихонги свидетельствуют об очень большом и постоянном интересе к этому району, а через него и к прочей Корее. В этом районе, расположенном на крайнем юге Силла, находилось тогда чуть ли не десяток крохотных полунезависимых владений, наиболее крупным из которых, стоявшим, по-видимому, во главе всех прочих, было маленькое княжество, называемое китайскими хрониками Кара, японскими - Мимана (округа Синсю и Кинкай в нынешней провинции Южн. Кэйсёдо). Именно эта территория и была наиболее тесно связана с Японией.

Мимана находилась между двумя сильными корейскими княжествами - Пякчэ и Силла и для того, чтобы не быть поглощенной каким-нибудь из них, принуждена была опираться то на одно, то на другое. Поскольку же это также было сопряжено с опасностью для собственной независимости, правители Мимана нередко прибегали к помощи Японии, тем более, что на территории Мимана жило или временно пребывало, по-видимому, довольно значительно число японцев. Кроме того, внутренние взаимоотношения тех многочисленных владений, которые существовали на этой территории, далеко не всегда были мирные: там велась почти все время междоусобная распря. Если учесть при всем этом экономическое и политическое значение этой части Корейского полуострова - ворот из Японии в Корею и из Кореи в Японию, пункта оживленного обмена и культурных сношений, станет понятна та борьба, которая велась вокруг Мимана между ее сильными соседями - Силла и Пякчэ, с одной стороны, Японией и этими корейскими княжествами, с другой. Взаимная борьба и соперничество Силла и Пякчэ в результате позволили японцам на некоторое время держать Кара-Мимана в пределах своего

непосредственного влияния. Это выражалось в наложении на Мимана определенной дани, поступление которое обеспечивалось присутствием на месте японских отрядов. Когда именно сложилось такое положение, сказать трудно. По официальной, т.е. совершенно недостоверной хронологии, установление японской власти в Мимана произошло в царствование Судзин - в начале I в. до н.э. По более вероятному подсчету, если это действительно случилось при Судзин, оно должно относиться к концу III в. н.э. В пользу именно этого времени говорит то, что III в. характеризуется вообще очень оживленными сношениями японцев с материком, не только с Кореей, но и с Китаем. В 220 г. Ханьская империя в Китае пала и на ее развалинах на некоторое время возникло три царства - Шу, Вэй и У. Второе из них - Вэй образовалось на севере Китая и вплотную придвинулось к Корейскому полуострову, наседая на территорию, бывшую во владении северного корейского княжества Когурё. "Вэй-чжи" - история Вэйского царства, как известно содержит в себе целый отдел, посвященный Японии, что и является лучшим доказательством наличия в те времена хороших сведений о Японии, явившихся следствием не только старых преданий и рассказов, сохранившихся еще с Ханьских времен, но и новых сношений. Вэйская история говорит о прямых соприкосновениях с японцами; она упоминает о прибытии в 238 г. посланца от царицы Ямато, о поездке в 240 г. правителя северо-корейских округов Вэйского царства в Японию, о прибытии в 243 г. новых послов из Японии. Подобного рода сведения заставляют предполагать о каких-то политических взаимоотношениях Японии с Вэйским царством. Указанные посольства возможно направлялись отдельными японскими владетелями - главами больших родов или местных родовых союзов с целью получить от Вэй поддержку в своей борьбе с соседями и в своих завоевательных планах. Может быть в связи с этим в Вэйской истории упоминается о борьбе в 247 г. царицы Химико с царем другого государства, в которой принимали какое-то участие и Вэйские правители. При этом сношении с Вэй велись главным образом южной Японией, старейшинами о. Кюсю, вероятнее всего - племенем Кумасо.

Внутренняя борьба корейских княжеств в это время протекала в следующей обстановке: Силла находилась, с одной стороны, под влиянием сильного Северного княжества - Когурё, с другой стороны, на юго-западе имела также достаточно сильного противника - Пякчэ. Отражая удары с двух сторон, и само наступая на территорию своих врагов, княжество Силла постаралось установить дружеские отношения с Вэйским царством, угрожавшим Когурё с севера, и с племенем Кумасо на о. Кюсю в Японии, могущем своими опустошительными набегами подорвать мощь Пякчэ.

Связь с Кумасо могла оказаться полезной на случай опасности со стороны японцев, т.к. Кумасо могли сильно беспокоить японцев и парализовать их попытки набегов на Корею.

В такой сложной обстановке, по-видимому, и произошло первое закрепление японцев на южной оконечности полуострова. Это был сначала, вероятно, не более, чем удачный набег, и только внутренняя распря среди мелких владений, из которых слагалась Кара-Мимана, позволила японцам несколько упрочить свое влияние. Набег этот был произведен в царствование Судзин, причем во главе японских отрядов стоял принц Сионори. В чем конкретно выражался этот захват Мимана, - достаточно ясно говорит повествование Нихонги: завоеватели после покорения страны устроили в разных местах "миякэ", т.е. склады и амбары, иначе говоря - помещения, куда свозилась и где хранилась представленная населением дань. Сам же Сионори устроил со своим отрядом свою ставку - т. наз. Мимана Нихонху, откуда и держал в повиновении окружающее население. Часть дани оставалась на месте, часть направлялась ко двору царей Ямато. Об этом свидетельствует рассказ о прибытии в конце правления Судзин посла Сона-Касити (по другим источникам - Цунуга-Арасито) с данью из Мимана.

В какой степени это утверждение японской власти в Мимана оказалось возможным благодаря междоусобным распрям, царившим там, явствует из того, как представлено это событие в Нихонги. Нихонги прямо говорит, что японские отряды отправились на полуостров по прямому призыву Мимана, нуждавшейся в помощи в своей борьбе с расположенным в его северо-восточной части владением Санхамон.

Экспедиция Сионори была первым крупным походом в Корею. Второй поход связан с именем прославленной японской историей царицы Дзинго, властной жены царя Тюай и долголетней регентши после его смерти, правившей от имени своего сына Одзин.

Согласно исчислениям японских ученых, поход Дзингу имел место в 346 году. Однако, и эта дата только предположительна, так как корейские историографические памятники (напр., "История трех царств" - Санокуси-ки) не содержит никаких специальных указаний именно на эту экспедицию. Они упоминают только о ряде набегов японцев, имевших место как до этого года, так и после. Дата 346 г. берется потому, что в "Истории трех царств" именно к этому году приурочивается сообщение о нападении многочисленных японских отрядов. Возможно, что это и есть тот поход Дзингу, о котором так подробно рассказывают Нихонги.

Судя по Нихонги этот поход был совершен в довольно сложной политической и военной обстановке. Прежде всего изучалось положение в Восточной Азии. Вэйское царство, - одно из трех в Китае, господствовавшее на Севере Китая и отчасти на Север Кореи, в 264 г. пало. С 265 возникло зап. Цзиньское царство, которое повело борьбу за объединение под своей властью всей китайской территории. Еще в 263 году пало другое из трех царств - Шу. Дольше всех держалось южное царство У - до 280 г. С этого же момента Цзинь на некоторое время держит в своих руках весь Китай. Однако, Цзиньская империя никогда не была особенно сильной: она раздиралась внутренними неурядицами (т. наз. "междоусобная война 8 князей") и все время подвергалась нашествиям кочевников (гунны, сяньбийцы). Поэтому Корейский полуостров был предоставлен самому себе и это сразу же отразилось на положении враждующих корейских княжеств. Когурё, до сих пор бывшее под постоянной угрозой с севера, где находилось до сих пор Вэйское царство, теперь оказалось свободным от этой угрозы. Наоборот, Силла, опиравшееся на Вэй, оказалось теперь под угрозой Когурё. Опасность со стороны Когурё стало ощущать и третье княжество - Пячэ. С другой стороны, Кумасо на о. Кюсю, также имевшее поддержку в Вэй, теперь оказались один на один со своими давнишними врагами - японцами. В этой обстановке и был предпринят поход Дзингу. Как повествует Нихонги, этот поход является вторым этапом большого завоевательного движения, начавшегося в правление мужа Дзингу - царя Тюай. Это движение имело своим начальным направлением о. Кюсю, в первую очередь - области, занятые Кумасо. Движение за захват территорий, находящихся на юге, легко объясняется тем, что именно там были расположены наиболее плодородные, с давних пор богатые земледельческие районы; там было достаточно развито и крестьянское ремесло, так что захват этих мест сулил богатую добычу. Кроме того, понятно стремление нанести удар Кумасо. Поход Тюай против Кумасо не был доведен до конца, по-видимому, вследствие некоторых трудностей, а также внутренних распрей: часть японских старейшин и вождей, в первую очередь, могущественный Такэсиути-но сукунэ, предпочитали обратиться к более богатой добыче - к Кореи, именно к Силла, обессиленной своей борьбой с Когурё. Нихонги изображает этот поворот как дело рук Дзингу, доказывавшей своему мужу необходимость разгромить главного противника - Силла. Неожиданная смерть (убийство?) Тюай положило конец этой внутренней борьбе и японцы стали готовиться к походу против Силла.

Этот поход, если судить по японским источникам, закончился изъятием царем Силла - Хасамукин покорности и готовности платить дань. Дзингу вернулась обратно, ведя с собой будто бы целых 80 кораблей с добычей. Для сбора добычи в дальнейшем в Силла

были устроены "ути-миякэ", т.е. склады-амбары - такого же типа, как и те, о которых упоминается в повествовании о походе Сионори в Мимана. Были оставлены и японские отряды, вероятно, для того, чтобы следить за поступлением дани.

Развернувшийся полным ходом распад Цзиньской империи тем временем снова отразился на положении дел на полуострове. На этот раз разгорелась борьба между Когурё и Пякчэ. Когурё при этом опиралось на помощь княжества Цинь, возникшего на севере Китая в 350 г. Пякчэ же стремилось опереться на Вост. Цзиньскую империю. Однако, Вост. Цинь, находившееся в стадии распада, не могла оказать нужной помощи, и Пякчэ, оказавшееся под ударами Когурё и Силла, вынуждено было искать помощи у Японии. Нихонги представляет это событие как изъявление покорности и представление дани. Так или иначе был предпринят новый поход, в первую очередь против Силла, в котором японцы действовали совместно со своими союзниками - Пякчэ. В результате этого похода некоторые районы Силла отошли к Пякчэ, японцы же расширили сферу своего влияния в Мимана, включив туда еще семь из десяти владений, составлявших этот район.

Однако насколько это покорение было непрочным и сводилось, по-видимому, к более или менее удачным грабежам, показывает дальнейшая история, даже в том виде, как она излагается Нихонги. Все время приводятся сообщения о прекращении поступления дани, что вызывает новые походы. В 382 году был предпринят поход против Силла (поход Кацураги-но Соцухико). В 391-392 гг. была предпринята экспедиция и против Силла, и против Пякчэ, которые также отказались платить дань (поход Ки-но Цуну, Хатано Ясиро, Согано Исикава, Хэгури-но Дзуку). В 397 году - новая экспедиция - совместно с Пякчэ против Силла, сумевшей привлечь к себе на помощь Когурё. Отдельные походы продолжаются и в дальнейшем, причем соотношение сил обычно складывалось так, что на одной стороне были Силла с Когурё, на другой - Пякчэ и Япония.

Эти сношения с корейскими княжествами имели огромное значение для внутренней истории Японии. Прежде всего они обогащали вождей походов, а также царей Ямато: награбленная добыча или "дань" распределялась в первую очередь между ними. С другой стороны, из Кореи - то в виде пленных, то заложников, то послов - в Японии появились представители народа, у которого было уже сравнительно высоко развито ремесло, хорошее знакомство с китайской грамотой (иероглифическая письменность), знание китайской политической и морально-философской литературы и т.д. Хорошо известно, что целью набегов бывало не только взятие добычи или наложение дани, но

захват ремесленников, из которых формировались группы "бэ" - несвободных, призванных обслуживать старейшин и царей. Происходило в довольно значительном количестве и мирное переселение из Кореи и даже Китая, причем эти переселенцы расселялись среди японского населения. Все это ускоряло темп и хозяйственного, и политического, и культурного развития Японии.

Японская история особенно отмечает факт прибытия в 399 г. из Пякчэ посланца Атики, поднесшего японскому царю от своего князя "добрый коней". Этот посланец остался в Японии и был поставлен "заведующим конским двором", а вместе с этим и учителем наследного принца, которому он преподавал китайскую грамоту. По его совету в 400г. из Кореи был выпущен более сведущий человек - Вани, которому и было поручено обучение и воспитание царских детей. Вслед за ним появился и третий "ученый" - Синсон-о. Их потомки в дальнейшем получили официального звание "людей грамоты" ("фухито") и стали главными распространителями китайского просвещения среди членов царского рода и вообще верхних слоев тогдашнего общества.

Из крупных переселений можно указать на переселение в начале V века из Пякчэ многочисленного китайского рода, названного в японских памятниках родом Хата (в дальнейшем - Уцумаса); глава этого рода - Юдзуки-но кими будто бы привел с собой население целых 127 округов. Другим крупным переселением был переход в Японию тоже китайского рода, возглавляемого Ати-но оми и его сыном Цуга-но оми, которые привели с собой население 17 округов. Японские хроники отмечают, что эти переселения дали сильный толчок развитию в Японии шелководства. Вместе с тем потомки Ати-но оми заняли наряду с потомками Вани положение "царских писцов" и историографов.

Все это приурочивается к царствованию Одзин. В царствование следующего царя - Ритю "люди грамотны" были поставлены будто бы по всем провинциям, причем ими были обычно либо корейцы, либо китайцы. При Кэтай отмечается прибытие четырех ученых из Китая - толкователей классической конфуцианской политико-философской литературы.

Наряду с этими добровольными переселениями идет принудительное - в форме дани. Так, например, при Одзин князь Пякчэ будто бы поднес в виде дани ткачих и портных; в дальнейшем отмечается присылка кузнецов, корабельных мастеров. Со своей стороны и японские цари стремятся сами выписывать из-за моря нужных им мастеров. Так,

например, тому же Одзину приписывается отправление в Китай, в царство У недавно прибывших в Японию Ати-но оми с сыном с поручением им вывезти оттуда ткачих-портных, так и вошедших в хроники под названием "ткачих из У" (Курэ-Хатори). Из этого же царства У выписывал портных и ткачих и Юряку. ("ткачихи из У - Курэ-Хатори и "ткачихи из Хань" - Ая-Хатори). При нем из Пякчэ прибыло много гончаров, седельных мастеров, живописцев, вышивальщиков, Еще до этого, при Одзин из Кореи прибыли ткачи и винокуры. Есть упоминание и о появлении китайских и корейских лекарей. С именем Юряку связываются особые заботы о развитии шелководства. Рассказ Нихонги позволяет догадываться, с чем это было соединено. Юряку будто бы собрал расселившийся в разных местах род Хата, насчитывавший к тому времени в своем составе 18670 человек, и поселил их вместе, приказав им заниматься шелководством и тканьем шелковой материи и поставлять свои изделия двору. Очевидно, это мероприятие означало то, что эти переселенцы, в первое время - свободные, теперь превратились в несвободных и принуждены были обслуживать царский род.

Насколько этот внешний грабеж и внутренняя дань увеличили богатство царей Ямато, обнаруживается в той "реформе" хозяйственного управления, о которой упоминалось в предшествующем изложении.

Со времен древности идет существование в царском роде "священной сокровищницы" (Имикура), где хранились "сокровища царского дома" - в том числе и принадлежности культа. Добыча от набегов и поступления дани с Кореи, развитие поступлений с населения заставили царя Ритю организовать особую "внутреннюю сокровищницу" (утикура), причем описью и хранением этого имущества заведывали Ати-но оми и Вани. При Юряку в дополнение к этим двум была устроена "большая сокровищница" (окура), с учреждением которой имущество, составлявшее непосредственную собственность царского рода, было отделено от государственного достояния. Как известно, заведывать этими "тремя сокровищницами" был "поставлен" Сога Мати.

В V в. обстановка в Корее снова несколько меняется. Продолжающееся усиление северного княжества Когурё, угрожающее обоим княжествам Силла и Пякчэ, вынуждает их на время прекратить борьбу между собой и объединиться против Когурё. Это сближение явственно обнаруживается в 433 году. В 454 году Пякчэ подвергается сильнейшему разгрому от Когурё, и если не гибнет окончательно, то только благодаря помощи Силла.

Как китайские, так и японские источники отмечают в эти годы (напр., в 433, 444) очередные экспедиции японцев на полуостров, причем предпринимаются они против Силла. С другой стороны, если верить китайским источникам (Сун-шу - "Истории Сунского царства" в Китае), то в течение всего V-го века японцы ведут самые оживленные сношения с Южным Китаем. Прибытие японцев отмечается в 412, 425, 443, 451, 462, 478 гг., что должно соответствовать правлению царей Ритю, Хансё, Инкё, Анко, Юряку. Сведения о посланцах, направляемых в Китай, встречаются в это время и в японских хрониках; таковы, например, оба посольства Юряку за "ткачихами". Несомненно, V-й век - эпоха самых оживленных сношений не только с Кореей, но и с Китаем.

Однако во второй половине V века положение на полуострове начинает складываться для японцев неблагоприятно. Сближение Пякчэ с Силла означает угрозу потери Японией своего влияния в этом княжестве. Правда, в 475 году происходит новое нападение Когурё на Пякчэ, ставящее это княжество снова под угрозу гибели, чем и пользуются японцы, приходящие на "помощь" Пякчэ в 477 году. Однако, это восстановление влияния Японии оказывается непрочным. Дело в том, что к этому времени у Японии оказывается подорванной ее опорная база на полуострове - Мимана. В 463 году японский правитель Мимана - Киби-но Таса поднимает мятеж против царей Ямато, т.е. отказывается пересылать дань. снаряжается большая экспедиция против него, но она не достигает своей цели. Нихонги упоминают, что Киби-но Таса пользовался поддержкой Силла. Это обстоятельство заставляет предположить, - особенно при свете дальнейших событий, что этот мятеж был скорее делом рук Силла.

С началом VI века начинается уже окончательная ликвидация японской власти на полуострове; в 512 г. Пякчэ присоединяет к себе 4 района Мимана, в 513 - еще два; тогда же к Силла отходят три района. В 527 году японцы делают попытку вернуть утраченное - снаряжается экспедиция под начальством Оми-но Кэну, но в это время разворачивается мятеж одного из местных правителей - Иваки на Кюсю. Этот мятеж, правда, в 528 г. подавлен, но Кэну терпит в Мимана полное поражение от войск Пякчэ и Силла. В 562 году под ударом Силла падают последние остатки власти японцев, и японская Мимана на полуострове перестает существовать.

Сношения с Кореей на этом, конечно, не прекращаются. Оттуда продолжают переходить в Японию целые группы переселенцев, среди которых много ремесленников, буддийских монахов, учителей грамоты. Путешествуют и японцы, как в Корею, так и в Китай. Иначе

говоря, прежний процесс взаимного общения продолжается. Последующие правители Японии предпринимают даже попытки как-либо восстановить на полуострове прежнее положение. Пускаются в ход различные дипломатические средства, ведутся политические переговоры, предпринимаются даже военные экспедиции. Однако восстановить японскую Мимана не удается.

РАСПАД РОДОВОГО СТРОЯ.

История японского народа по II-IV стол. характеризуется постепенным образованием и развитием племенного союза в изложенном смысле этого слова. Вместе с тем в эти же века происходил медленный, но неуклонный процесс трансформации ранней формы родового строя.

Прежде всего необходимо отметить численный рост родов. Это усматривается из того, что в эти времена наблюдается разветвление прежде всего единого рода на ряд "дочерних" родов. Так, например, род царей Ямато стал слагаться из более, чем 10 ветвей, выступавших на положении самостоятельных родовых групп. От царского рода пошли роды Отикоти, Овари, Касуга, Киби, Абэ и ряд других. Род Мононобэ был настолько разветвлен, что за ним установилось даже прозвище: Хатаибэ-но Мононобэ, Ясо-Мононобэ, т.е. "25 Мононгбэ, 80 Мононобэ". По многим признакам можно судить, что именно эти "дочерние роды" "малые роды" (коудзи) - как они назывались по отношению к "большому роду" (соудзи) - являлись главными действующими лицами истории. К такому заключению приводят не только общие экономические соображения, но и факты из истории завоеваний. В тех случаях, когда рисуется какое-нибудь завоевание, какой-нибудь поход, этот поход является предприятием именно отдельной ветви какого-нибудь рода. Так, например, оседание рода Имубэ в Исэ рассматривается в "Исэ Фудоки", как покорение этой территории лишь одной частью большого рода Имубэ, с тех пор и получившей свое отличительное наименование - Исэ-Имубэ. Покорение Кюсю, имевшее место уже после "Восточного похода" Дзимму, т.е. после оседания главной массы племени в Ямато, приписывается опять-таки не старшей ветви царского рода, а одному из родов, ответвившихся от него - роду Та. Покорение Северных и Восточных районов осуществлялось непосредственно также одной ветвью царского рода - родом Абэ. Район Тамба был приведен в покорность другой ветвью - родом Тамба и т.д.

Рост родов, ответвление от "материнского" рода "дочерних" родов, появление "малых родов", отколовшихся от "больших родов" находит свое подтверждение и в данных

языка. Мацуока Сидзуо в своем "Словаре древнего японоского языка" (Ниппон кого дайджитэн) говорит следующее: "До того, как появились отдельные семьи, род представлял одну большую семью. Но в силу необходимости с точки зрения своего расселения, он должен был распадаться на некоторое количество небольших групп. Например, члены рода Сога по своему местожительству распадались на Сога из Исикава, Сога из Кавабэ, из Сакураи, из Танака, Кумэ, Охарида. В противоположность "укара" (большому роду) эти малые роды как будто назывались "якара". В Палау в Тихом океане такой малый род называют "ира" или "эра". Не было ли и у нас в древности подобного же слова? Если толковать "иро" в словах "иросэ", "иромо", "иронэ", "ирото" в этом именно смысле, все очень хорошо объясняется". (ук. работа, стр. 235).

"Хотя и нельзя считать это вполне установленным, но все же слово "иро", по-видимому, являлось обозначением группы кровных родственников, занимающей среднее положение между родом и семьей. Для обозначения различия по полу к мужчинам прилагалось слово "иросэ", к женщинам - "иромо"; для обозначения различия по возрасту к старшим прилагалось слово "иронэ", к младшим - "ирото" (ук. работа, стр. 237).

Если Мацуока прав, наличие особого наименования для таких малых родов свидетельствует об их полной эмансипации от главного рода и о их фактически обособленном существовании.

Внутри японского рода за эти столетия также произошли значительные изменения. Прежде всего необходимо отметить закрепление патриархата. Патриархат становится безусловно ведущей формой общественного строя, и матриархат, если и существует еще, то либо в виде остатков прежней системы, либо в виде ее пережитков. Старейшины родов - уже всюду мужчины, причем раньше всего такой порядок установился в родах, заселяющих Ямато, т.е. в наиболее передовой части племени. Однако, порядок перехода старшинства от отца к старшему сыну еще не соблюдался. Один из лучших знатоков древнего общества в Японии Ота Акира в своей работе "Древнейший родовой строй в Японии" (Ниппон кодай сидзоку сейдо) ясно показывает, что за все время - начиная с Ниниги до самого Нинтоку - не было случая, чтобы из двух братьев старшинство переходило обязательно к старшему (стр. 242-246 указанной работы). То же самое усматривается и в родах Мононобэ, Кацураги и ряде других.

Чем это объясняется? Ито Дзохэй в своей работе "Процесс образования японского государства" (Ниппон кокка-но сэйрицу катэй", стр. 118-1196) приводит следующие соображения: "Это означает, во-первых, то, что еще держались предания первоначального родового строя, когда отношения главы рода и членов рода были почти равноправными. Если бы уже зародилось положение, характерное для позднейших времен, когда отношения между главой рода и членами рода напоминали отношение хозяина к рабам, трудно было бы допустить, чтобы старший в роде, старший сын, имевший большой опыт, чем прочие, с такой легкостью отказывался от прав наследования и подчинялся власти своего младшего брата.

Это означает, во-первых, то, что еще не существовало закрепленного частного имущества главы рода. Если бы глава рода таким частным имуществом владел, положение главы рода было бы чрезвычайно выгодным. И старший сын должен был бы тогда для того, чтобы добиться положения главы рода, не устраивать себе новую жизнь на земле, отделенной от места поселения рода, а оставаться на все время на той же земле, что и его отец". Действительно, в те времена было, по-видимому, правилом, что сыновья вообще селились отдельно от рода отца и часто превращались в дальнейшем в основателей своих собственных родов. Так, например, изображается появление рода Хата, Косэ, Сога, Хэгури, Ки, Кацураги - восходящих к шести сыновьям Такэноути-но сукунэ - знаменитого "канцлера" царицы Дзинго. Обратным свидетельством правильности положения Ито об отсутствии в этот период частного имущества, прочно закрепленного за старейшинами, служит факт появления ожесточенных распр именно на почве наследования тогда, когда частное имущество уже несомненно было. Хорошим примером такой распри может служить междоусобная борьба за "престол", разразившаяся после смерти Тюай и рождения его женой Дзинго сына - будущего царя Одзин. Как известно, Дзинго предпочла сделать наследником Тюай именно своего сына, с чем не могли примириться два сына Тюай от другой жены - принцы Кагосака и Осикума, рашившие защищать свои права оружием. Произошла междоусобная война, закончившаяся, как известно, победой Дзинго, вернее победой Такэноути-но сукунэ, выступившего защитником прав ее сына. Сходная борьба отмечается при воцарении Нинтоку и в особенности при воцарении Юряку.

Увеличение численного состава родов, распад их на отдельные ветви, иначе говоря - рост населения и освоение им новых территорий сопровождалось развитием земледелия. Об этом развитии говорят между прочим хроники Кодзики и Нихонги, излагая события, конечно, своим языком: они неустанно повествуют о мероприятиях по поощрению

земледелия, проводимых царями. В изложении этих хроник древние цари Ямато неустанно заботились о развитии земледелия. Они стремились вводить новые, улучшенные способы обработки земли, устраивали всякие оросительные сооружения - проводили оросительные каналы, копали пруды-водохранилища, всячески содействовали разработке новых и т.п. Подобные мероприятия приписываются царям Судзин, Суйнин, Нинтоку, Кэйти, Юряку и др. Это означает, во-первых, что главной сельскохозяйственной культурой был рис, так как именно он требует особого орошения; во-вторых, что неиспользованных мест, где не нужно было проводить искусственного орошения становилось все меньше; в третьих, что население уже прочно сидело на своих местах и поэтому принуждено было не отыскивать земли с естественным орошением, а стараться обрабатывать те участки, которые были в его распоряжении.

Наряду с земледелием развивалось, по-видимому, и скотоводство. Хронике Кэнсо (V в.) даже содержится фраза: "воды и кони покрывали поля".

В этих условиях увеличившегося численно, прочно осевшего на земле и занятого земледелием населения, завоевательный процесс постепенно стал принимать другую форму и приводить к иным результатам. До сих пор столкновение двух враждующих групп населения приводило обычно к какому-либо одному из трех следствий: покоренный род либо уничтожался, либо оттеснялся в другие места, либо включался в союз родов-победителей. Так, например, завоевание Ямато царем Дзимму сопровождалось истреблением родов Эукаси и Томибико, оказавших сопротивление. Род же Мононобэ был принят в союз победителей. В результате борьбы родов Ямато и Идзумо, род Идзумо слился с победителями. Примером оттеснения может служить судьба Исэ-цу хико - старейшины одного из родов, живших в Исэ; с появлением в этих местах одной из ветвей рода Имубэ он принужден был бежать в Хитати.

В изменившихся условиях трудно было уничтожить весь враждебный род или прогнать его с места. Помимо того, это было и нецелесообразно, поскольку каждый такой род обрабатывал землю. Поэтому вместо истребления или оттеснения победители стали взимать дань с покоренных, т.е. грабить их, и делали это, в зависимости от условий, либо одновременно, либо периодически. Таким образом, появились роды-данники. С точки зрения победителей они являлись особыми группами - данников, т.наз. "бэ". Платившие дань царскому роду назывались "томобэ", платившие дань другим родам - "какибэ".

Вопрос о "бэ" представляется исключительно сложным. Его касались очень многие из историков и тем не менее полной ясности в нем еще нет до сих пор, несмотря на обилие работ, посвященных ему. Мне кажется, что путь к правильному решению идет через историю в точном смысле этого слова: при выяснении того, кто такие "бэ" нужно учитывать разные исторические эпохи и учесть, что "бэ" на первых порах не то, что "бэ" в более позднюю, особенно в предтайковскую эпоху.

Первоначальные "бэ" - это "томобэ", т.е. группы (несомненно родовые), платившие дань другому (в данном случае царскому) роду. Кроме этой обязанности представлять дань, они ничем не отличались от рода-завоевателя. Конечно, это положение в дальнейшем сказалось и на их внутренней структуре, но это обнаружилось значительно позже.

Ота Акира в своей работе "Новое изучение древней истории Японии" (Ниппон кодайси синкэнкю) удостоверяет, что даже позднейшие томобэ долго сохраняли своего собственного удзигами, т.е. бога-родоначальника; более того, что даже в позднейшие времена случалось, что назначаемые "управляющие" этими томобэ - т.наз. томо-но мияцукэ принимали этого бога-родоначальника, т.е. включались в родовую общину своих управляемых. О том, что на первых порах наложение дани ничего не меняло во внутренней организации рода, свидетельствует и тот факт, что очень много примеров, когда "управляющими" (томо-но мияцукэ) этими родами-данниками являлись их собственные старейшины. Это значит, что если весь род-данник был для покорителей "томобэ", глава его был томо-но мияцукэ. Только при такой точке становилось понятным, почему название "бэ" прилагалось к родам, весьма сильным и могущественным. Достаточно упомянуть такие роды, как Мононобэ, Имубэ, Тамацукурибэ, Кагами-цукурибэ. Даже род Накатоми часто называется Накатомибэ. Также и род Сога - Согабэ. Это отнюдь не были рабы или крепостные царей, это были совершенно самостоятельные роды, только исторически поставленные в особые отношения к царскому роду. Исторически они либо с давних времен входили в союз родов, возглавляемый родом царей Ямато, либо были включены - на началах покорения - в этот союз впоследствии. Их особое - в известной мере служебное положение по отношению к царскому роду выражалось в том, что они либо несли известные функции по обслуживанию этого рода, либо представляли дань. Так, Мононобэ составляли ближайшую дружину царей, Накатомибэ и Имубэ ведали культом; Тамадзукурибэ и Кагамидзукурибэ представляли украшения и металлические зеркала. Это не значило, что весь род занимался выделкой этих вещей; это означало только то, что среди членов этого рода было развито именно это ремесло и поэтому именно этими изделиями весь род и платил дань. Во всем прочем

эти роды были совершенно самостоятельны, нередко - как, например, Мононобэ и Имубэ - очень многочисленны и сами имели своих какибэ - данников.

Результаты войн между отдельными родами и союзами родов не исчерпывались только одним появлением родов-данников: одновременно появлялись и рабы.

Судя по всем данным, рабами становились пленные, причем в подавляющем числе случаев - из числа инородцев. Так, например, о большом числе пленников, обращенных в рабство, упоминается в рассказах о походах Ямато-такэру: этими пленниками-рабами были эбису. Однако, на этой стадии, в эпоху формирования племенного государства, когда родовой строй составлял еще основу общества, эти рабы не играли заметной роли. Новое, что в это время возникло, сводится к тому, что если раньше пленников не брали, вернее их убивали, то теперь стали пользоваться их трудом. Однако, это делалось в очень ограниченных размерах: устойчивость родового строя мешала широкому развитию рабства.

Эта устойчивость родового строя у покорителей объяснялась многими причинами, но между прочим и тем, что они - эти роды покорителей, должны были во что бы то ни стало сохранять свою компактность, внутреннюю целостность и единство. Это было нужно для успешной борьбы с другими родами, это было лучшим условием самообороны в случае опасности. Поэтому род держался компактно, его члены не расселялись по частям среди других родов, а если и отделялись от основной группы, то опять-таки в виде компактной массы - "дочернего" рода. Это обусловило ограниченность и медленность роста потребностей, а следовательно, и большой надобности в рабском труде не ощущалось. С другой стороны, было опасно и прямо невозможно поселать среди компактной массы членов рода большое количество рабов. Наконец, отсутствовал широко развитый обмен, торговля. Не было больших возможностей получать рабов: главным источником рабов были эбису, а борьба с ними приводила не к превращению в пленников-рабов, а к их оттеснению все далее на север. Столкновения же между отдельными частями племени приводили к тому, что покоренные оставались на своих местах, продолжали заниматься своим делом и только время от времени платили дань. Это все означает, что рабы превращались в сравнительно немногочисленных домашних слуг (яцуко), главную же роль занимали томобэ и какибэ, т.е. роды-данники.

Обрисованная картина, характерная в основном, для Японии II-V века, в дальнейшем сильно изменилась. V-й, VI-й и начало VII-го века в совокупности составляют, по-

видимому, новый этап в истории японского народа, чрезвычайно значительный по своему содержанию. Основное, что надлежит отметить для этого времени, это распад родовой общины.

Этот распад коснулся прежде всего экономической стороны общины. Если до сих пор земля находилась во владении и обработке всей родовой общины, то в дальнейшем, наряду с родовой земельной общиной стали возникать особые поля, находившиеся во владении старейшин. В приложении к царскому роду они назывались "мита", в приложении к прочим родам - "тадокоро" или "наридокоро". Процесс создания старейшинами своих собственных полей начался, по-видимому, рано. Первое упоминание о них в хрониках встречается при повествовании о царствовании Суйнин, т.е. еще в период формирования племенного государства. Этому царю приписывается устройство в селении Кумэ, т. наз., "миякэ", конторы-амбара для ссыпки и хранения поступающих с его полей зерна. То же приписывается и Кэйко. Очевидно, этот процесс развивался неуклонно, так что в дальнейшем в рассматриваемую эпоху количество этих миякэ уже очень велико. В правление Анкан (534-535) у царского дома миякэ были в 22 местах; в царствование Суйко (593-628) они были учреждены во всех областях страны. К концу этого периода у принца Наканорэ были, как утверждают Нихонги, эти конторы-склады в 181 пункте страны.

Это свидетельствует, с одной стороны, об интенсивном росте таких частей полей, с другой, о чрезвычайном усилении царского рода.

Эти конторы-склады служили, как я сказал, пунктами приемки, ссыпки и хранения зерна, поступающего с полей, принадлежавших членам царского рода, в первую очередь, царям. Таким владением царей становилась в первую очередь некоторая часть старинных земель царского рода, т. наз. миагата, т.е. часть уже обработанных и возделанных полей. Но гораздо чаще во владение царей отходили новые поля, т.е. заново разрабатываемые; большинство мита именно и были такими новыми полями. Впрочем, названия эти могли иметь разное значение. Мацуока Сидзуо в своей работе "Описание древних нравов Японии" (Ниппон Кодзокуси, стр. 342) свидетельствует: "В связи с ростом силы и власти родовых старейшин естественно родилась необходимость, сбор, получаемый с некоторой части полей, отдавать на общие нужды. Такие поля членами рода назывались "мита", старейшины же называли их "ата" (мои поля). Эти "ата" в царском роде назывались "миагата".

Процесс, развертывающийся в царском роде, повторялся и в прочих родах. "Тадакоро" - владения различных родовых старейшин устраивались иногда на новых землях, иногда на землях, отнятых у других родов, иногда же на землях своего рода. К концу этого периода, в VI-VII в. такие роды, как Мононобэ, Отомо и Сога владели, по-видимому, очень большим количеством этих полей.

Кем обрабатывались эти поля? Хроники дают на этот вопрос ясный ответ: "табэ". Словом "табэ" назывались те из числа "томобэ", которые обрабатывали царские поля - мита. Упоминания об этих "табэ" начинается почти одновременно с упоминаниями о мита и миякэ, точнее - с Кэйко. Однако, одними табэ дело не ограничивалось. Кроме них на полях работали т. наз. кува-ёборо. Появление тех и других представляется событием чрезвычайной важности и свидетельствует о крупных переменах в общественном строе страны.

Несомненно, что родовые старейшины и члены их семей уже не работали сами на полях, а пользовались трудом своих сородичей. Равенство всех членов рода нарушилось, и внутри рода зародилась эксплуатация.

"Собственные поля" неуклонно росли, и в связи с этим их собственники уже не могли удовлетворяться частичным использованием труда своих сородичей. В особенности так получалось, когда приходилось возделывать новь. И на этой именно почве стало меняться положение томобэ и какибэ. На месте прежних бэ-данников появились группы новых бэ-несвободных.

Как создавались такие группы? Несомненно, в новых бэ превращалась часть прежних томобэ, из числа небольших и слабых. Но с другой стороны, ясно, что в новое положение не могли перейти многочисленные и мощные роды, сами имевшие своих какибэ. Поэтому дело сводилось, по всей вероятности, к тому, что цари заставляли старейшин этих родов выделять из числа своих родичей или своих какибэ (что бывало чаще) определенные группы и предоставлять их в свое распоряжение. Мацуока говорит: "В древности земли имелось в избытке, а людей, обрабатывающих ее - не хватало и, кроме того, все они принадлежали разным родам. Поэтому, в связи с разрастанием императорского рода появилась необходимость в распределении бэ, т.е. землепашцев. По этой причине в правление Суйнин были созданы "микосиробэ": из различных родов были взяты люди и из них образованы новые бэ, находившиеся под властью императорского рода" (Мацуока, "Ниппон кого дайdzитэн, стр. 1203). В этих словах

Мацуока содержится упоминание о так наз. "микосиро". На этом явлении необходимо несколько остановиться.

Слово "микосиро" существует наряду со словом "минасиро". Обычные японские исторические труды представляют это дело в следующем свете:

"Минасиро - это заново организованные группы населения, которым - как и их местности - присвоено то имя, которое желают сохранить на будущие века. Группы, созданные для увековечения имени императоров, императриц или принцев, не имеющих потомства, называются микосиро. Вообще, желание увековечить чье-нибудь имя свойственно человеческому чувству во все времена. В последующие века обычным способом такого увековечения было устройство еще при жизни могильного памятника с записью на нем всех подвигов данного лица. В Японии же, где письменность появилась очень поздно, единственным способом такого увековечения было создание групп микосиро или минасиро. Проф. Хагино, говорящий это в своем университетском курсе Японской империи - "Лекции по японской истории" (Ниппон-си кова, стр. 44) отмечает таким образом факт создания особых групп населения, именовавшихся - именно как группы - микосиробэ или минасиробэ. Вызывалось это, по его словам, желанием сохранить чье-либо имя для потомства (минасиро), что особенно бывало естественным, когда у кого-нибудь из членов царского рода не было наследников, могущих служить живым увековечиванием этого имени. Однако, тот же профессор Хагино тут же рядом должен упомянуть о факте, который является несомненно основной причиной формирования таких групп: "Все налоги и подати с населения данной местности, носящего чье-либо имя, поступали в распоряжение самого владельца этого имени или его потомков" (там же, стр. 44). Таким образом, дело - совершенно ясное, и микосиробэ и минасиробэ следует считать теми же табэ, тем более, что и способ их образования был таким же, как и в других случаях: цари либо формировали эти группы из числа своих же родичей, либо отбирали часть родичей у других старейшин.

В приведенной цитате из словаря Мацуока указывается, что впервые минасиро появляются при Суйнин. Действительно, в той части Кодзики, в которой повествуется об этом царе, говорится: "Итоси-вакэ (имя одного из старейшин), не имея детей, сделал себе "заместителей детей" (косиро) и образовал "тосибэ". Упоминания о подобных же действиях царей встречаются и в дальнейшем. Так, например, в Нихонги, в хронике Кэйко говорится: "император, желая увековечить имя и подвиги (принца Ямато такэру)

образовал Такэрубэ". Насколько широко развернулся этот процесс, можно усмотреть из той части Кодзики, где повествуется о Нинтоку:

"В правление этого императора были установлены "заместители имени" (минасиро) императрицы Иванохимэ и образованы Кацураги-бэ; затем были установлены "заместители имени" принца Идзахо вакэ и образованы Мибубэ; затем были установлены "заместители имени" принца Мидзухо-вакэ и образованы Тадзихибэ; затем были установлены "заместители имени" принца Окусака и образованы Окусакабэ; затем были установлены "заместители имени" принца Вакакусака и образованы Вакакусакабэ, были установлены "заместители имени" принцессы Ята-но вакаира-цухимэ и образованы Ятабэ".

Микосиро и минасиро - названия групп несвободных, обслуживавших царский род. Названием таких же групп, бывших во владении старейшин других родов, служило слово какибэ. В указе о реформе Тайка, приведенном в Нихонги, об этой принадлежности какибэ старейшинам говорится прямо: "Какибэ, находящиеся во владении Оми, Мурадзи, Томо-но мяцуко, Куни-но мяцуко и Суруги..." Это не значит, конечно, что какибэ в подобном же смысле не встречаются раньше. О какибэ упоминается, например, в хронике Юряку и Нихонги. Иногда вместо слова "какибэ" с тем же значением (о чем говорят подставленные иероглифы) употребляется слово "каки-но тами" и даже "утияцукко".

Таким образом, в корне изменилось значение понятия бэ. Если раньше "бэ" - "томобэ" были обычными родами, только платящими царскому роду дань, то теперь "бэ" - "томобэ", какибэ, микосиро, минасиро это уже особые группы несвободных, находившиеся во владении членов царского рода и родовых старейшин.

Эти группы несвободных являлись в первую очередь "табэ", т.е. земледельцами. Это - безусловно факт, так как главное, для чего был нужен труд несвободных в то время - это для обработки "мита" и "тадокоро", в большинстве случаев - новых полей. Однако, этим роль "бэ" не исчерпывалась. В известной мере они же поставляли и изделия ремесла. Об этом говорят названия многих "бэ": Ябэ (от "я" - стрелы), Кадзибэ (от "Кадзи" - кузнец, Татибэ (от "тати" - меч), Кагамидзукурибэ ("мастера зеркал"), Тамадзукурибэ ("мастера украшений") и т.д.

Некоторые японские историки в связи с этим считают возможным даже говорить об образовании "ремесленных объединений". Так, например, Мацуока полагает, что такие "бэ" уже "не являлись кровными объединениями в древнем обществе, а составляли профессиональные объединения в нем". (Ук. соч., стр. 1119). С этим, однако, согласиться никак нельзя. Признать существование особых "профессиональных" (т.е. ремесленных в данном случае) объединений, это значит допустить существование в те времена чего-то вроде цехов. Но нам хорошо известно время, когда появились цехи (два): это период Камакура; иначе говоря, цехи формировались не раньше конца XII века. И это вполне понятно, так как никаких условий для появления цехов в эту древнюю эпоху не было. Еще не произошло отделение ремесленного труда от земледельческого. Если в Японии VI-VII веков и были кто-либо, похожие на ремесленников, то это - только иноземцы, корейцы и китайцы. Они действительно могли выступать и выступали как ремесленники, так как в Корее и в Китае эти ремесленники уже существовали. О том, что такие группы были, свидетельствуют рассказы Кодзики и Нихонги о тех стараниях, которые прилагали японские правители той эпохи к получению ремесленников из-за границы. Для захвата ремесленников предпринимались набеги на Корею, в виде ремесленников вималась с побежденных "дань". Достаточно вспомнить, как обрисовываются результаты похода Дзинго. Ремесленники привлекались и более мирным путем. Достаточно вспомнить о деятельности Юряку. Но этим дело и ограничивалось. Среди основного населения Японии самостоятельных ремесленников еще не было. Несомненно, наличие китайцев и корейцев способствовало развитию ремесел и среди японцев, но это не приводило еще к отделению ремесленного труда от земледельческого. Но, с другой стороны, совершенно несомненно, что в земледельческих общинах Японии ремесло существовало, причем в одной местности, в одной общине, в силу разных причин, развивалось одно какое-нибудь ремесло, в другой местности, в другой общине - другое. И вполне вероятно, что дань, которую вначале вимали цари со своих данников, состояла не из продуктов земледелия, а из изделий ремесла. В сельскохозяйственных продуктах царский род не нуждался, в ремесленных же изделиях нуждался и старался получить то, что не изготовлялось в его собственном роде. В известной мере этот порядок сохранился и в дальнейшем - в эпоху новых "бэ", "бэ" - несвободных. Вполне возможно, что от некоторых групп брали изделиями ремесла, почему либо развитого в этих группах. Но это не значит, во-первых, что подобные "ремесленные бэ" только ремеслом и занимались: они занимались, в первую очередь, земледелием, которое давало им пропитание. Это не значит, во-вторых, что именно такие "бэ" составляли основную массу несвободных: процесс интенсивного роста мита свидетельствует о том, что правящему классу были нужны в еще большей степени "земледельческие бэ" - "табэ", "работники

мотыги" - кува-боро. Упомянутый уже мною Ито Дзохэй считает, что "если Тамадзукурибэ представляли дань именно "тама" (украшения из камня), а не чем-нибудь другим, то это потому, что у них было развито выделывание этих "тама". Но это не означает, что данные "бэ" занимались выделыванием "тама" как особой специальной профессией. Также и Имубэ: "они служили при жертвоприношениях, но это не значит, что они не занимались другим производительным трудом. Как раз наоборот. Занятием всех этих "бэ" было прежде всего земледелие и только в виде добавочного труда они выделывали "тама" или служили при жертвоприношениях". (Ук. Соч., стр. 130). О том же говорит и Цуда Сокити в своей работе "Изучение древней Истории Японии". (Ниппон дзэдайси Кэнкю): "слово "бэ" употреблялось, по-видимому, в двух значениях: словом, "бэ" назывались группы, находящиеся под управлением томо-но мяцуко и исполняющие непосредственно для императорского двора какую-нибудь работу или что-нибудь для него изготавливающие, а также группы, принадлежащие самим томо-но мяцуко, т.е. земледельцы, вносящие им налоги. Пример образования "бэ" во втором значении, то есть бэ-земледельцев, можно легко усмотреть в подворных налоговых книгах" (Ук. соч., стр. 485). Таким образом, ясно, что основную массу "бэ" составляли табэ-земледельцы.

Само слово "табэ" впервые встречается в Кодзики в описании царствования Кэйко, но само явление возникло безусловно раньше. Как я уже упомянул, в царствование Суйнин впервые появляется слово "миякэ". Но если в это время появляется "контора-амбар", куда свозится зерно с "царских полей" (мита), то значит эти поля уже существуют, существуют и те, кто на них работает. Правда, это положение может быть принято с некоторыми оговорками, о которых я скажу дальше: но во всяком случае существование "миякэ" прежде всего связано с существованием табэ.

Свидетельства Кодзики и Нихонги дают возможность представить себе положение "бэ" довольно скудно. Что мы можем вычитать о "бэ" в этих древних памятниках. Во-первых, то, что эти "бэ", по-видимому, были неотрывны от земли. В этом духе очевидно нужно понять то место Кодзики, где говорится о "поднесении" царю Юряку старейшиной "миякэ" в пяти местах. Что значило отдать (или быть вынужденным отдать) кому-либо свой амбар? Это значило, несомненно, отдать его вместе теми полями, с которых собиралось зерно, и с теми людьми, которые это зерно добывали. Во-вторых, из хроники Юряку в Нихонги как будто следует, что в "бэ", т.е. в несвободных превращали за провинности: в этой хронике говорится, как Юряку превратил в "бэ" весь род одного из "провинившихся" старейшин. В другом случае Юряку, разгневавшись на то, что собака, принадлежащая чужой родовой группе, загрызла птиц, принадлежащих царю, в

наказание обратил весь виновный род в "торикаибэ" ("птичников"); и в них же превратил "бэ", принадлежащих куни-но мяцуюко областей Синано и Мусаси, причем последние были виноваты только в том, что они возмутились жестокостью этого поступка царя. Кстати сказать, положение торикаибэ было, по-видимому, самым низким среди прочих: им на лицах даже ставились клейма. В третьих, из той же хроники Юряку явствует, что бывали случаи отнятия "бэ" у одних и передача их другим. Так, Юряку, будто бы разгневавшись на одного из старейшин, отнял принадлежавших этому последнему "инабэ" и передал их другому (Мононобэ). Это свидетельство интересно в том отношении, что характеризует положение "бэ" еще с одной стороны: они рассматривались как род имущества и могли, следовательно, быть объектом передачи другому, подарка и т.п. Иначе говоря, с ними можно было совершать те же действия, что и с "миякэ", т.е. дарить, подносить и пр.

Нечего и говорить, что в таких условиях "бэ" уже переставали быть кровной группой. Эти группы составлялись уже не в силу своего кровного родства, а волею их владельца. Поэтому, даже в том случае, если ими управлял их же бывший старейшина, это управление уже строилось на совершенно других началах, чем в роде.

Кем считать этих "бэ"? Рабами или крепостными. Этим вопросом много занимаются современные японские историки. В общем мнения разделяются. Такэоси в своей работе "Экономическая история Японии (Ниппон кэйдзаси, т. I, стр. 89) считает, что какибэ, то же, что "сэммин", т.е. рабы. Так же думает Абэ Хирадзо - автор "Истории рабства в Японии" (Ниппон Дорэйси). На такой же точке зрения стоят и некоторые из молодых историков: Иваи, Морисима и др. Один из виднейших исследователей экономической и правовой истории Японии Такигава Масадзиро придерживается взгляда, что какибэ скорее крепостные (см. его работу "Тамамусидзуси-ва дорэй кокэцу-но сётё-ни арадзу" в журнале "Сисо" N 103. Цитированный уже мною Ито Дзохэй также склоняется к аналогичному мнению: "таково было явление, называемое бэ, и поскольку производство в те времена почти ограничивалось одним земледелием, постольку вряд ли можно сомневаться, что почти все бэ имели значение крепостных" (Ук. Соч., стр. 129). С точки зрения исторической точности более заслуживает внимания мнение Такигава и Ито, поскольку они - в особенности последний - стараются понять исследуемое явление во всей полноте и в его истинном значении, стараясь в этом смысле учиться у классиков марксизма. Такэоси же и Абэ - либерально-буржуазные историки с весьма путанными представлениями о том, что такое рабовладельчество, "рабовладельческое хозяйство", "рабовладельческая формация", "рабовладельческий труд" и т.д.

Тем не менее, нельзя безоговорочно принять и мнение Такигава и Ито. Для лучшего выяснения этого вопроса необходимо обратиться к изучению положения остальной массы японского населения - свободных родичей.

Японский язык сохранил нам слово "мицуги". Это слово, как прекрасно выяснил Утида Гиндзо в своей работе "История земельного обложения в Японии" (Хомбо содзэй-но Энкаку), в старых письменных памятниках употребляется в двух значениях: в широком смысле оно означает дань вообще, в узком смысле дань изделиями ремесла, в первую очередь - тканями (см. Утида Гиндзо, Ниппон кэйдайси-но кэнкэ, т. I, стр. 284-286). Как мною уже указывалось, первое упоминание о наложении дани встречается при Судзин, который ввел "юхадзуми-но мицуги" - "дань добычей лука и стрел" для мужчин, "танасуэ-но мицуги" - "дань изделиями рук" для женщин. Разумеется, это свидетельство хроник следует понимать только в том смысле, что в нем нашло свое отражение то наложение дани на покоренных, о котором шла речь уже раньше. Поэтому строго говоря, слово "мицуги" имеет один смысл: оно означает в точном смысле этого слова "дань", а так как в эпоху образования племенного государства дань бралась не зерном - в чем не было никакой необходимости, так как сам род-завоеватель прежде всего занимался земледелием, - а добычей охоты или изделиями ремесла, то это слово в дальнейшем, когда появился зерновой налог, стало означать налог тканями или изделиями.

Однако, для нас сейчас важна не дань, а именно налог. И тот же Утида показывает, что еще задолго до Тайка, т.е. до надельной системы в Японии уже существовал зерновой налог, подать изделиями и рабочая повинность. Зерновой налог носил название "татикара". Его происхождение очень древнее. Утида считает, что эмбриональной формой этого налога следует считать те приношения богам в жертву риса нового урожая, которые делались уже в глубокой древности (ук. соч., стр. 292). Первое же упоминание о татикара, как о налоге, встречается в правление Сэйму (царствовал после Кэйко, т.е. после эпохи походов Ямато-такэру). С течением времени этот налог получал все большее распространение, причем собирался он, конечно, в пользу царей и старейшин. Утида, рассматривающий исторический процесс еще во многом в свете официальной истории, все же вынужден сказать: "Представлялся ли этот налог, собираемый со всей страны, императорскому двору, или нет, - неясно... Всюду были местные вожди - куни-но мияцукэ, агата-нуси; была аристократия - оми, мурадзи. Все они имели свои земли. Поэтому не подлежит сомнению, что налог, собираемый с земель, принадлежащих непосредственно императорскому двору, представлялся двору; что же касается налога,

собираемого с земель, принадлежащих другим лицам, то вряд ли это было так. По всей вероятности, обычно этот налог местные правители брали себе" (ук. соч., стр. 292-293). Кроме зернового налога существовала и подать изделиями ремесла, или добычей местных промыслов. Эта подать обозначалась, как я сказал, словом "мицуги". Те два значения этого слова, о которых говорит Утида, надо понимать в том смысле, что сначала это слово означало "дань", а потом "подать". В качестве подати представляли продукты питания - добычу охоты или рыбной ловли; известен рассказ Кодзики о подношениях рыбаков царю Нинтоку; во многих случаях в качестве подати представляли изделия ремесла - утварь (род Имубэ), зеркала (род Кагамидзукурибэ), украшения (род Тамадзукурибэ) и т.д. С появлением в Японии больших групп корейцев и китайцев с них брали изделиями их ремесла, причем особое значение получили ткани, в частности - шелковые. Эти ткани особенно ценились и составляли главную ценность в "сокровищнице" царей.

Помимо налога и подати практиковалось и привлечение к рабочей повинности. Она называлась "этати". Первое упоминание об этой повинности относится к эпохе Судзин, когда был собран народ для возведения могильного кургана Ямато-тото-химэ. Вполне возможно, что и те работы по проведению оросительных сооружений, о которых упоминают Кодзики и Нихонги, также делались населением, привлекаемым в порядке этой рабочей повинности. Иногда на работу собиралось население даже из отдаленных местностей. Так, например, в правление Бурэцу (498-507) были будто бы собраны люди из Синано; в правление Когёку (642-645) - из Тотоми и Аки.

Таким образом, еще в эпоху складывания общеплеменного союза - наряду с господствующей формой - данью - понемногу появлялись: налог, подать и рабочая повинность. В рассматриваемую же эпоху, т.е. в VI-VII в., это все существовало уже в достаточно оформленном виде.

На кого же распространялись эти налоги и повинности. На томобэ и какибэ. Вряд ли. Понятие налога, подати и рабочей повинности никогда не прилагалось к бэ. Бэ работали на своих хозяев, и их труд - как и они сами - целиком принадлежал этим хозяевам. Поэтому приходится допустить, что налог собирался не с бэ, а с родичей. А это значит, что начиналась эксплуатация и основной массы японского населения. И по своему характеру эта эксплуатация носила все феодальные черты.

Какой же характер носила эксплуатация томобэ и какибэ?

Эксплуатация родичей, т.е. основного населения, происходила путем взимания налога зерном, продуктами, изделиями ремесел и иногда путем привлечения к работе, но не земледельческой, а какой-либо иной: главным образом для устройства могильных курганов и построек "дворцов". Это значит, что такое население сидело на земле, которая составляла владения данной земельной общины, владело орудиями производства и было лично свободно. Кроме того, и эта эксплуатация не носила еще всеобщего и точно установленного характера.

Томобэ и какибэ сидели на земле, считающейся собственностью какого-нибудь старейшины, вождя, члена царского рода; они обрабатывали эту землю для хозяина земли и сами принадлежали владельцам этой земли. Их хозяева брали от них все, оставляя, очевидно, столько, сколько минимально нужно было для их существования. Поэтому томобэ и какибэ гораздо ближе к рабам, чем к крепостным.

Но есть один признак, который вносит некоторый оттенок в это японское рабство. Томобэ и какибэ - во всем рабы - были тесно связаны с землей: вне земли они не существовали. Как это видно из приведенного мною отрывка из Кодзики, земля и люди были в этом случае неотделимы друг друга. Один из современных историков Хаякава Дзиро в предисловии к своей "Книге для чтения по японской истории" (Ниппон рэкиси токухон) высказывает мысль, что японских бэ можно в известной мере сравнивать со спартанскими илотами. "По форме они - крепостные по содержанию - рабы" (ук. соч., стр. 4).

Это сближение с илотами требует, конечно, большой проверки, тем более, что слишком много отличий в общественном устройстве древней Спарты и древней Японии. Однако, во всяком случае, как мне кажется, ясно, что если бэ (имея в виду бэ в позднюю эпоху) действительно следует признать рабами, то все же не в том смысле, как мы понимаем античное рабство. Но все это - одна из форм рабства и поскольку этот период - V, VI и начало VII в. ознаменован именно развитием такого рабства, поскольку именно оно составляло то новое, что характерно для этих веков и чего нет ни до - в эпоху родового строя, ни после - в эпоху наделной системы, постольку эти века можно в известном смысле назвать эпохой рабовладельчества, не получившего ни значения единственной формы социально-экономического строя, ни развития в дальнейшем. Феодалные элементы, созревшие в этом строе, выступили в дальнейшем на первое место и не

дали японскому рабовладельчеству развиться до степени особой рабовладельческой формации.

К сказанному необходимо добавить несколько слов о тех, к кому обычно применяется слово "рабы" - о так наз. яцуко, как показывает значение этого слова, яцуко - домашние слуги и служанки. Они составляли собственность своего владельца и находились всецело в его распоряжении. Никакого серьезного значения для производства они не имели. Это явствует между прочим и из правового положения, если о таком можно говорить. Различие в положении яцуко и бэ обычно определяют так: яцуко можно было распоряжаться как вещью, т.е. их можно было продавать, наказывать, дарить, а также убивать; бэ же нельзя было ни убивать, ни даже продавать и наказывать. Такая формулировка, принятая в большинстве работ, должна быть понимаема так: поскольку бэ были неотделимы от земли, их отдельно от земли действительно нельзя было ни продавать, ни наказывать; но вместе с землей их можно было, как я показал выше, передавать другому; то же обстоятельство, что яцуко можно было продавать, свидетельствует как раз о том, что они не имели касательства к земледелию, т.е. к основному производству той эпохи; о том же говорит и право их убивать, при одновременном запрещении убивать бэ; эти последние были слишком ценны, как занимавшиеся основным видом производительной деятельности. Из этого же всего следует, что рабство в эту эпоху надлежит искать не в яцуко, а в бэ.

БОРЬБА РОДОВ в V-VI в.

Как было выяснено в предшествующем изложении, V, VI и начало VII века представляют картину окончательного распада родового строя. Этот распад вызван появлением внутри родового строя рабовладельчества, разложившего родовую общину, но не развившегося до степени самостоятельной социально-экономической формации. Вместе с тем наряду с этим рабовладельческим укладом внутри того же родового строя созревали элементы феодальных производственных отношений. Рабовладельческие тенденции нашли свое выражение в системе томобэ и какибэ, феодальные - в установлении для некоторой части свободного населения - родичей налога и отработочной повинности. Как это известно из дальнейшего, в окончательном итоге возобладали феодальные тенденции, и в середине VII они были утверждены путем политического переворота, известного под именем "переворота Тайка" (645 г.).

Эти столетия представляют таким образом исключительный интерес, так как именно в это время происходит и созревание рабовладельческих и феодальных тенденций, и их борьба, и окончательное оформление антагонистического общественного строя - классов, и формирование государства, уже не того примитивного "государства", которое сводилось к союзу родов, державшему на положении данников другие роды, но государства в точном смысле этого слова.

Распад родового строя нашел свое выражение прежде всего в разложении родовой общины. Ее сменила соседская община. В основе это было вызвано ростом населения, увеличением потребностей, запашкой новых земель и тем переворотом, который был внесен в хозяйство новой, пришедшей из-за моря техникой: корейские и китайские переселенцы приносили с собой, как это было сказано раньше, более совершенные, чем в Японии земледельческие орудия и новые, более совершенные способы обработки земли. Огромную роль сыграли появившиеся и растущие в своем числе рабы: они окончательно подорвали прежнюю родовую общину как основную экономическую единицу общественного строя.

Об этом изменении характера общины можно судить и по истории японских поселений. Основной формой совместного поселения, идущей с глубокой древности, является "мура" - селение. Первоначально это была группа совместно живущих кровных родственников; иначе говоря, понятие селения совпадало с понятием родовой общины. Первый шаг на пути к разрушению этой общины составляло отделение части родовой общины и поселение ее на новых местах; это имело место в связи с необходимостью расширить количество обрабатываемых земель. В дальнейшем при царских "миякэ" или соответствующих "складах-конторах" вождей крупных родов стали зарождаться поселки нового типа, составленные из землепашцев, работающих на царских полях - "мита" или на землях старейшин - наридокоро или тадокоро.

Отдельными поселками селились пришельцы из-за моря - корейцы и китайцы, отнюдь не обязательно составлявшие каждый раз кровные группы. Наконец, существовали и поселки, образованные группами подневольных мастеров-ремесленников, поставляющих свои изделия царям или другим членам родовой знати. Возможны, наконец, и особые поселки пленников - из числа Кумасо и Эбису.

Насколько можно судить по Кодзики и Нихонги, в этих селениях, превратившихся в соседскую общину, сформировались даже свои органы управления, построенные на

началах, отличных от тех, на которых строится управление родовой общиной. В селениях появились свои "старосты" - "мура-но обито" или "инаги"; в селениях, образованных переселенцами, они назывались "сугури". Конечно, во многих случаях эти новые "старосты" происходили из тех же прежних "старейшин", но это было, во-первых, не обязательно, а во-вторых, - это главное, - их функции уже были несколько иные.

Изменение характера общины, появление в ней нового типа самоуправления, повлекло за собою дальнейшие следствия: главы прежних крупных родов, родовые старейшины, стремились подчинить своему влиянию уже не свою родовую общину, фактически распадавшуюся или распавшуюся, а соседскую. Это приводило к тому, что они начали превращаться в своего рода правителей отдельных районов. Мы знаем их под именами "агатануси" и "куни-но мяцук", которыми выражалось и их новое положение и их отношение к царям: так их называли цари, которым они обязаны были представлять дань. Появление этих местных "правителей" также есть один из показателей изменения родовой общины.

Дальнейшее развитие этого процесса постепенно привело к дифференциации и внутри соседской общины. Увеличение населения, - особенно в связи с включением в состав общины значительного числа рабов, - часто делало невозможным совместную обработку земли и совместное ведение хозяйства. В результате община стала распадаться на семьи, ведущие свое отдельное хозяйство. Конечно, на первых порах эти семьи были очень многочисленны, насчитывая в своем составе до 100 и даже более человек.

Все вышеуказанные причины, в особенности появление "табэ" - земледельческих родов, трансформация родовой общины, и внутренняя дифференциация в ней привели к образованию собственности на землю, на рабов, на имущество вообще. На этой же почве образовались классы: в эти столетия японской истории уже явно существует родовая аристократия, свободное в своей массе, но частично уже эксплуатируемое налогами и повинностями земледельческое население и рабы - как земледельческие и частично ремесленные, так и в виде домашних слуг. Родовая аристократия - недавние родовые старейшины усиленно создавали себе земельные владения (мита, тадокоро); они сформировали кадры подневольных землепашцев (табэ), группы несвободных ремесленников (разные бэ), в последнем случае - почти всегда из иноземцев по происхождению. Используя свое прежнее положение родовых старейшин и основанное на долгих и прочных традициях родового строя влияние, они стремились эксплуатировать там, где могли, и своих прежних родичей, вводя налоги и отработку.

Как было только что указано, по отношению к новой соседской общине их прежнее положение старейшин теперь сменилось другим: они превращались в "правителей" данного района. Владея группами какибэ, они становились их "хозяевами". В связи с этим прежнее их обозначение, указывающее на их положение как родовых старейшин - такие слова, как кими, хико, вакэ, такэру, тобэ, мурадзи, оми, оса, сугури, киси и др. получают смысл сословных обозначений (кабанэ), а в дальнейшем начинает устанавливаться и какой-то порядок их. Нихонги, согласно общему характеру своего повествования, отмечает это в форме сообщения, что при Инкё в 415 году эти "кабанэ" были приведены в систему, т.е. были установлены точно их наименования и утвержден их порядок: кими, оми, мурадзи, мияцуко, атаэ, обито и др.

Установление классового общества сопровождалось классовой борьбой и порождало ее. Основные противоречия в эту эпоху развивались во взаимоотношениях, с одной стороны, рабов и их хозяев - родовой знати, с другой - свободных родичей, начинающих чувствовать давление своих бывших старейшин, и этой же родовой аристократии. В целом, движение основной массы японского народа имело своей целью: получить возможность беспрепятственно вести свое земельное хозяйство в формах более удобных и не сковывающих инициативу отдельных хозяйствующих семей; прочно закрепить за собой определенные участки земли и орудия производства; обезопасить себя от угрозы обращения либо в подневольных землепашцев - "табэ", либо в облагаемых по произволу местных властителей налогами и повинностями крестьян.

В Кодзики и Нихонги, излагающих весь древний исторический процесс как "деяния богов" или "деяния царей", трудно найти прямое указание на это широкое движение населения. Возможно, что очень внимательный анализ междоусобных распрей различных родовых старейшин, о чем так много говорят хроники, вскрыл бы, что за этой внешней оболочкой во многих случаях таится движение земледельческих масс населения. Но и независимо от этого, об отдельных проявлениях этого движения говорить можно.

Для этого, чтобы понять в этом смысле повествование Кодзики и Нихонги, необходимо учесть, что в этом земледельческом населении были разные слои: некоторые семьи - многочисленные по своему составу, сильные в хозяйственном отношении, могли не без успеха сопротивляться попыткам родовой знати наложить руку на их хозяйство и даже на них самих. Я считаю возможным предполагать, что случаи таких сопротивлений, а то

и прямых оттеснений старой родовой знати не только были, но временами принимали даже широкий характер.

В какой форме об этом говорится в Кодзики и Нихонги? В этих хрониках неоднократно упоминается о случаях "обманного присвоения" себе тех или иных фамильных названий. Уже тот факт, что присвоение себе кем-нибудь того или иного фамильного названия не был безразличным для правителей того времени, свидетельствует о большом значении этого названия. Если же в тех или иных случаях это присвоение определялось как "обманное", это значит, что такое фамильное название присваивал себе тот, кто не имел на него, - с точки зрения правителей того времени, - права. Напомню, что фамильные названия в те времена были соединены с "кабанэ", т.е. с тем или иным положением в среде родовой знати. Если же это так, то случаи попыток "обманного" присвоения себе фамильных названий являются ни чем иным, как выступлением тех или иных семей из числа рядового земледельческого населения.

Носили ли эти выступления враждебный характер, т.е. шли ли они вразрез с интересами родовой знати? Безусловно. Это явствует уже из того, что подобное присвоение считалось "обманным", т.е. незаконным. Но это как нельзя лучше подтверждается и тем, что с таким присвоением активно боролись. Виновные привлекались к "суду": они подлежали испытанию, которое должно было удостоверить наличие или отсутствие у них действительных прав на название. Испытание это, носившее название "кугатати", заключалось в том, что обвиняемому предлагалось опустить руку в кипяток или приложить ладонь к раскаленному железному топору. Повреждение руки в этом случае или отказ от испытания рассматривалось как доказательство виновности, и преступник наказывался. Были ли случаи таких присвоений, т.е. выступлений рядового населения единичными или частыми? По-видимому, иногда такие выступления принимали угрожающие размеры. Так, например, по рассказу Нихонги, в царствование Инкё будто бы обнаружилось массовое обманное присвоение фамилий, вследствие чего в 415 году было проведено общее судилище в форме "кугатати", давшее возможность устранить "преступников". Подобные суды производились и в дальнейшем.

В этом широком движении земледельческого населения приняли самое активное участие натурализовавшиеся в Японии корейцы и китайцы.

Как было уже изложено выше, поселенцы из Кореи и Китая появились на японских островах еще в глубокой древности. По историческим источникам их присутствие можно

установить уже в III в. н.э. В первое время, когда население было еще редкое, когда связи между отдельными группами были еще слабыми, эти переселенцы жили обособленно и занесенная ими культура оставалась достоянием их одних. Однако в связи с массовым бегством населения из Китая - из тех районов, где разыгрывались очередные междоусобные войны, или где появлялись воинственные кочевники - число этих переселенцев росло. Описанные выше отношения с Кореей повлекли за собой большое переселение и оттуда. Росло и собственно японское население, увеличивалось соприкосновение его с переселенцами, и в результате китайско-корейская культура стала распространяться и среди японцев. Ранее других это имело место на о. Кюсю (Цукуси), о котором так много упоминалось в китайских историографических памятниках; в дальнейшем китайская культура охватила и население Ямато.

Переселенцы из Китая и Кореи, появившиеся в Японии в V-VII в., не только принесли с собой новую, более высокую технику - земледельческую и ремесленную, но и совершенно иное представление обо всем общественном строе. Как было указано выше, в Китае, да и в Корее, родовой общины уже не было. С IV в. в северном Китае начал укрепляться надельный феодализм, в дальнейшем распространившийся по всему Китаю и перешедший в Корею (в частности в Силла). С этим надельным строем был сопряжен и особый политический режим - централизованное государство с абсолютной властью императора. Необходимо помнить, что из Китая и Кореи переселялись не только крестьяне; оттуда шли ремесленники, мастера-художники, лекаря, учителя грамоты, мелкие чиновники, буддийские монахи - иными словами, - культурные кадры населения. Они не только вышли из во многом другого мира, но и были носителями его идей. Выше было указано, что эти пришельцы уже давно жили в Японии; вполне натурализовавшиеся в ней были отнюдь не малочисленны. Пусть цифры, приведенные Нихонги о численности рода Хата в 18670 человек, и преувеличены. Несомненно, что этот род все же был очень многочисленным, а род Ати-но оми, который населял до своего прихода в Японию будто бы целых 17 уездов? Потомки Атики и Вани также в большом количестве встречались во многих местах центрального и западного Хонсю.

Из этих слоев японского населения, безусловно наиболее передовых в культурном отношении, однако лишь в малой степени появлялась родовая знать. Случалось, что они оставались на положении рядового земледельческого населения, чаще же всего именно из них формировались группы несвободных - томобэ и какибэ. Этой участи не могли избежать, по-видимому, и даже сильные роды. Так, например, даже такой многочисленный и сильный род, как Хата, и тот, надо думать, находился на положении

"бэ". По крайней мере, согласно Нихонги, царь Юряку (2-ая половина V в.), будто бы собрал весь этот род, до этого живший в различных местностях, в одно место, обязал поставлять шелковые ткани и поставил им для управления своего "управляющего" - Хата-но мияцуко.

По-видимому, близким к рабскому было и положение даже таких потомков пришельцев, которые были учителями китайской грамоты при дворе, или чем-то вроде чиновников, исполняющих разные службы. Таково было, например, положение "грамотеев" (фухито) - дворцовых писцов и историографов из рода Вани: для царей они являлись также "бэ" (Ямато-но фухито-бэ - жившие в Ямато, Кавати-но фухито-бэ - жившие в Кавати).

Ввиду всего этого движения этого слоя японского населения, восходящего по своему происхождению к китайцам и корейцам, следует рассматривать при свете общего движения основной массы японского народа, как "удзибито" - земледельческого населения, так и "томобэ" и "какибэ". При этом более близкое участие они принимают именно в борьбе этих последних, иначе говоря, в движении рабов.

Движение рабов является, по-видимому, основным фактором исторического процесса в V-VI-VII вв., - до самого переворота 645 г. Японские хроники прямо об этом движении, конечно, не говорят. Однако по целому ряду косвенных указаний, можно составить себе достаточное представление об этой борьбе.

Как Кодзики, так и Нихонги нередко упоминают о гневе господ на своих рабов за их неповиновение или какие-нибудь проступки. Это означает, несомненно, что были случаи сопротивления рабов произволу их хозяев. Однако эти случаи следует, как мне кажется, относить главным образом к волнениям рабов типа "яцуко", т.е. домашних слуг, иначе говоря - рабов не производственных категорий. Ввиду этого крупного значения эти волнения иметь не могли. Гораздо более существенное значение имели волнения среди рабов высшей категории - "бэ", на которых в значительной мере строилось хозяйство родовой знати в этот период: несвободные землепашцы (табэ) обрабатывали их поля (мита, тадокоро), знающие еще в добавление какое-нибудь ремесло, кормили себя обработкой земли, а изделия своего ремесла отдавали хозяину. Таких рабов было больше, среди них было очень много людей, стоящих на высоком культурном уровне, к ним примыкали и наиболее образованные для того времени группы "учителей", "грамотеев", иногда - буддийских монахов. Целью их было одно: освобождение. Они стремились к получению возможности существовать так же, как и прочее население, как

"удзибито". Те же слои, которые служили при дворе "писцами" и т.д., иначе говоря своего рода чиновники, стремились выйти из положения "чиновников-рабов" и занять полноправное положение уже в настоящем государственном аппарате. К этому их подталкивало знание положения этих слоев населения в Китае и отчасти - в Корее, где надельный феодализм был сопряжен с многочисленным чиновничеством. Таким образом, движение этого типа рабов, не противоречащее общему движению земледельческого населения, оказалось центральным во всех событиях этих веков и привело в 645 г. к перевороту Тайка, а вместе с ним и к падению системы бэ. Это движение должно было найти себе политическую опору, оно должно было отыскать ту силу, с помощью которой можно было бы осуществить изменение общественного строя. Эта сила была найдена в лице царского дома.

Распад родового строя, естественно, приводил к трансформации прежнего союза родов, возглавляемого одним из наиболее сильных. Родовая община превращалась в соседскую; родовые территории - в ряд административных районов; родовые старейшины - местных правителей; прежние же общеплеменные вожди - в царей, т.е. правителей не только своего рода, но и всего населения. Общее усиление власти вождей племенного союза - несомненно. Однако при рассмотрении того, в каком именно направлении была использована эта власть в интересах широких масс населения - свободного населения и рабов, необходимо учитывать то обстоятельство, что цари Ямато были сами обладателями наиболее многочисленных томобэ, что именно они в первую очередь налагали на свободное население налог и отработочную повинность. В связи с этим процесс, приведший к ликвидации рабства типа томобэ и какибэ, а также к ликвидации земельных владений типа мита и тадокоро, оказывается очень сложным.

Исходя из общей картины классовых взаимоотношений, мы должны ожидать выступлений рабов против своих владельцев. Поскольку цари Ямато были крупнейшими рабовладельцами (в смысле обладателей томобэ), постольку эти выступления должны были направляться и против них. Кроме того, поскольку Кодзики и Нихонги рассказывают в первую очередь о царском доме, в этих хрониках выступления именно царских бэ и должно занимать первое место. Есть ли в этих хрониках сообщения о выступлениях царских томобэ против царей?

Как мне думается, такие сообщения есть; более того, они занимают основное место в тех частях Кодзики и Нихонги, в которых рассказывается о событиях VI-VII в. Нужно только уметь понимать язык этих хроник и манеру их рассказа.

Движение царских томобэ должно было иметь своих вождей. Кто мог быть этими вождями? Очевидно те, кто стоял во главе их. А кто стоял во главе их? На этот вопрос приходится давать двойной ответ.

Во главе Томобэ стояли т. наз. томо-но мияцуко - царские управляющие. Ими могли быть действительно управляющие, поставленные царями для управления теми или иными группами бэ. Такие управляющие не могли выступать вместе со своими управляемыми против царей; наоборот, движение томобэ могло быть направлено против таких томо-но мияцуко. Но могли быть и такие "управляющие" томобэ, интересы которых - в их отношении к царям - не противоречили интересам управляемого ими населения. Это те "управляющие", которые в свое время были старейшинами своих групп, а затем вместе с членами своей группы в разной мере превратились в томобэ по отношению к царскому роду.

Выше было уже сказано, что некоторые томобэ восходят к древним родам - данниками. Эти роды сначала были во всем самостоятельные, управлялись своими старейшинами и только поставляли время от времени царям Ямато полагающуюся дань. Наложение дани практиковалось обычно в тех случаях, когда в каком-нибудь роде - в основе, конечно, земледельческом - по тем или иным причинам было развито какое-нибудь ремесло или промысел. В дальнейшем положение этих родов-данников стало изменяться: они стали постепенно переходить на положение томобэ, т.е. становились уже в полностью зависимое от царей положение. Но во главе их продолжали оставаться по традиции их прежние старейшины. Конечно, этот процесс превращения данников в рабов соединялся с распадом родовой общины, но и в этом случае, как сказано выше, очень часто функции "старосты" в соседской общине переходили к тем же бывшим старейшинам. Впрочем, это и не так существенно, важно то, что во главе этой общины стояло лицо, выдвинутое самой соседской общиной, а не поставленное извне. В дальнейшем, когда эта соседская община превратилась уже в группу рабов, очень часто "управляющими" этими группами оставались их бывшие "старосты". Все это означало то, что в подобных условиях владельцу бэ - в данном случае царскому роду - противостояли все группы бэ целиком, т.е. вместе со своим "управляющим". И именно такие управляющие, в прошлом - "старосты" соседской общины, и может быть даже в еще более отдаленном прошлом - "старейшины" родовой общины, - и становились вождями родов в их борьбе против хозяев, в данном случае вождями томобэ против царей Ямато.

Возможен кроме того и еще один тип таких вождей. Это - не бывшие "старосты" и "старейшины", это - поставленные царями "управляющие", т.е. томо-но мяцуюко. Но это те из них, которые, опираясь на подчиненных им томобэ, пытались эмансипироваться от своих властителей и быть со своими управляемыми группами томобэ независимыми. Это бывало в тех случаях, когда такие группы томобэ, отдавались в управление представителям могущественных в прошлом родов. И, наконец, последнее: пользоваться движением рабов в своих интересах могли и владельцы какибэ, недавние главы родов, почему-либо борющиеся с царями Ямато.

Все эти "вожди" движения не принадлежат к подлинным вождям, действующим во имя интересов томобэ и какибэ, как таковых. Но были и такие: таких вождей я вижу в лице наиболее активных членов групп томобэ и какибэ, сформированных из числа иноземцев - корейцев и китайцев.

Кодзики и Нихонги, как правило, персонифицируют исторический процесс, ими обрисованный: если они говорят о борьбе, то это всегда бывает борьба вождей. Поэтому и надлежит борьбу томобэ отыскивать за борьбой этих вождей. Совершенно естественно отыскивать вождей движения томобэ среди ближайшего окружения царей. С другой стороны, естественно искать наиболее активных участников этого движения среди таких томобэ, которые почему-либо имели больше возможностей для этой борьбы. С этими предпосылками попробуем обратиться теперь к материалам Кодзики и Нихонги.

Выступления отдельных вождей, их борьба с царским домом, их взаимная борьба в V веке принимает особенно ожесточенный характер. В царствование Ритю (400-405), Хансё (406-411), Инкё (412-453) с царским домом соперничал во власти дом Кацураги, глава которого Цубура сумел, в конце концов, занять первенствующее положение в союзе родов Ямато. После смерти Инкё вокруг его наследия разгорелась распря двух его сыновей - Анахо и Кару. Старший - Кару был убит, и Анахо сделался царем (вошел в историю под именем Анко, 453-456). В следующем году был убит и второй возможный соперник - дядя Анко - принц Окусака, причем Анко взял себе в жены супругу последнего - принцессу Накаси. У той был сын от первого мужа - принц Маюва, которому грозила также опасность убийства со стороны царя. Однако, Маюва предупредил события и сам убил (456) Анко, чем отомстил за своего отца. В этом "перевороте принца Маюва", как именуется это событие в обычных изложениях японской истории, принимал, по-видимому, руководящее участие Кацураги Цубура. Однако у Маюва и Цубура нашелся сильный соперник - 5-ый сын царя Инкё, - которому удалось убить и того, и другого

(456). После ожесточенной борьбы с другими соперниками он захватил в свои руки власть в формирующемся государстве и вошел в историю под именем Юряку. Таким образом, власть дома Кацураги пала. Однако ему на смену выступил другой дом - Хэгури, помогавший Юряку в борьбе против Кацураги. Глава этого дома - Матори в качестве "о-оми" в течение двух царствований - Юряку (456-479) и Сэйнэй (480-484) не уступал царям по своему значению в общеплеменном союзе, а после смерти Сэйнэй - в течение царствования Кэнсо (485-487) и Нинкэн (488-498) фактически стоял во главе этого союза. Однако в 498 г. он вместе со своим сыном Сиби был убит главой другого сильного дома - Отомо Канамура, к которому - со званием "о-мурадзи" - и перешло на некоторое время руководство в общеплеменном союзе. Насколько полным было это руководство усматривается из того, что Канамура всецело руководил даже корейской политикой. При нем в 512 г. княжеству Пякчэ были "уступлены" четыре округа японской Мимана, что явилось началом упадка японского влияния на полуострове. Потеря части Мимана ослабила и положение Канамура, принужденного вести борьбу с соперниками, среди которых наиболее сильным был Мононобэ Аракаи, тоже имевший звание "о-мурадзи". С воцарением Киммэй (539-571) могущество Канамура, а с ним и всего дома Отомо было окончательно подорвано и место Отомо занял дом Мононобэ.

Однако и Мононобэ имели сильных соперников в лице дома Сога. Усиление могущества Сога обнаруживается еще в царствование Ритю (400-405), когда глава этого рода - Сога Мати занимал место в союзе родов Ямато почти рядом с наиболее могущественным тогда - Хэгури Цуку. При Юряку (456-479) в руки дома Сога попало управление упомянутыми выше "тремя сокровищницами", что свидетельствует о чрезвычайном усилении их могущества. В связи с этим во 2-ой половине VI в. наиболее могущественными в общеплеменном союзе оказались эти два дома - Мононгбэ и Сога.

В обстановке того времени столкновение этих двух домов было неизбежно. Поводом к нему обычная японская история выставляет спор из-за буддизма: Сога будто бы были за буддизм, Мононобэ - против. На этой почве между ними вспыхнула борьба, закончившаяся истреблением Мононобэ и полной победой Сога.

Проникновение буддизма из Индии в Китай началось очень давно: уже в период 2-ой Ханьской империи при императоре Мин-ди (58-76) проповедь буддизма была официально допущена. С этого времени из Индии и Тибета в Китай стали переходить буддийские монахи, занимавшиеся проповедью своего вероучения и переводом на китайский язык книг буддийского канона. Очень большое распространение буддизма в

Китае отмечается в т. наз. "период пяти варваров" (последние годы Ханьской империи и начало "троецарствия", т.е. III в.) В это время он переходит и в Корею. В период Северного и Южного царства в Китае (IV-VI в.) правители обеих сторон были ревностными последователями буддизма и при их покровительстве это учение получило еще большее распространение. Одновременно идет укрепление буддизма и в Корею, с которой Китай в это время поддерживал самые оживленные сношения. В это же время буддизм попадет и в Японию, куда он проникает из Кореи, бывшей тогда в самых тесных связях с Японией. Официальным годом появления буддизма в Японии считается 552-ой, когда к царю Киммэй были присланы от имени князя Пякчэ в дар буддийские изображения и сутры с убеждением принять новую веру. Однако фактически буддизм стал проникать гораздо раньше: он появился в Японии вместе с китайскими и корейскими переселенцами. Даже японские хроники это отмечают. В них рассказывается о прибытии в 522 году из Южного Лянского царства в Китай рода некоего китайца по имени Сиба Датто, который будто бы построил первый в Японии буддийский храм (в пров. Ямато, где этот род расселился). Впрочем, те же хроники отмечают, что новое учение тогда успехом еще не пользовалось: народ будто бы назвал новых богов "чужестранными богами" и оставался при своих прежних верованиях.

Если продолжать изложение событий так, как они рисуются в хрониках, дальнейший процесс распространения буддизма будто бы развернулся таким образом:

Царь Киммэй, получив послание от князя Пякчэ, собрал на совет наиболее могущественных вождей племенного союза и задал им, согласно изложению Нихонги, следующий вопрос: "Все страны на западе почитают эту веру, неужели одна страна Тоё-Аки-цу-Ямато будет идти против нее?" В ответ на это Мононобэ Окоси, носивший тогда звание "о-мурадзи", будто бы ответил: "Цари нашей страны до сих пор всегда чтили 180 богов неба и земли и весною, летом, осенью и зимой приносили им моления. Если отныне изменить это и начать поклоняться чужеземным богам, боюсь, что это навлечет на нас гнев богов нашей страны". К мнению Мононобэ Окоси присоединился и глава другого сильного дома - Накатоми Камако. В противоположность им вождь Сога Инамэ, бывший в то время "о-оми" склонялся к принятию новой религии. В результате Киммэй отверг мнение сторонников старой религии, решил принять буддизм, отдал Сога Инамэ полученные изображения и сутры и велел ему построить храм и распространять буддизм, что тот и стал делать. Вслед за этим, как повествует Нихонги, в стране начался мор, масса людей умирала. Мононобэ Окоси и Накатоми Камако объявили, что это и есть тот

гнев богов, о котором они предупреждали в свое время. Тогда устрешенный царь будто бы повелел им бросить в реку буддийские изображения и сжечь построенные храмы.

Однако все последующие сведения отнюдь не говорят об уничтожении буддизма. Наоборот, несомненно буддизм завоевывает все большие и большие позиции в стране. Сам Киммэй остается ревностным буддистом; в его царствование из Пякчэ приезжают целых девять буддийских монахов; Отомо Садэкико, возвращаясь из похода на Корейский полуостров, привозит с собой буддийские изображения. В царствование Бидацу (572-585) из Пякчэ приезжают буддийские проповедники, скульпторы, архитекторы. Поступают буддийские изображения и из Силла. Словом, все признаки говорят о дальнейшем распространении буддизма.

Покровителями нового учения по-прежнему выступают главы дома Сога. Сын Инамэ - Умако, действуя вместе с родом Сиба Датто, снова строит храмы, привозит монахов, устраивает богослужения. Нихонги повествует, что вскоре после этого в стране опять начался мор, и это дало повод сыну Мононобэ Окоси - Мория вместе с сыном Накатоми Камако - Кацуми снова приписать это гневу родных богов. В результате Мория и Кацуми сожгли построенные Умако храмы, побросали в реку статуи, избили и разогнали монахов и вынудили Бидацу запретить буддизм.

Борьба домов Мононобэ и Сога, ведшаяся до сих пор из-за буддизма, вскоре возгорелась снова уже по другой причине: вокруг вопроса о престолонаследии. После смерти Бидацу (585) Сога Умако стремился поставить царем принца Оэ, сына своей сестры, бывшей супругой Бидацу. Мононобэ Мория противопоставил этому принца Анахобэ, сына Бидацу от другой жены. Победа оказалась на стороне Сога, и Оэ занял престол под именем царя Иомэй (585-587). Вслед за этим сейчас же был отменен запрет на буддизм, при дворе снова появились монахи. Однако Мононобэ не складывали оружия и после смерти Иомэй (587) снова вместе с Накатоми выступили со своим кандидатом. Борьба окончилась на этот раз полной победой Сога: Сога собрали большие отряды, напали на Мононобэ и в битве у горы Сиги (587) перебили весь род во главе с самим Мория. После этой победы, естественно, на царский престол был поставлен снова ставленник Сога - Сусюн, сын сестры Умако.

Победа над Мононобэ поставила Сога только перед одним соперником - царским домом. В связи с этим борьба переносится в дальнейшем в эту сферу. Нихонги повествует, что царь Сусюн всячески стремился освободиться от опеки Умако и уговаривал другого

члена царского рода - принца Умаядо совместно выступить против Сога. Принца Умаядо считал однако такое выступление преждевременным и дал совет: "некоторое время подождать".

Ненависть Сусюна к Сога была настолько сильна, что однажды при поднесении ему в дар кабана у него даже вырвалось восклицание: "Когда же я смогу отрезать голову ненавистному мне человеку, так, как я отрезаю голову этому кабану!" Прослышавший про эти слова Умако решил предупредить события и послал во дворец группу китайцев из рода Адзума-но Ая-но Кома, якобы с данью. Эти китайцы и напали на дворец и убили Сусюна (592). После этого на престол под именем Суйко была поставлена (592-629) жена Бидацу, происходившая по материнской линии из рода Сога. Наследным принцем был объявлен принц Умаядо, вошедший в историю под именем Сётоку-тайси. Таким образом, Сога фактически подчинили себе и царский род и с титулом "о-оми" стали во главе общеплеменного союза. В конце концов, они стали присваивать себе и внешние prerogatives царского дома. После смерти Умако его сын Эмиси поставил царем Дзёмэй (629-641), потом после его смерти (641) - его жену - Когёку (642-645). Сын Эмиси - Ирука, подавил попытку одного из принцев царского дома - Ямасиро-оэ поднять мятеж против Сога, убив его в 643 г., и с этого времени Сога даже присваивают себе название "микадо", бывшее тогда по своему значению равным понятию и "царский дворец" и "царь", членам своего дома присваивают титул "мико", равный тогда понятию "принц". Иначе говоря, с 587 года, после битвы у горы Сиги и уничтожения Мононобэ, власть в общеплеменном союзе прочно переходит в руки Сога, занимающих сначала главенствующее положение под титулом "о-оми", а затем, с 643 года - и под титулом "микадо".

Такова картина событий, разыгравшихся в V-VI веке, представленных в изложении Нихонги. Попытаемся рассмотреть весь ход их при свете тех предпосылок, которые были установлены выше.

Первое, что с несомненностью явствует из изложения, это факт междоусобной войны отдельных японских домов, сменивших друг друга на арене истории. Нихонги их перечисляет в такой последовательности: Кацураги (до 456 г.), Хэгури (до 498 г.), Отомо (до 539 г.), Мононобэ (до 587 г.) и Сога (до 645 г.). Главы этих домов выступают при этом то как "о-оми", то как "о-мурадзи". Необходимо поэтому несколько остановиться на значении этих названий.

"О-мурадзи" - буквально - "Великий Мурадзи", является главою всех "мурадзи"; совершенно также "О-оми", "Великий Оми", был главою всех "оми". Кто такие эти мурадзи и оми?

Согласно обычной версии это - две группы родов, занимавших еще в глубокой древности главенствующее положение среди японского племени. Мурадзи восходят по этой версии частично к тем родам, которые еще до этого обитали в Ямато, а также к тем, которые издавна жили в Идзумо. Они считаются восходящими родами, восходящими к тому же родоначальнику, что и царский род, т.е. к богине Аматэрасу.

В связи с численным увеличением японских родов и их распадом на "малые роды", образовалось понятие "большого рода", иначе говоря, старшей ветви. Главы этой старшей ветви, занимавшие положение глав всего рода в целом, и стали называться "Великими Мурадзи" или "Великими Оми". В дальнейшем, в связи с объединением родов в один общеплеменной союз, естественно получилось, что главы этих могущественных родов или даже группы родов заняли первые места в этом союзе и те наименования, которые они носили как главы своих родов, получили теперь общеплеменное значение, т.е. превратились в обозначение носителей каких-то общеплеменных функций, иначе говоря - в некое подобие должностных обозначений. Вместе с тем в связи с развитием системы "кабанэ", т.е. сословных обозначений, эти звания приобрели оттенок близкий к понятию титула. Как видно из хроник, звание "О-оми" было в руках дома Хэгури, затем Сога; звание "о-мурадзи" - в руках Отомо и Мононобэ. Благодаря этому период V-VI в., когда происходила борьба этих домов, часто даже и называют "периодом о-оми и о-мурадзи".

Приглядимся теперь ко всем этим "домам" несколько ближе. Очень часто японские историки говорят о том, что роды Отомо и Мононобэ "ведали военным делом" в "государстве царей Ямато"; род же Сога будто бы "ведал гражданским управлением". В самом деле, нет никаких сомнений, что роды Отомо и Мононобэ имели какое-то отношение к военному делу. Что это значит? Это значит, что этими именами назывались дружины, находившиеся в распоряжении царей Ямато. Еще в сказании о Дзимму упоминается, что этот царь, организуя после завоевания Ямато основанное им "государство", поручил трем родам из пришедших вместе с ним - роду Мити-но оми и О-кумэ "охранять ворота своего дворца", а роду Умаси-модэ - нести внутреннюю стражу. Род Отомо по традиционной генеалогии - восходит именно к Мити-но оми, причем с ним вместе слился и род О-кумэ; род же Мононобэ восходит к Умаси-мадэ. Таким образом,

два главнейших дома из числа тех, кто действовал в изложенной "борьбе домов", оказываются просто дружинами царей. Из кого состояли эти дружины? Один из авторитетных историков Японии и при этом из числа самых лояльных к официальной исторической традиции - проф. Кита доказывает, что "Отото, Мононобэ, Саэги и им подобные дружинники брались из числа презираемых инородческих племен. Так, например, общеизвестно, что Саэги-бэ составлялись из Эбису, Кумэ-бэ из Хаято, Отото-бэ, управлявшие Кумэ-бэ, в своей большей части, подобно Кумэ-бэ, происходили из Хаято. И в дальнейшем в большинстве случаев дружины формировались из Эбису..." (см. статью проф. Кита в журнале "Рэкиси тири", за март 15 г. Тайсё).

Итак, эти "дома" - не более чем дружины, сформированные царями Ямато, да при этом еще из инородцев - Эбису и Хаято. Чем это объясняется? По мнению Кита, тем, что "варвары, живущие на окраинах, по своей природе храбры как леопарды, и очень подходящи для того, чтобы быть военными". Может быть, древние Эбису и Хаято и действительно были "храбры как леопарды", но важнее то, что существование таких дружин знаменует появление отрядов, составленных из рабов. Иного положения в союзе родов Ямато инородцы никогда не занимали. Кроме того, на то, что это были рабы - и притом обычного для того времени типа - указывает и само их обозначение: они все обозначались словом "бэ" - Кумэ-бэ, Саэги-бэ, Отото-бэ, Моно-но-бэ. Иначе говоря, все это были разные группы томобэ, а их вожди, игравшие столь большую роль в событиях V-VI в., присвоившие себе звания "великих оми", "великих мурадзи" - томо-но мяцукко, предводители рабов.

Кто такие были Сога? По обычной генеалогии они составляют одну из ветвей рода "канцлера царицы Дзинго" - Такэноути-но сукунэ. Вместе с тем, как это явствует из хроник и как это единогласно подчеркивают все современные историки, своим возвышением Сога обязаны тому, что при Юряку они стали заведывать "тремя царскими сокровищницами" и сохранили это свое положение и в дальнейшем - до самого своего падения (в 645 г.).

Каким образом появились эти "царские сокровищницы" и чем они наполнены? Ответ на этот вопрос уже дан в предыдущем изложении. Из Кореи и из Китая с давних пор, а в особенности - в V-VI в., в Японию переходили группы - иногда очень многочисленные - переселенцев. Они приносили на свою новую родину новые земледельческие орудия - железную мотыгу и лопату, знание устройства более совершенных оросительных сооружений, т.е. знание более высокой земледельческой техники; они принесли с собой

шелководство, высоко развитое ткацкое искусство, гончарное, оружие и вместе с ним искусство его изготовлять. Эти иноземцы, как было описано выше, в большинстве случаев становились на положение томобэ и какибэ, т.е. рабов, находящихся в распоряжении родовой знати, прежде всего - царского дома. Благодаря им в распоряжение царей стала поступать обильная и всевозможная дань. Из Нихонги мы узнаем, что род Хата, собранный Юряку в одном месте, поставлял вместе с родом Вани такое количество предметов, что для хранения их при Ритю пришлось построить целую "внутреннюю сокровищницу". Далее, корейские походы давали также иногда довольно большую добычу; вообще обмен, который велся с корейскими княжествами под видом "дани", также давал немало имущества. О размерах этой дани можно судить по описанию похода Дзинго, когда с Кореи будто бы было взято "восемьдесят кораблей с данью"; при Нинтоку же из Силла будто бы поступило однажды 1464 штуки одной шелковой ткани. Увеличение числа томобэ, а, следовательно, и поступлений от них, а также начавшееся поступление налогов и податей от свободного населения, заставили при Юряку выстроить в дополнение к "священной сокровищнице" и "внутренней сокровищнице" выстроить еще "большую сокровищницу".

Сога заведывали этими тремя сокровищницами. Кем же были эти Сога?

Ито Дзохэй в своей работе "Процесс образования японского государства" пишет: "то, что Сога смогли победить Мононобэ и высоко вознести свое могущество, обуславливается тем, что они тесно слились с заведующими т. наз. "тримя сокровищницами" - "священной", "внутренней" и "большой", в особенности же - с потомками Ати-но оми и Вани, в чьих руках находилось заведывание "внутренней сокровищницей", где хранилась дань, поступающая из Кореи, и родом Хата, заведывавшим "большой сокровищницей", и смогли привлечь их под свои знамена", (Ито Дзохэй, Ниппон кокка-но сэйрицу катэй, стр. 153-154). В этих словах Ито важно полное признание факта "тесного слияния" дома Сога с родами Ати-но оми, Вани и Хата, т.е. с главнейшими группами переселенцев китайского происхождения. Присоединим к этому наблюдению Ито еще два дополняющих: вспомним указание Нихонги, что Сога Умако в насаждении буддизма действовал совместно с родом Сиба Датто, т.е. также группой переселенцев китайского происхождения; вспомним также сообщение той же Нихонги о том, что царь Сусюн был убит по наущению Умако ни кем иным, как отрядом потомков переселенца из Китая - Адзума-но Ая-но Кома. Соединяя все эти факты вместе, не проще ли сказать, что т. наз. дом Сога был мощной группой потомков китайских переселенцев или их возглавлял? А если так, каково было их место в общественном строе V-VII в.? Совершенно очевидно,

что они не могли быть ничем иным, как томобэ, т.е. рабами. На это указывает и их название - Сога-бэ. Если же так, то основными действующими лицами в V-VII в. были группы рабов со своими вождями. Иными словами, основное движение этих веков - движение томобэ и какибэ. При этом совершенно не важна личная генеалогия тех, кто стоял во главе этого движения. Пусть все эти Мононобэ Мория, Сога Уиако, Сога Эмиси и Сога Ирука сами лично не были рабами, а наоборот, принадлежали к родовой знати, важно то, чье движение они возглавляли.

Движение томобэ и какибэ, согласно изложенному выше, в течение этого времени велось пока с одной целью: захвата власти в общеплеменном союзе. Эта цель предопределялась в известной мере личностью их вождей, для которых захват власти означал и богатство и силу. С другой стороны, это движение на первых порах тесно переплеталось с междоусобной борьбой японской родовой знати, бывших старейшин, теперь ставших владельцами и своих полей, и своих рабов. Иначе говоря, самостоятельная и основная цель движения - освобождение рабов - пока не выступала на первый план.

Чем объясняется появление на арене именно этих домов, а не других? Из изложенного явствует, что выступали те дома, которые либо обладали большой воинской силой, либо богатством. Воинская сила составляла могущество Отомо, а затем Мононобэ; богатство составляло силу Сога. Кто же должен был победить из них? Тот, на чьей стороне была еще культура. Дружины Мононобэ состояли из Эбису и Хаято, хотя и "храбрых как леопарды", но все же (особенно Эбису) "варваров" в сравнении с потомками Ати-но оми, Хата, Сиба Датто, из которых слагался лагерь Сога. На стороне Сога были и представители "просвещения" того времени - потомки Вани, царские "писцы" и "историографы". Кроме того, первые были представителями старинной примитивной религии синто, культа стихий природы и культа предков, соединенного с древним родовым строем: вторые были представителями нового учения - буддизма, сопряженного в Китае и Корее с более высоким общественным строем - феодализмом. Всем этим вполне объясняется, что Сога оказались победителями. Победа Сога, захват ими власти в складывающемся государстве означает то, что движение томобэ достигло своей первой цели: оно окончательно подорвало последние остатки родового строя, нанесло решительный удар политической форме общеплеменного союза, подготовило формирование государства и поставило во главе этого формирующегося государства наиболее передовые слои тогдашнего общества.

ПЕРЕВОРОТ ТАЙКА.

Привел ли политический переворот 643 года (убийство Сусюн), произведенный Сога, к разрешению основного противоречия эпохи - взаимоотношения рабов и родовой знати? Как явствует из предыдущего, - не привел. Он только передал власть в складывающемся государстве в руки вождей движения томобэ и какибэ, но вождей, не осуществивших основной цели, к которой стремились те, кто эту борьбу реально вел - самих томобэ и какибэ, в первую очередь, той их части, которая была наиболее культурной в передовой в тогдашнем обществе: потомков бывших китайских и корейских переселенцев. Кстати сказать, не следует думать, что это все еще были китайцы и корейцы: это были уже японцы, т.е. это были вполне натурализовавшиеся слои пришлого населения. Поэтому считать переворот Сога делом рук иноземцев совершенно неверно. Но считать, что этот переворот - дело рук тех слоев японского населения, которые были представителями и носителями китайской культуры, совершенно верно. Какова же была цель этих слоев? Освобождение прежде всего, и такое переустройство государства, чтобы эти недавние рабы могли перейти на положение, равное с основной массой населения Японии - земледельцами, т.е. получить землю, а с другой стороны, чтобы некоторая часть их заняла в новом государстве положение, достойное их высокого культурного уровня и соответствующее их старинным, принесенным еще из Китая навыкам: положение чиновников в новом государстве. Вожди первого этапа движения - Сога не удержались потому, что они не осуществили этого стремления томобэ и какибэ.

Сога не удержались у власти и потому, что они не осуществили второй задачи эпохи, имеющей, пожалуй, даже еще большее значение, чем разрешение проблемы рабов: они ничего не предприняли для того, чтобы удовлетворить стихийное стремление основной массы населения к ведению отдельного для каждой семьи парцеллярного хозяйства, долженствующего окончательно ликвидировать последние остатки родовой общины, и сделать более гибкой и удобной форму общины соседской. Семья твердо становилась основным хозяйственным деятелем и нуждалась, во-первых, в прочном закреплении за ней земли, во-вторых, в таком переустройстве соседской общины, которое бы создавало наиболее удобные условия для ее хозяйственной деятельности. Кроме того, свободное население хотело иметь некоторые гарантии от возможности произвольных поборов со стороны местных представителей родовой знати. Другими словами, политический переворот Сога не осуществил желаний обоих слоев японского населения: основной, но достаточно инертной массы - крестьянского населения, удзибито, и второй, меньшей по численности, - рабов - томобэ и какибэ, среди которых были многочисленные слои

культурных и политически активных потомков бывших переселенцев из Китая и Кореи. Поэтому окончательно во главе нового государства стали те, кто эти обе задачи осуществил. Это было сделано царским домом, конкретно - принцем Нака-но Оэ, поддержанным домом Накатоми, во главе которого стоял Каматари, а также всеми наиболее передовыми и просвещенными представителями тогдашнего общества.

Убийство Сусюн о возведение на престол Суйко (592) не привело царский дом к полному падению. Сога удовлетворились тем, что заняли первенствующее положение в складывающемся государстве, не тронув тех принцев царского дома, которые не пытались выступить против них. Одним из таких принцев был уже названный ранее Умаядо, вошедший в историю под именем Сётоку тайси. Ему первому принадлежит окончательное оформление целей движения и выработка действительной программы политического переворота, могущего эти цели осуществить. Эта программа была выработана им под сильнейшим влиянием новой идеологии, идеологии тех слоев томобэ и какибэ, которые шли в первых рядах общего движения; вместе с тем это была идеология и наиболее просвещенных слоев свободного населения, усвоивших китайскую культуру в Японии, или даже успевших побывать за морем - в Корее и Китае, познакомиться с порядками в этих странах и задуматься о перенесении их на свою родину. Эта идеология слагалась из элементов конфуцианства и буддизма.

Что такое это конфуцианство и этот буддизм, - в пределах нужных для понимания роли этих учений в истории первой революции в Японии?

Конфуцианство обычно возводится к Конфуцию (552-479 до н.э.), превращенному исторической традицией в основателя учения, в величайшего мудреца Китая и великого учителя народов Восточной Азии. Однако истоки этого учения можно обнаружить еще до Конфуция; разным образом к числу основоположников конфуцианства должен быть причислен и Мэн-цзы (372-289 до н.э.), самой китайской традицией названный "ашэн" - "равномудрым". Кроме того, учение как Конфуция, отраженное главным образом в книге "Лунь-юй" ("Рассуждения и беседы"), так и Мэн-цзы, изложенное в книге, названной его именем, является всего только ранней стадией в развитии конфуцианской доктрины. Огромное значение имеет Ханьская школа конфуцианства, т.е. школа эпохи 1-ой и 2-ой Ханьской империи (206 г. до н.э. - 220 г. н.э.), оформившая и разработавшая всю основную литературу, считающуюся "классической". Совершенно особое значение имеет Сунская школа, т.е. школа эпохи Сунской империи (960-1279), продвинувшая это учение на новую более высокую ступень. В дальнейшей истории конфуцианства большое и

опять новое значение получили школы в период Минской (1368-1662) и Циньской (1662-1912) империй. Из всего этого следует, что конфуцианство, являясь в целом философским учением, характерным для феодальной эпохи, в то же время далеко не однородно по своему содержанию: в нем отражаются как различные этапы китайского феодализма, так и умонастроения отдельных слоев феодального общества даже в пределах одного какого-либо периода.

Первоначальное конфуцианство, т.е. именно то, которое имеет значение для рассматриваемого периода японской истории, представляет морально-политическое учение. Элементы религии, которые в нем в слабой степени содержатся, представляются либо вторжением из внешней среды, либо неизбежной для умственного уровня и форм мышления той эпохи, внешней оболочкой отдельных положений и доктрин. Из различных сторон этого учения для целей настоящего изложения важна главным образом одна: обращенность его к древности. В чем заключается эта обращенность? Прежде всего в идеализировании старины, в стремлении видеть в седой древности золотой век человечества. Весь Лунь-юй (т.е. то, что связывается с именем самого Конфуция) преисполнен этим духом.

К какой древности были обращены взоры конфуцианцев? Сам Конфуций жил (или считается по традиции жившим) в т. наз. период Чунь-цю (по традиционной хронологии 720-481 г. до н.э.), т.е. в эпоху бурного распада остатков родового строя и складывания феодального государства. Если так, то "золотым веком" для него была эпоха родового строя.

Идеализирование древности представляется всегда одним из способов выражения недовольства настоящим. Судя по Лунь-юй, Конфуций был недоволен своим временем за его бесконечные междоусобные распри, за произвол правителей, за всеобщий упадок нравов; иначе говоря, за отсутствие прочного социально-политического порядка. Такое недовольство не только выражало неудовлетворенность складывающегося феодального чиновничества, представителем которого был Конфуций, но в какой-то мере отражало и протест передовых масс.

Конфуций звал назад, но силою вещей его этот призыв звал вперед. Это объясняется тем, что именно видел Конфуций в постулируемой им древности.

Разумеется, совершенно нелепо предполагать, что Конфуция в этой древности прельщала "родовой строй". Его прельщала там предполагаемая устойчивость, стабильность всех общественных отношений, обеспеченная непрерываемой по своей внутренней правоте и истине и по своему авторитету для всего населения властью государя. Коротко говоря, Конфуций мечтал не о родовом строе, а о централизованном государстве с твердой верховной властью. Объективно его обращение к древности имело именно этот смысл. Идеал для Конфуция воплощался в облике мудрого монарха, твердо ведущего свой народ по пути мира и благополучия. Конфуций затратил не мало усилий, чтобы такой облик создать. Именно им созданы классические в Китае образы "древних правителей-мудрецов" - Яо, Шуня, Вэнь-вана, У-вана, Чжоу-гуна, правление которых якобы было золотым веком Китая. Конфуций стремился всячески обосновать именно такой образ монарха, прибегая для этого даже к авторитету "Неба": именно "Небо" (Тянь) утверждает такой тип правителя, именно "велению Неба" (Тянь-мин) обязан такой монарх своей властью. Таким образом, политическая доктрина оказалась подкрепленной религиозной догмой.

Доктрина абсолютного монарха определяла собой всю социально-политическую систему идеального конфуцианского государства. Это была, прежде всего, централизованная империя. Ее воплощением был правитель-мудрец, но ее органом было чиновничество, т.е. конкретные устроители и правители государства. Идея чиновничества чужда родовому строю; она - центральный пункт всей новой государственной идеологии. Конфуций и был в первую очередь представителем и выразителем этой идеи. Наличие этой идеи проявляется в том огромном влиянии, которое Конфуций уделял двум принципам, ни в каком случае не могущим уместиться в сознании человека родового строя, но вполне естественных для представителя идеи централизованного государства, управляющегося феодальными чиновниками. Эти принципы - "образование" и "законы". Правитель государства, чиновник, должен "расширять" (свой кругозор) просвещением" (бо вэнь) и "сдерживать (себя) законами" (ио ли). Иначе говоря, декларируется необходимость особой подготовки чиновника и твердых законов для государства. С другой стороны, эти два принципа являются и основой государственного строя в целом, который должен базироваться на просвещении и законах.

Выставляя идеал централизованного государства, Конфуций предусмотрел и конкретные методы управления им, осуществляемого чиновниками под руководством государя. Эти методы - закон, музыка, наказание и управление. Закон (ли) призван и внешне и внутренне регулировать все действия людей; музыка (ио) призвана служить орудием

нравственного воспитания; наказание (сий) является орудием борьбы с нарушением закона; управление (чжэн) есть конкретное руководство жизнью народа.

Разумеется, понятие "чиновник" в уме конфуцианца мыслится со всей доступной для того времени полнотой. Если монарх - не просто правитель, а "правитель-мудрец", то и чиновник - не просто управляющий той или иной областью государственного механизма, а "благородный муж". Иначе говоря, политический идеал становится и моральным идеалом, понятия "государь" и "чиновник" превращаются в понятия моральной личности. Это означает, что рисуемое идеальное государство является воплощением не только высших социально-политических ценностей, но и ценностей моральных.

Таково было в основном содержание конфуцианства как морально-политической системы, которое особенно пришлось по вкусу тем слоям японского населения, которые были недовольны существующим порядком вещей.

Религиозной идеологией, распространившейся в указанных слоях японского населения был, как сказано выше, буддизм.

Возникновение буддизма в Индии также связано с борьбой против родового строя. Адепты нового учения выступали с проповедью религиозной реформы, долженствующей сломать брахманизм, как систему господства высшей касты брахманов. Проповедники нового учения в большинстве случаев принадлежали к воинскому классу - касте кшатриев. Сам Сакия-муни был сыном князя, т.е. воина. Поэтому последователи буддизма в большинстве случаев были представителями этого класса и его социально-политической идеологии: феодального порядка, построенного на объединении и централизации. Буддизм сыграл огромную роль в распаде родового строя в древней Индии. Он был могучим идеологическим орудием в руках тех, кто стремился построить централизованное государство. По этой причине в числе последователей буддизма так много было всяких царей и князей. Это подтверждается не только историей Индии, но и историей Китая. Утверждению Танских императоров во власти сильнейшим образом способствовал буддизм, который завершил ликвидацию последних остатков прежнего родового общинного строя, удержавшегося в Китае даже во времена Циньского и Ханьского феодализма. Поэтому Танские императоры и были такими покровителями буддизма. Поэтому и в Японии горячими адептами нового учения были в первую очередь члены царского рода.

Какие стороны буддизма были направлены против родового строя и раскрывали идею нового общества? Буддизм делал это своим учением о единой для всех религии; идею такой религии он противопоставлял различным местным культам, связанным с местными божествами, - особыми для каждой группы. Буддизм учением об этой единой вселенской религии воспитывал в человеке общенародное, общегосударственное, вселенское мироощущение и тем боролся с идейной замкнутостью мирка, ограниченного размерами рода. Буддизм устанавливал затем всеобщее равенство всех перед Буддой, одинаковую возможность для всех достигнуть вечного спасения; этим он способствовал действиям правителей, боровшихся с местной знатью и стремившихся превратить всех в одинаковой мере в своих подданных.

Известно, что буддизм уже в Индии подвергся той переработке, которая в дальнейшем для многих заслонила его первоначальную и основную социальную сущность. Буддизм, воспринятый в описанном смысле воинами, феодалами, в общественных низах бы перетолкован по-своему: они стремились найти какую-нибудь идеологию, объясняющую их порабощенное существование и дающую веру и убежденность в возможность выхода из него. Так родился буддизм как религия страдающих, но сулящая им спасение. Однако безысходность положения порабощенных масс в Индии, невозможность найти положительный путь к освобождению, заставила их превратить буддизм в точном смысле слова в религию отчаяния: спасение стало рисоваться не в положительном свете, а в отрицательном, не в стремлении добиться жизни, а в стремлении отрешиться от жизни. Таким образом, горестному "бытию" было противопоставлено желанное "небытие" - Нирвана. Разумеется, такой поворот мог быть только полезен другому слою буддистов - князьям и правителям: отказ от положительных путей к освобождению от страданий и угнетений способствовал превращению народных масс в мирных и послушных исполнителей царской воли.

И еще одна сторона буддизма была исключительно удобна для правителей. Дело в том, что буддизм создал не только учение, но и великолепную церковную организацию. По своей сложности, сплоченности и дисциплине она во многом напоминает другую феодальную церковную организацию - средневековое папство. Буддийская церковная иерархия - монахи и прелаты разных степеней - представляла для Японии готовую модель феодального общества; буддийские храмы и монастыри могли стать опорными пунктами для проведения централизованной системы управления. Недаром в дальнейшем в Японии церковное и административное районирование страны полностью совпадало: каждая "провинция" (куни) была одновременно и церковной провинцией;

"провинциальному управлению" (кокуфу) каждой провинцией соответствовал "провинциальный монастырь" (кокубундзи).

Ярким представителем новой идеологии - как конфуцианства, так особенно буддизма - являлся в период господства Сога принц Сётоку-тайси.

Сётоку-тайси (572-622) выступает в истории этого времени прежде всего как ревностный покровитель буддизма. Он построил такие крупные монастыри как Ситэннодзи, Хокодзи, Хорюдзи. При этом он заботился и о материальной базе этих монастырей. Так, например, храму Ситэннодзи были переданы большая часть рабов и земель низвергнутого дома Мононобэ. Примеру Тайси следовали и другие представители знати, так что через три года после смерти Тайси, т.е. в 624 году в Японии насчитывалось уже 46 храмов, 816 монахов, 569 монахинь.

Сётоку-тайси выступал не только как строитель храмов; он был горячий адепт новой религии и ее проповедник. Известно, что он учился догматам буддизма (Махаяна) у Эдзи - монаха из Когурё, штудировал сутры Хоккэкё и Юимакё и лично выступал с проповедью. Все это обусловило то, что в истории буддийской церкви в Японии он занял положение "апостола" - просветителя Японии. Под его влиянием в 594 г. был издан даже эдикт, предписывающий членам царского рода и всем сановникам принять буддизм. Это означало официальное введение новой религии. Памятником его деятельности, как буддиста, являются не только храмы, но и оставшиеся после него комментарии на три буддийские сутры.

Само собою разумеется, что изучение буддийского писания подразумевало полное владение китайским языком: весь буддийский канон дошел до Японии в переводе на китайский. Это значит, что Тайси был одним из самых образованных людей своего времени. Сохранились сведения о том, как он изучал китайскую литературу не только буддийскую, но и конфуцианскую. Его учителем называют ученого того времени, китайца Какука. Из его произведения - "закона из 17 статей" - можно легко усмотреть его знакомство с классическими книгами конфуцианства - Шан-шу, Ши-цзин, Лунь-юй, а также с памятником позднейшей китайской художественной литературы - сборником Вэнь-сюань.

Знаменитым памятником деятельности Сётоку-тайси является именно этот "закон из 17-ти статей", составленный в 604 г. В нем сочеталась вся буддийская и конфуцианская

эрудиция автора, полностью отразился весь строй его мыслей и в то же время вся новая идеология века. Остановимся несколько подробнее на его содержании, тем более, что это - первый письменный документ такого рода в Японии.

Статья 1-ая этого "Закона" устанавливает необходимость для высших быть мягкими, для низших - дружелюбно настроенными; это есть залог всеобщего спокойствия.

Статья 2-ая призывает к почитанию "трех драгоценностей" - "Будды, священного закона и монахов", иначе говоря, - к вере в буддийское учение, аргументируя этот призыв, во-первых, тем, что "в каком же свете, кто из людей не чтит этот закон?", во-вторых, тем, что "если не чтить три драгоценности, чем же тогда исправить зло?"

Статья 3-я достойна того, чтобы процитировать ее полностью: "Когда получаете повеление государя, обязательно соблюдайте его! Государь - это небо, подданные - это земля. Когда небо покрывает сверху, а земля распростирается внизу, в порядке следуют друг за другом четыре времени года, разворачивается движение всех сил. Если земля захочет покрыть собою небо, то этим только будет достигнуто разрушение. Поэтому, когда государь говорит, подданные слушают; когда наверху действуют, внизу склоняются. Поэтому, когда вы получаете повеление государя, обязательно соблюдайте его! Если не будете соблюдать, погубите сами себя".

Статья 4-я также весьма знаменательна: "Все сановники и должностные лица, считайте самым главным закон (ли)! Основа всего управления народом заключается в законе. Если нет закона наверху, нет порядку и внизу. Если же нет закона внизу, обязательно появляются преступления. Поэтому, если у сановников и должностных лиц есть закон, их ранги и степени - не перепутаются; если у народа есть закон, государство само собою управляется".

Статья 5-я говорит о необходимости беспристрастия при отправлении правосудия.

Статья 6-я призывает к немедленному исправлению всяких ошибок и проступков и отделению от себя льстецов и обманщиков.

Статья 7-я призывает к надлежащему исполнению каждым его обязанностей.

Статья 8-я устанавливает своего рода служебный регламент: "Сановники и чиновники! Рано приходите на службу и поздно уходите! Дел - очень много. Даже за весь день их не переделаешь. Поэтому, если вы будете приходить на службу поздно, не поспеете со срочными делами, если будете уходить рано, обязательно останутся незавершенным дела".

Статья 9-я говорит о необходимости взаимного доверия и для государя, и для его подданных.

Статья 10-я указывает на относительность понятия добра и зла: "у каждого человека есть свое сердце. Сердце у каждого имеет то, к чему оно привязано. Он считает это хорошим, я - дурным. Я считаю это хорошим, он - дурным. Но я вовсе не обязательно мудрец. Он вовсе не обязательно глупец. Мы вместе - обыкновенные люди". На основании этого статья призывает к терпимости и снисходительности.

Статья 11-я призывает к справедливости при награждениях и наказаниях.

Статья 12-я также достойна цитирования: "Правители и куни-но мяцую! Не угнетайте народ! В государстве нет двух государей. У народа нет двух господ. Весь народ в государстве почитает своим господином государя. Все должностные лица - только слуги государя. Как же вы смеете, пользуясь властью, угнетать народ?"

Статья 13-я говорит о необходимости для чиновников ясно представлять себе, в чем заключаются их обязанности.

Статья 14-я предостерегает чиновников от взаимной зависти и соперничества.

Статья 15-я призывает забыть узкие, личные интересы и отдать служению общественному делу.

Статья 16-я устанавливает порядок привлечения населения к отработочной повинности: "в привлечении народа к работе надлежит соблюдать время, - таков прекрасный закон древности. А именно: привлекать к работе можно зимой, когда люди свободны. С весны же и до осени - сезон земледельческих работ, и привлекать народ к работе нельзя. Если они не смогут возделывать землю, что же они будут сеять? Если они не успеют собрать шелковичного червя, во что же они будут одеваться?"

Статья 17-я вводит принцип своеобразной коллегиальности важнейших решений: "важнейшие дела нельзя решать одному. Обязательно надлежит советоваться со всеми".

Само собою разумеется, что этот "Закон" Сётоку тайси ни в какой мере не может быть назван законом. Это - декларация, манифест, программа - все, что угодно, только не закон. Это - впервые сформулированные тезисы того социально-политического строя, о котором мечтал автор, мечтали с ним и все передовые люди его времени. Это - квинтэссенция государственно-политических принципов конфуцианства и буддизма, взятых в тех своих частях, которые могли совпадать с целями общего движения к реформе всего строя. Это - программа управляемого чиновничеством централизованного государства с превращением всего населения в одинаковое для всех положение подданных единого монарха, власть которого абсолютна, так как она зиждется на естественном мировом порядке.

Конечно, Тайси не был в силах провести эту программу в жизнь. Власть в складывающемся государстве находилась не в его руках, а в руках Сога. Царский дом был сильнейшим образом ослаблен: Сога устранили ряд наиболее активных его членов, убили даже своего ставленника Сусюн, как только он сделал попытку сопротивляться. Прочие сильные дома либо пали еще до этого во взаимной борьбе, либо были уничтожены Сога. В ближайшем окружении царского дома, в составе бывшего союза родов Ямато оставался неразгромленным только один сильный дом - Накатоми, который мог оказать поддержку царскому дому, но подготовка выступления в обстановке самовластия Сога была затруднительна и требовала времени. Поэтому деятельность Тайси оказалась поневоле направлена в ту сторону, которая была для него доступна: в сторону идеологической, программной и отчасти даже организационной подготовки нового строя. Своим возникновением Сога обязаны тому, что сумели стать во главе основного движения эпохи. Своим падением они были обязаны тому, что не осуществили полностью задач этой эпохи. Но так или иначе они до известных пределов были представителями идей нового, передового порядка. Поэтому они и покровительствовали буддизму. Это дало Сётоку-тайси возможность беспрепятственно насаждать буддизм. При этом он пошел дальше Сога, также покровительствовавших буддизму, и глубже их. Он отчетливо соединил буддизм с новыми политическими установками - теорией нового государственного строя и тем способствовал еще более полному превращению этого учения в орудие политической борьбы. Это соединение он выразил в своем "Законе". Далее, насаждая буддизм, он строил монастыри, заботился об увеличении числа

монахов, т.е. принимал меры к организации в Японии буддийской церкви. Таким образом, он понемногу создавал людские кадры, нужные для борьбы, и организационный аппарат, на который можно было бы опереться. Монастыри с их уже прочно сложившимся уставом и порядками, с их монахами - наиболее образованными людьми того времени, связанными с зарубежными передовыми странами и идейно, и организационно - могли служить могучей опорой в предстоящей борьбе. Таково политическое значение деятельности Тайси, как "апостола" буддизма в Японии.

Такой же идеологической подготовкой являлось для него и составление "Закона" из 17-ти статей, в котором, как сказано выше, нашла свое полное отражение формулировка его положений о будущем государственном строе. Есть сведения, что Тайси занялся составлением и истории Японии, в частности, составил "Хронику императоров" (Тэнноки). Эти его сочинения до нас не дошли, они якобы сгорели во время пожара, сопровождавшего разгром Сога в 645 году. Но, судя по названию, это сочинение должно было положить начало той концепции предшествующего исторического развития Японии, которая с такой полнотой и ясностью запечатлена в Кодзики и Нихонги: концепции верховного положения царского рода среди всех родов, основанного на его происхождении от богини Аматэрасу, и развития всего исторического процесса как деяния этих царей. Иначе говоря, составление этой истории, по-видимому, было одним из звеньев всесторонней идейно-политической подготовки нового строя, характерное тем, что целям этой подготовки стал служить и родной синтоизм.

Одним из организационных мероприятий Тайси, предпринятым в целях, с одной стороны, создания нужных людских кадров, а с другой, заложения новых основ будущего государственного аппарата, было установление им "табеля 12 рангов" (603). Согласно этой табели, все высшие придворные чины были распределены по 12 рангам, каждому из которых был присвоен свой цвет одежды и своя форма головного убора. Это мероприятие, проведенное целиком по китайскому образцу, означало уже первую попытку создания высшей правительственной бюрократии, начало организации двора. Вслед за этим (604) был впервые введен китайский придворный церемониал, по которому все сановники должны были расprostираться ниц перед государем и переползать через порог того помещения, где он находился, на коленях, с уткнутыми в пол руками.

Насколько серьезная была деятельность Тайси, свидетельствует тот факт, что он стремился найти себе политическую опору за рубежом. В Китае в это время произошло объединение под властью династии Суй (589-618), образовалась мощная Суйская

империя. Время жизни Сётоку-тайси совпадало как раз с эпохой торжества объединительного процесса в Китае и установления централизованной империи с крепкой верховной властью. Это положение в Китае быстро отразилось на всем Дальнем Востоке; под влиянием китайских событий усилились тенденции к установлению единого государства в Корее; это влияние сказалось и в Японии. Сётоку-Тайси сделал очень важный политический ход; он вступил в прямые политические сношения с Суйским двором; в 607 году им было послано официальное посольство к императору Янь-ди. Послу Оно-но Имоко было вручено послание Тайси, начинающееся словами: "Сын неба (тэнси) Страны восходящего солнца шлет письмо Сыну неба страны заходящего солнца. Будь здоров". По сведениям китайских хроник Янь-ди будто бы недоволен таким равным титулованием могущественного императора Китая и правителя какой-то Японии. Тем не менее было снаряжено ответное посольство, которое было с великим почетом принято Сётоку-тайси (608). При возвращении Суйского посла в Китай с ним снова был направлен Имоко (608). Послание, которое он должен был передать Суйскому императору, на этот раз начиналось словами: "Небесный государь (тэнно) Востока почтительно обращается к Небесному государю Запада". Иными словами, снова было подчеркнуто равенство титулов.

Целью этих посольств было установление прочных политических связей с Суйским императором, стремление включить Японию в общую обстановку Восточной Азии, сблизить с наиболее культурной и передовой страной Дальнего Востока. Наряду с этим Тайси стремился всячески развить и культурные связи: при нем посылаются для учения в Китай молодые люди. К посольству Имоко в 607 году причисляются восемь молодых людей, едущих учиться в Китай. Среди них находятся Такамуко Гэнри и монах Мин, сыгравшие впоследствии крупную роль в перевороте Тайка и бывшие, кстати сказать, сами китайского происхождения.

Такова была деятельность Сётоку-тайси. Из нее мы можем явственно видеть, какого рода идеи, тенденции созревали в царском доме, какие люди там появлялись и какая велась подготовительная работа к созданию нового порядка.

После смерти (622) Сётоку-тайси исторический процесс вступил в свою последнюю и решающую фазу.

Прежде чем описать события, составляющие непосредственное содержание переворота Тайка, вернемся снова к внешнеполитическому окружению Японии.

Как было уже изложено выше, в 562 г. под ударами Силла пало японское влияние в Мимана, и японцы потеряли свою опорную базу на полуострове. Однако это нисколько не приостановило сношений с Кореей, продолжающих развиваться и в дальнейшем в еще больших размерах. Возьмем для примера хотя только то, что отмечается Нихонги в одно только царствование Бидацу (572-585). Нихонги отмечает в 573 году прибытие посланцев из Когурё; в 575 году из Пякчэ прибывают монахи, буддийские скульпторы и архитекторы; в 579 г. из Силла доставляются буддийские статуи; в 580 г. происходит небольшое столкновение с Силла, "отказывающейся внести дань"; то же отмечается в 582 г.; в 583 г. начинают готовиться к походу на Силла, для чего царь Бидацу призывает из Пякчэ некоего Нитира, японца из семьи одного из японских посланцев, направленных в Пякчэ еще в царствование Сэнка (535-539); этот Нитира приглашается, по-видимому, как советник, хорошо знающий положение дел на полуострове; он дает совет одновременно и военно-организационный, и стратегический, и внутреннеполитический: он указывает на необходимость понастроить побольше кораблей, советует обратиться сначала против Пякчэ, но прежде всего дать возможность народу "накопить силу", Нитира был убит и задуманная экспедиция не состоялась.

Об экспедициях против Силла думают и в царствование Сусюн (585-592). В 591 г. организуется войско с Ки-но Омаро во главе, которое располагается лагерем в Цукуси, к Силла же посылается требование вернуть Мимана. Убийство Сусюн в 592 г. расстраивает эти планы и Суйко в 595 г. войско распускается. Однако в 600, 602, 623 г. отмечаются новые походы на полуостров. Наряду с этим все время идут оживленные мирные сношения: с обеих сторон направляются послы. Из Кореи все время едут монахи, мастера-скульпторы, строители храмов и зданий. Непосредственно в Корею или через Корею в Китай направляются и японцы, едушие учиться, знакомиться с порядками в заморских странах.

Продолжают развиваться и сношения с Китаем. Смерть Сётоку-тайси (622) не приостанавливает официальные посольства. Царский дом стремится продолжать политику Тайси и создавать себе политическую опору в Китае. Как известно, в 618 г. в Китае Суйская династия сменилась Танской, вследствие чего посольства следуют теперь к Танскому двору. Первое такое посольство относится к 630 г., когда в Китай был направлен Инуками Митасуки. С своей стороны и Танское правительство стремится поддерживать эти сношения: в 632 г. вместе с возвращающимся Митасуки приезжает и танский посол. Это посольство Митасуки открывает собой длинный ряд посольств к Тан

(кэнтоси), прекращающихся только в 895 г., незадолго до падения самой Танской империи. Уже это одно свидетельствует, насколько прочна была культурно-политическая связь молодой Японии с наиболее могущественным и культурным государством Восточной Азии - Танской империей. Эта связь долго была опорой последующего политического режима в Японии, что свидетельствует о правильности обращения Сётоку-тайси за поддержкой за границу.

Первая попытка царского дома освободиться от Сога относится к 628-629 г. Воспользовавшись наступившей после смерти Суйко (628) распрей вокруг вопроса о ее приемнике, сын Сётоку-тайси принц Ямасиро-оэ сделал попытку поднять оружие против Эмиси (отца) и Ирука (сына), возглавлявших тогда дом Сога. Принц Ямасиро-оэ был поддержан рядом других домов, в том числе - и одной из ветвей дома Сога - домом Сакаибэ. Попытка эта окончилась неудачей; поднявшие оружие были разбиты, и на престол вступил кандидат Сога - царь Дзёмэй (629-641). Принц Ямасиро-оэ в дальнейшем был убит. После смерти Дзёмэй на престол был возведена его супруга - царица Когёку (642-645). При ней могущество дома Сога, руководимого Ирука, достигло своего зенита. Сога заняла положение полновластных хозяев в складывающемся государстве, Нихонги с негодованием повествует, что оба Сога - Эмиси и Ирука еще при жизни стали строить себе могильный курган-мавзолей, называя его "мисасаги", т.е. названием, присвоенным только курганам царей; свой дворец называли "микадо", своих детей - "мико", т.е. словами, относящимися только к царскому дворцу, к принцам царского дома.

Во главе заговора, свергнувшего Сога, встали два лица: принц Нака-но Оэ и Накатоми Каматари. Первый представлял собой царский дом, второй - старинный могущественный жреческий род Накатоми, в свое время боровшийся с Сога на стороне Мононобэ. Оба они получили превосходное для того времени образование; их учителем был Минамибути Сёан - один из "восьми молодых людей", посланных Сётоку-тайси учиться в Китай. С ними были близко связаны и упомянутые выше Такамуко Гэнри и монах Мин, также из числа этих восьми человек, а также вообще все наиболее передовые в то время слои, близкие ко двору.

Принц Нака-но Оэ, получивший китайское образование и бывший под влиянием этих лиц, был горячим поклонником Китая и всего китайского. К заговору примкнули и все недовольные Сога. Удалось привлечь - и это было всего важнее для успеха заговора - и

ряд домов, бывших в родстве или на стороне Сога, в том числе - Сога Кураямада Исикава-маро на дочери которого, по совету Каматари, женился принц Нака-но Оэ.

Слухи о заговоре достигли до Сога, и те приняли все меры предосторожности. Поэтому для выполнения плана нужен был какой-то особый случай. Такой случай скоро представился. 14-го июля 645 г. (по лунному календарю) был назначен при Дворе прием корейских послов, во время которого Сога Ирука явился без оружия и охраны. Этим воспользовались заговорщики. Присутствующие на приеме Нака-но Оэ и Каматари, имевшие спрятанное оружие, убили Ирука. Вслед за этим отряды заговорщиков окружили дворец Эмиси. Старик Эмиси покончил с собой, все Сога были перебиты, а их дворец сожжен. Таким образом, державшаяся свыше ста лет (начиная с Инамэ) власть Сога, пала. Это событие и составляет в узком смысле слова "переворот Тайка".

После своей победы заговорщики сейчас же принялись за организацию своего правительства. Царица Когёку, ставленница Сога, была свергнута, и на ее место поставлен (под именем Котоку) старейший принц Кару, наряду с Нака-но Оэ и Каматари - один из главных руководителей заговора, вместе с ними подготовивший убийство Эмиси и Ирука. Год его воцарения получил наименование "1-й год Тайка". Этим вводилась в Японии китайская система обозначения годов правления императоров особыми названиями, т. наз. нэнго, по которым и велось летоисчисление. При императоре (как теперь будем переводить китайский титул "тэнно") был сформирован и основной правительственный аппарат - вполне в китайском духе: пост "дворцового министра" занял Накатоми Каматари, принявший фамилию Фудзивара; пост "левого (первого) министра" занял Абэ-но Курахаси-маро, "правого (второго) министра" - Сога Кураямада Исикава-маро. Такамуко Гэнри и монах Мин получили звание "учителей государства" (куни-хакасэ), т.е. политических советников государства. Сам принц Нака-но Оэ был объявлен наследником престола.

Если бы только этим все ограничилось, переворот Тайка так бы и остался в истории Японии рядовым событием, состоящим в смене одних лиц другими. Однако этот переворот знаменовал собой наступление действительно новой эры: он окончательно разрешил задачи эпохи.

Основное движение эпохи, как это было показано выше, состояло из движения основной массы населения - бывших удзибито, родичей, крестьян, и движения томобэ и какибэ, рабов. Свободное земледельческое население стремилось покончить с последними

остатками родовой общины, сделать более гибкими формы соседской общины, дающими возможность ограничить хозяйство размерами небольших объединений, в основе - большой семьи; кроме того, это население хотело, чтобы ему было гарантировано беспрепятственное пользование землей, без опасения захвата со стороны более сильных. Томобэ и какибэ стремились к освобождению от необходимости работать на своих господ, к тому, чтобы во всем перейти на положение свободного населения. Наиболее активный отряд движения составляли именно томобэ и какибэ, в особенности те слои их, которые происходили от китайцев и корейцев. Они толкали своих "управляющих" на захват власти, они пытались с помощью этих своих вождей добиться своих целей. Сога власть захватили, но стремления тех, кто составлял их силу, не удовлетворили. Это и послужило причиной их падения. Победители переворота Тайка это сделали и этим не только укрепили свою власть, но и положили начало новому порядку.

С наступлением нового года (646) в торжественной обстановке был издан манифест, объявляющий о реформах. Его содержание красноречиво говорит о действительном перевороте.

Первое, с чего начинается манифест, это - с декларации об освобождении рабов: "Люди Косиро (т.е. микосиро и минасиро), образованные в прежнее время императорами; миякэ во всех местах, люди какибэ, принадлежащие оми, мурадзи, томо-но мияцуко, куни-но мияцуко, мура-но обито, а также тадокоро во всех местах - уничтожаются".

Второе существенно важное в этом манифесте, это - декларация о распределении земли среди населения: "будут составлены подворные списки и счетные книги и будут установлены правила наделения землей".

В этих двух пунктах - все содержание переворота. Когда первый пункт говорит о ликвидации косиро и какибэ, это значит, что он отменяет рабство; когда он говорит о ликвидации миякэ и тадокоро, т.е. особых земель, находившихся в распоряжении царского рода или представителей родовой знати, это значит, что он отменяет и рабовладельческие поместья. Когда второй пункт говорит о наделении землей и о составлении подворных списков, это значит, что отныне основной единицей в земельном хозяйстве будет "двор", т.е. большая семья. Само же слово "вакатита", означающее "распределение" показывает, что это наделение отдельных дворов землей было распределением среди них земли, составлявшей до сих пор общинную собственность, а это означало ликвидацию общины в той форме, в какой она до сих пор была. Эти пункты

свидетельствуют, что основная цель движения японского народа была достигнута. Все прочее имеет уже более второстепенное значение.

Так, манифест 646 г. вводит административное районирование страны: страна делится на провинции, уезды и сельские округа (из 50 дворов). Управляют этими районами губернаторы, уездные начальники и сельские старшины. Это постановление ликвидирует последние остатки старых родовых территорий, а также и прежние формы общины.

Утверждается и институт чиновничества, живущего на жалование государства: взамен рабов и земельных владений "сановникам ранга дайбу и выше представляются "кормовые пожалования", а чиновникам и простым служащим - ткани".

Это постановление предопределяет еще одно: если государство должно своих чиновников оплачивать, оно должно откуда-то получать средства на эту оплату. Поэтому тот же манифест вводит и налоги: "все прежние отработочные повинности отменяются, и устанавливается земельный налог, земельная и подворная подать, дополнительные сборы и трудовая повинность". Размер земельного налога устанавливается в размере 2 снопов, 2 связок риса в зерне с 1 тана. Земельная и подворная подать - это различные ткани; дополнительный сбор - это продукты местного промысла (напр., соляного); трудовая повинность - это привлечение населения на общегосударственные работы.

Таким образом, оказалась утвержденной знаменитая триада обложения: налог-подать-повинность. Эта триада давно уже существовала в Китае; ее формирование с ясностью обнаружилось и в Японии: вспомним упомянутые выше "татикара" - зерновой налог с земли, "мицуги" - подать изделиями крестьянского ремесла, в первую очередь - тканями, и продукцией крестьянского промысла, "этати" - принудительное привлечение крестьян к работам по постройке зданий, проведению дорог, устройству оросительной системы и т.д. Это значит, что реформа Тайка только окончательно закрепила эти виды налогов и повинностей. И так как они получили теперь уже всеобщее значение, были распространены на все крестьянское и - в прошлом - рабское население, они стали основной формой присвоения правящим классом прибавочного продукта, формой - типично феодальной.

Конец рукописи